

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

2019 Том 21 № 3

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Научный журнал

Издается с 1999 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61179 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Почта Ю.М., доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

E-mail: pochta-yum@rudn.ru

Ответственный секретарь

Иванов В.Г., доктор политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

E-mail: ivanov-vg@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Грачев М.Н. — доктор политических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»

Члены редакционной коллегии

Мчедлова М.М. — доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой сравнительной политологии ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

Панкратов С.А. — доктор политических наук, профессор и заведующий кафедрой международных отношений, политологии и регионоведения ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

Карадже Т.В. — доктор философских наук, профессор и заведующая кафедрой политологии и социологии Московского педагогического государственного университета

Попова О.В. — доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Коваленко В.И. — доктор философских наук, профессор и заведующий кафедрой российской политики факультета политологии ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Капустин Б.Г. — доктор философских наук, профессор Йельского университета (США)

Абсаттаров Р.Б. — доктор философских наук, профессор и заведующий кафедрой политологии и социально-философских дисциплин Казахского национального педагогического университета им. Абая (Казахстан)

Дуткевич Петр — доктор политических наук, директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтоновском университете (Канада)

Францке Йохан — доктор политических наук, профессор, заместитель декана факультета экономических и социальных наук Потсдамского университета (ФРГ) — член редколлегии

Карлос Пачеко Амарал — доктор политических наук, профессор Университета Азорских островов (Португалия)

Николя Када — доктор политических наук, профессор Университета Пьера Мендеса Франса, г. Гренобль (Франция)

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ**

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Языки: русский, английский.

Индексация: РИНЦ, ВАК, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions.

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 20827.

Цели и тематика

Журнал *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология (Вестник РУДН. Серия: Политология)* — периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 1999 г. С момента своего создания журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих и старейших политологических журналов России.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам политической науки. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «Политический процесс в современной России: тенденции и перспективы», «Политические процессы в современном мире», «Актуальные вопросы политической науки», «Научная жизнь».

Цель журнала — способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами. Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политологии. Целевой аудиторией журнала являются специалисты-политологи, а также аспиранты и докторанты, обучающиеся по направлениям «Политология» и «Международные отношения».

В своей деятельности редакционная коллегия руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/political-science>.

Электронный адрес: politj@rudn.ru.

Литературный редактор: И.Л. Панкратова

Компьютерная верстка: Е.П. Довголевская

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии серии «Политология»:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2

Тел.: (495) 936-85-28

e-mail: politjournalrudn@rudn.ru

Подписано в печать 23.07.2019. Выход в свет 19.08.2019. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 23,72. Тираж 500 экз. Заказ № 1098. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE

2019 VOLUME 21 No. 3
DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3
<http://journals.rudn.ru/political-science>

Founded in 1999

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

CHIEF EDITOR

Pochta Yu.M., PhD, full professor
of the Department of Comparative Politics,
Peoples' Friendship University of Russia
E-mail: pochta-yum@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Ivanov V.G., PhD, associate professor
of the Department of Comparative Politics,
Peoples' Friendship University of Russia
E-mail: ivanov-vg@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Grachev M.N., PhD, full professor of the Department of Theoretical and Applied Political Science,
Russian State University for the Humanities

ASSOCIATE EDITOR

Mchedlova M.M. — PhD, full professor and head of the Department of Comparative Politics,
Peoples' Friendship University of Russia

Pankratov S.A. — PhD, full professor and head of the Department of International Relations,
Political Science and Regional Studies, Volgograd State University

Karadje T.V. — PhD, full professor and head of the Department of Political Science and Sociology,
Moscow State Pedagogical University

Popova O.V. — PhD, full professor and head of the Department of Political Institutions and Applied
Political Science, Saint Petersburg State University

Kovalenko V.I. — PhD, full professor and head of the Department of Russian Politics, Moscow
State University

Kapustin B.G. — PhD, professor of Yale University (The USA)

Absattarov R.B. — PhD, full professor and head of the Department of Political Science and Socio-
Philosophical Disciplines, Kazakh University named after Abai (Kazakhstan)

Dutkiewicz P. — PhD, full professor, director of the Institute of European, Russian and Eurasian
Studies, Carleton University (Canada)

Franzke J. — PhD, full professor and vice dean of the Faculty of Economic and Social Sciences,
Potsdam University (Germany)

Pacheko Amaral C. — PhD, full professor of the University of the Azores (Portugal)

Kada N. — PhD, full professor of the University of Pierre Mendes France (France)

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

Publication frequency: quarterly

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Languages: Russian, English

Indexation: Russian Science Citation Index (elibrary.ru), Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, East View, DOAJ, Dimensions

Aims and Scope

RUDN Journal of Political Science is a peer-reviewed international academic journal that publishes research in political science. The journal is international with regard to its editorial board members, contributing authors and publication topics. The journal has been published since 1999. Ever since its first issue, the journal has been complying with the highest scientific and ethical standards and is one of the leading and oldest contemporary political science journals in Russia.

The aim of the journal is to promote broad academic exchange and cooperation between Russian and international political scientists. The journal publishes original results of fundamental and applied research on the topical issues of political science. The thematic focus of the journal is presented in the following permanent rubrics: "Political Process in Contemporary Russia: Tendencies and Prospects", "Political Processes in the Contemporary World", "Current Problems of Political Science", "Academic Life". The journal welcomes research articles and reviews devoted to various problems of political science. The target audience of the journal are Russian and foreign specialists, political scientists and post-graduate students in the fields of political science and international relations.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/political-science>.

E-mail: politj@rudn.ru.

Review editor *I.L. Pankratova*

Computer design *E.P. Dovgolevskaya*

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board

RUDN Journal of Political Science:

Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198
Ph. 936-85-28, fax 936-85-22
e-mail: politjournalrudn@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41;
e-mail: publishing@rudn.ru

© RUDN University, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

- Виноградова Н.С.** Образ России в российском телеэфире (исследование 2017—2019 гг.) 397
- Степанов А.А.** «Наш Дом — Россия»: движение «широкого центра» (1995—1999) 409

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- Olubela A., Iyunade O., Ogunsanya A.** Youth Engagement in Nigerian Politics: Age and Gender Differentials (as Perceived by Ijebu-Ode Community) (**Олубела А., Юнаде О., Огунсанья А.** Участие молодежи в нигерийской политике: возрастные и гендерные различия (восприятие сообщества Иджебу-Оде)) 421
- Zubovic M.** Agrokor: Political Aspects of the Crisis of Croatia's Biggest Conglomerate (**Зубович М.** Агрокор: политические аспекты кризиса в крупнейшем хорватском концерне) 430
- Kumie G.A.** Water Governance and Water Management Systems in the Tekeze River Basin (**Кумие Г.А.** Системы управления водными ресурсами в бассейне реки Текезе: политические аспекты) 439
- Zreik M.** Geopolitical Situation in Northeast Asia: Development of Sino-Russian Relations (**Зрейк М.** Геополитическая ситуация в Северо-Восточной Азии: развитие китайско-российских отношений) 450
- Gana M.L.** Militia Participation in Counterinsurgency: The Impetus of Civilian Joint Task Participation in Combating Boko Haram in Nigeria (**Гана М.Л.** Участие ополченцев в антиповстанческой борьбе: роль гражданских подразделений совместного действия (CJTF) в борьбе с Бoko Харам в Нигерии) 460

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

- Страхов А.П.** Борьба с коррупцией в странах англосаксонской традиции (на примере Великобритании, Индии, Сингапура и США) 470
- Шульц Э.Э.** Теория революции Теды Скокпол 503
- Белов С.И.** Формальная и реальная эффективность политики памяти (на материалах исторического кинематографа периода «холодной войны») 513
- Сергеева С.Л., Денисов А.С.** Электронное правительство на пути к созданию ответственного и эффективного государственного управления 525
- Антонов Д.Е.** Использование интернет-технологий для мобилизации электората: особенности, субъекты и перспективы 538
- Лобова А.А.** Концепция свободы в произведениях Янь Фу 549

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Иванов В.Г., Иванова М.Г.** Образ политического лидера в отечественных политологических исследованиях 558
- Бубнова Н.И.** По поводу и по мотивам книги Михаила Таратуты «Русские и американцы». *Рецензия на монографию: Таратута М. Русские и американцы: Про них и про нас, таких разных. М.: Альпина Паблишер, 2019. 318 с. ....* 577

CONTENTS

POLITICAL PROCESS IN CONTEMPORARY RUSSIA: TENDENCIES AND PROSPECTS

- Vinogradova N.S.** The Image of Russia in the Russian Television (Research Conducted in 2017—2019) 397
- Stepanov A.A.** “Our Home — Russia” as the Movement of Bright Centrim (1995—1999) 409

POLITICAL PROCESSES IN CONTEMPORARY WORLD

- Olubela A., Iyunade O., Ogunsanya A.** Youth Engagement in Nigerian Politics: Age and Gender Differentials (as Perceived by Ijebu-Ode Community) 421
- Zubovic M.** Agrokor: Political Aspects of the Crisis of Croatia’s Biggest Conglomerate 430
- Kumie G.A.** Water Governance and Water Management Systems in the Tekeze River Basin 439
- Zreik M.** Geopolitical Situation in Northeast Asia: Development of Sino-Russian Relations 450
- Gana M.L.** Militia Participation in Counterinsurgency: The Impetus of Civilian Joint Task Participation in Combating Boko Haram in Nigeria 460

CURRENT PROBLEMS OF POLITICAL SCIENCE

- Strakhov A.P.** Combating Corruption in the Countries of Anglo-Saxon Tradition (Using Examples of Great Britain, India, Singapore and the USA) 470
- Shults E.E.** Theda Skocpol’s Theory of Revolution 503
- Belov S.I.** Formal and Real Efficiency of Memory Policy (as Exemplified by Historical Cinematography of the Cold War Period) 513
- Sergeeva S.L., Denisov A.S.** E-government Towards the Establishment of Responsible and Efficient Public Administration 525
- Antonov D.E.** The Use of Internet Technologies for Mobilizing the Voter Base: Features, Subjects and Prospects 538
- Lobova A.A.** The Concept of Liberty in the Yan Fu’s Works 549

ACADEMIC LIFE

- Ivanov V.G., Ivanova M.G.** The Image of a Political Leader in the Russian Political Studies 558
- Bubnova N.I.** About and Based on the Book by Mikhail Taratuta “Russians and Americans”. *Book Review: Taratuta M. America and Russia. We are so Different. Moscow: Alpina Publisher; 2019. 318 p.* 577

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-397-408

Научная статья

Образ России в российском телеэфире (исследование 2017—2019 гг.)

Н.С. Виноградова

Московский государственный университет технологий и управления
им. К.Г. Разумовского (ПКУ)
Земляной Вал, 73, Москва, Россия, 109004

Аннотация. Образ России является одним из ключевых компонентов определения самоидентичности населения, роста доверия к власти, понимания текущей политики и экономики, проводимых в стране. Цель — выявление образа России в эфире российских политических и неполитических телепередач за период 2017—2019 гг. Методология исследования включала контент-анализ программ эфира российского телевидения. Для интерпретации данных использовались количественные и качественные методы, в том числе кейс-стади. Образ страны состоит из пространственного (территориального) образа, образа населения, образа власти и образа лидера. При анализе были выделены субъектный, объектный, пространственный, темпоральный и коммуникативный факторы. Проведенный анализ позволил выявить некоторые особенности формирования образа России в эфире телепередач. Полученный образ напрямую зависит от событийного контекста и является его отражением, глубинные параметры, такие как политическая культура, не затрагиваются. Основными темами, поднимаемыми в эфирах телепередач, стали конфликт в Украине, конфликт в Сирии, санкции и международные отношения России, США и ЕС, выборы Президента РФ и выборы Президента США. Образ страны транслируется как сильный, когнитивно сложный, динамичный. Большинство сообщений носит позитивный характер, так как они ориентированы на отечественного зрителя, политика самих каналов призвана показать многообразие мнений, но при этом поднять престиж страны в глазах зрителей. Негативные характеристики образа преобладают в комментариях зарубежных политиков и экспертов, которые транслируются в эфире российского телевидения. Изменения пространственного образа ярко проявились в связи с присоединением Крыма. Данная тема на протяжении пяти лет не теряет свою актуальность. Образ лидера представлен сильным как на международной арене, так и при решении внутренних вопросов.

Ключевые слова: политическое восприятие, идентичность, образ России, пространственный (территориальный) образ, образ населения, образ власти, образ лидера, контент-анализ, российские телевизионные СМИ

© Виноградова Н.С., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Постановка проблемы

При анализе образа страны исследуется внешнеполитический образ, так как позитивный внешний образ создает условия для развития и поддержания международных, политических, экономических и других отношений. Внутренний образ страны также необходимо анализировать. Формирование позитивного образа страны у граждан является одной из главных задач власти, так как позитивный образ в сознании граждан способствует устойчивости государственной власти, стабильности экономической ситуации и обеспечивает поддержку проводимой политики.

Современный образ страны формируется с учетом исторического прошлого государства. Так, образ России в 1990-е, 2000-е и современный — это различные образы. Образ в 1990-е внутри страны имел негативный характер, происходила смена политической власти, гражданам приходилось выживать в условиях экономической турбулентности. В 2000-е наметились первые шаги власти к позитивному сдвигу в политическом и экономическом состоянии страны. При этом «в глазах большинства наших сограждан Россия представляла неразвитой, отсталой, несовременной, что свидетельствовало о серьезном комплексе «национальной неполноценности» [1. С. 52]. Ситуация начала меняться к 2014 г.: на основании референдума Республика Крым и г. Севастополь снова вошли в состав Российской Федерации; прошла зимняя Олимпиада в Сочи, богатая золотыми медалями для российских спортсменов; полным ходом шла подготовка к чемпионату мира по футболу 2018 г. В обществе начали формироваться новые чувства — гордость за свою страну. Российские СМИ активно освещают текущую повестку дня, формируя событийную картину. При этом образ России в СМИ не совпадает полностью с образом России в сознании граждан.

Возникают вопросы: Как формируют образ страны отечественные медиа-ТВ? По каким критериям определяется образ страны (эмоциональный, когнитивный, поведенческий)? Как отечественные СМИ влияют на образ страны? Является коммуникативный фактор устойчивым или изменчивым? Как на него оказывает влияние объектный фактор? Мы попытаемся ответить на вопрос, какой образ страны формируется в эфире центральных российских телеканалов.

Теоретические основания исследования

В анализе формирования образа России в российских СМИ мы опирались на классическую модель коммуникации Г. Лассуэлла [2], на теорию политического восприятия [3] и теорию политической идентичности [4]. Первая позволяет выявить роль коммуникаций в процессе анализа образа России, вторая — психологические механизмы восприятия данного образа, третья — дает возможность соединить понимание образа страны с механизмами формирования и отнесения индивидуумов к той или иной общности (в данной работе — к нашей стране). Также данное исследование базируется на разработках политических географов, которые позволяют оценить пространственный фактор политического восприятия страны [5].

Концептуальная модель формирования образа России в СМИ

В основе концептуальной модели исследования находится классическая модель коммуникации Г. Лассуэлла: *коммуникатор — сообщение — канал-реципиент (получатель) — эффект (обратная связь)*. Данная модель была доработана в соответствии с целями и задачами исследования. В психологическом плане анализировались рациональные и бессознательные компоненты, в том числе когнитивные, поведенческие и эмоциональные. Также в психологической структуре отслеживались параметры привлекательности, силы и активности. В структурном плане образ страны разделен на *пространственный образ (образ территорий), образ населения, образ власти и образ лидера*.

При описании структуры выявленного в российских СМИ образа страны и определении психологических параметров подачи и влияния СМИ на анализируемый образ важно отметить роль и значение факторов, под влиянием которых данный образ складывается. В представленной работе образы рассматриваются, с одной стороны, как отражения реальных характеристик объекта восприятия, то есть детерминируются *объектными факторами*, а именно политическая культура страны и событийный ряд. С другой стороны, на формирование образа страны в СМИ оказывают влияние *субъектные факторы*, то есть социально-демографический портрет граждан и их психологические характеристики. В рамках исследования также представлен *пространственный фактор*, ориентированный на понимание географии страны, ее полезных ископаемых и соотнесение России в отношении к другим странам. *Темпоральный фактор* показывает развитие образа страны в динамике и дает представление об образе в прошлом, настоящем и будущем. Основным фактором в рамках данного исследования является *коммуникативный*. Средства массовой информации играют двоякую роль: формируют точки зрения на основании текущего событийного ряда и в то же время создают новостное поле в соответствии с ожиданиями своей аудитории [1. С. 53—54].

Методология и выборка

В рамках исследования использовался ряд методов политико-психологического исследования, в частности контент-анализ (качественные и количественные данные), case-studies (качественные данные).

Эмпирическая база исследования получена в результате политико-психологического анализа материалов, сюжетов, представленных в сообщениях ведущих российских СМИ за период 2017—2019 гг. Для данного исследования были выбраны следующие центральные российские телеканалы: «Первый канал», «Россия-1», «НТВ», «Звезда», «ТНТ», «Пятница», в эфире которых анализировались такие передачи, как «Пусть говорят», «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым», «Центральное телевидение», «Итоги недели с Ирадой Зейналовой», «Не факт!», «Камеди клуб», «Поедем, поедим!», «На ножах».

Критерии отбора СМИ:

1) телевизионные передачи разделены по принципу подачи сообщений: качественная и желтая, новостная, ток-шоу и развлекательная;

2) широкий охват аудитории;

3) актуальность тех или иных каналов, передач, сообщений выявлялась на основе рейтинга независимой международной исследовательской группы Медиаскоп (Mediascope) [6].

Область анализа — актуальные новостные события, имевшие резонанс в данных СМИ: политические события, нашедшие отражения в выступлениях ведущих политиков: Президента РФ, Премьер-министра РФ, членов Совета Федерации, депутатов ГД РФ, экспертов и др.

Анализ результатов исследования

Образ страны формируется на основе, во-первых, пространственного образа (образа территорий), во-вторых, образа населения, в-третьих, образа власти и, наконец, образа лидера. Все компоненты образа страны являются самостоятельными образованиями и также могут быть подвергнуты анализу. В данном исследовании мы анализируем компоненты образа страны для выявления образа страны в целом.

Таблица 1 / Table 1

Количественный подсчет упоминаний образа России в эфире российского ТВ в позитивном, негативном или нейтральном контексте / Quantitative calculation of references to the image of Russia on Russian TV in a positive, negative or neutral context

№	Наименование СМИ (канал и телепередача) / Media (channel and telecast)	Характер упоминания России / The pattern of the mention of Russia		
		Позитивный / Positive	Негативный / Negative	Нейтральный / Neutral
1.	Первый канал, «Пусть говорят» / Channel one, "Let them talk"	112	105	201
2.	Россия-1, «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым» / Russia-1, "Sunday evening with Vladimir Solovyov"	192	116	23
3.	НТВ, «Итоги недели с Ирадой Зейналовой» / NTV, "Results of the week with Irada Zeynalova"	60	88	150
4.	НТВ, «Центральное телевидение» / NTV, "Central television"	115	94	123
5.	НТВ, «Поедем, поедим!» / NTV, "Let's go, and eat!"	76	6	14
6.	Звезда, «Не факт!» / Zvezda, "Not fact!"	83	87	14
7.	ТНТ, «Камеди клуб» / TNT, "Comedy club"	42	28	17
8.	Пятница, «На ножках» / Friday, "At knifepoint"	22	7	7
Всего / Total (1782)		702	531	549

По данным табл. 1, упоминание образа России в позитивном характере составляет большинство — 39%, негативных — 29% и нейтральных — 30%. Анализируемые передачи ориентированы на российскую аудиторию и расска-

зывают о событиях, важных темах для россиян, в связи с этим отечественные каналы стремятся показывать страну позитивно. Важно отметить, что нейтральные и негативные характеристики почти равны. Сами передачи ориентированы на позитивную подачу, однако для привлечения внимания общественности во всех передачах используется метод скандала, негативно окрашивающий сообщения.

Передачи были разделены на политические и неполитические. Первый тип политических передач ориентирован на фактологическую передачу событийного ряда — это новостные сообщения. Второй тип ориентирован на экспертные обсуждения и дискуссии — это ток-шоу. Неполитические передачи рассказывают о России в общем, не погружаясь в политическую подоплеку или используя ее вскользь. Наибольшую политическую окраску имеют политические передачи, они показывают пропорционально соотносимые показатели положительных, нейтральных и негативных оценок. И только Россия-1 показывает однозначно позитивную динамику сообщений, что соответствует формату и официальной политике государственного канала. Остальные передачи в большинстве своем дают нейтральную оценку, предоставляя возможность зрителю самому оценить сообщение. Максимальное количество негативных оценок отмечено в эфире передач «Пусть говорят» (Первый канал) и «Итоги недели с Ирадой Зейналовой» (НТВ). Обе передачи различны по манере подачи сообщения, однако передача «Пусть говорят» представляет собой дискуссионную площадку, которая призвана создать максимально скандальную ситуацию, в связи с этим негативная окраска сообщений преобладает. В основе передач Ирады Зейналовой лежит фактологическая подача информации, носящая нейтральный характер, при этом в эфире представлено множество комментариев западных экспертов с отрицательной трактовкой политики России в основном в отношении Украинского конфликта¹, Сирийского конфликта², международных отношений ЕС, США и России и анти-российских санкций³.

Факторы формирования образа страны

Под *объектными факторами* подразумевается, прежде всего, политический контекст восприятия, включающий как изменчивый событийный контекст, так и устойчивую политическую культуру. В данном исследовании анализируется событийный контекст. Политическая культура является постоянным фоном и не поднимается в сообщениях СМИ.

За представленный период выделен следующий *событийный контекст*, получивший резонанс в ведущих российских СМИ: 15.03.2011 — по н. в. — конфликт

¹ См.: Украинский вопрос // Итоги недели с Ирадой Зейналовой. НТВ. Выпуски от 05.02.2017, 05.03.2017, 02.04.2017, 04.06.2017, 03.06.2018.

² См.: Сирийский вопрос // Итоги недели с Ирадой Зейналовой. НТВ. Выпуски от 05.02.2017, 02.07.2017, 01.10.2017, 05.11.2017.

³ См.: Международные отношения ЕС, США и России и антироссийские санкции // Итоги недели с Ирадой Зейналовой. НТВ. Выпуски от 02.04.2017, 04.06.2017, 02.07.2017, 03.09.2017, 01.10.2017, 05.11.2017, 04.02.2018, 04.03.2018, 01.04.2018, 03.06.2018, 01.07.2018.

в Сирии; 16.03.2014 — по н. в. — конфликт в Украине; 16.03.2014 — по н. в. — санкции против РФ и российские контрсанкции; 07.02.2014 — по н. в. — скандалы в сфере российского спорта; 05.2014 — по н. в. — взаимодействие со странами АТР; 08.11.2016 — обвинение России во вмешательстве в выборы Президента США; 18.03.2018 — выборы Президента РФ; 15.12.2015 — по н. в. — политические, экономические и социальные реформы в РФ; 24.03.2017 — по н. в. — трагические события в РФ.

Представленный событийный ряд выходит за пределы анализа (2017—2019 гг.). Большинство событий носят длительный резонансный характер. Рассматривать данные события без аналитики начального периода не представляется корректным, так как вектор развития события чаще всего задан в начале события.

В основном все эфиры телепередач показывают текущий событийный ряд. Образ страны во временной перспективе, *темпоральный фактор*, формируется вокруг значимых исторических событий. Наиболее ярко и постоянно в эфире присутствуют темы, связанные с Крымом, взаимоотношениями с Украиной, ЕС, США, военным конфликтом в Сирии. Современный контекст расширился с текущего момента на годы, даже десятилетия. Присутствуют отсылки к историческому прошлому, к периоду СССР, при этом эти отсылки используются только в току — как пример для сравнения.

Субъектные факторы ориентированы на социально-демографический портрет граждан и их психологические характеристики. В данном исследовании субъектный фактор представлен образом населения. Образ населения представлен тематическими сообщениями через общественные мероприятия, поднятие социально значимых тем.

Пространственный фактор выражен в транслируемых в СМИ географических характеристиках и взаимоотношениях с ближайшими соседями и международным сообществом. Во многом пространственный компонент образа страны формируется, отталкиваясь от обсуждений или упоминаний таких тем, как: частые споры о государственной границе (отделение Крыма от Украины и присоединение к России⁴, отделение ЛНР и ДНР от Украины⁵), частое упоминание позиции стран Запада, западной прессы и украинской стороны о нелегитимном вхождении Крыма в состав Российской Федерации⁶, обсуждение действий стран НАТО о размещении оружейных комплексов в странах Евросоюза, граничащих с Россией⁷, вопрос с Северным потоком-2⁸ и отсылки в разных контекстах телевизионного эфира на обширность государственной территории и природных богатств.

⁴ См.: Обсуждение фильма «Крым» // Пусть говорят. Первый канал. Выпуск от 04.10.2017.

⁵ См.: Дискуссии на тему отделения ЛНР и ДНР от Украины // Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым. Россия-1. Выпуск от 05.02.2017.

⁶ См.: Дискуссии на тему несогласия Украины о вхождении Крыма в состав РФ // Центральное телевидение. НТВ. Выпуски от 02.09.2017, 04.11.2017.

⁷ Комментарий председателя комитета Госдумы по образованию В. Никонова // Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым. Россия-1. Выпуск от 04.03.2018.

⁸ Дискуссии на тему международных отношений и Северный поток-2 // Итоги недели с Ирадой Зейналовой. НТВ. Выпуск от 01.04.2018.

Коммуникативный фактор прослеживается во всех аспектах анализа, так как анализируется образ России в российских СМИ — в эфире ведущих российских телеканалов. Именно СМИ транслируют текущую повестку дня, задают тон анализа и формируют общественное мнение, привлекая экспертов.

Содержательный образ России

Политические программы, такие как «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым», «Итоги недели с Ирадой Зейналовой», «Центральное телевидение», стремятся сформировать и поддерживать у зрителей интерес к геополитическому и экономическому состоянию России, акцентируя внимание на зависимости окружающих стран от природных ресурсов Российской Федерации, а также оповещая зрителей о постоянных сомнениях стран Запада о легитимности государственной границы отдельно взятых районов России, вследствие чего возникает конфликт с противостоянием антироссийским санкциям. *Образ территорий (пространственный образ)* выстраивается когнитивно сложным и четким. Страна показана как богатая природными ресурсами, имеющая военный потенциал, чтобы защитить свои территории.

Все передачи стремятся показать Россию с понятными данными о географическом и политико-экономическом состоянии страны, что увеличивает когнитивную ясность у российского населения — получателя формируемого образа. В связи с присоединением Крыма произошло изменение границ Российской Федерации, что было воспринято гражданами вполне благожелательно, позиционирование в эфире телепередач выстраивалось как дихотомия Россия и Крым, где Крым — новое образование в географическом и экономическом поле России, последнее время подача материалов изменилась на единую подачу России, в составе которой Крым.

В то же время образ страны представлен как экономически слабый с явным пониманием, что международное сообщество «...не друзья и не партнеры... мы должны вести себя сдержанно. Там, где нам выгодно сотрудничать, продолжать сотрудничать»⁹.

Эмоциональный срез пространственного образа России представлен ярко. Сообщения имеют четкую окраску, образ страны подается как позитивный.

Сложность пространственного компонента образа России в отечественных телевизионных СМИ заключается в стереотипном, темпоральном и устаревшем позиционировании образа страны из-за смешивания идеалов прошлых исторических периодов — Российской империи или СССР — и современной России.

Образ населения представлен неоднозначно. В сообщениях новостных и политических передач образ населения дан скупо, четко, без эмоциональной окраски. В неполитических передачах представлен двояко: в ток-шоу образ населения стереотипирован, в экспертных передачах — образ яркий, позитивный. «У россиян душа более широкая, и у нас есть свой ценностный код, который мы часто забываем, но который нас во многом определяет: жажда справедливости, понятие свободы,

⁹ Комментарий о денуклеаризации Северной Кореи и потенциальных угрозах для РФ // Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым. Россия-1. Выпуск от 06.08.2017.

понятие веры (в бога, в Аллаха, в себя и т.д.), вопросы, связанные с честью, совестью и достоинством»¹⁰. Население представлено как многообразие народов, населяющих Россию. Образ населения сопровождается символами, традициями и историей народа, который проживает на той или иной территории, при этом «впервые больше половины россиян ответили, что единство у нас в стране есть»¹¹.

Образ власти позиционируется как сильный централизованный аппарат управления государством. Примерами, демонстрирующими силу российской власти, являются меры, активно регулирующие как внутреннюю, так и внешнюю политику. «Очень важно, что власть четко усваивает уроки разных революционных дней, то есть власть в нашей стране может быть какой угодно, но только не слабой...»¹². В ряде сообщений проявляется образ власти непривлекательный и отстраненный от населения. «Насчет проблемы угроз: В. Путин утвердил официальный документ — доктрину национальной безопасности страны, в которой есть раздел про основные реальные угрозы. Главные угрозы, которые там написаны, — это: незащищенность конституционных прав граждан РФ, слабость национальной экономики и так далее. Эти угрозы имеют внутренний характер и связаны не с происками врагов, а с тем, что мы рискуем повторить ту самую ловушку Царской Российской империи и Советского Союза в 91-м году. Вроде сильная страна всем врагам показала, а доверие людей к существующей власти падает. Вот в чем проблема...»¹³.

Образ лидера персонифицирован образом Президента РФ В.В. Путина. В отечественных телевизионных медиа образ лидера сложился как беспрецедентно решительный и стратегически сильный и непредсказуемый политик — для мировых оппонентов России, так и отзывчивый на просьбы и внимательный к внутренним проблемам руководитель — для населения страны.

«Как назвали западные таблоиды встречу короля Саудовской Аравии с Президентом В. Путиным — встреча, которая может изменить мир. Восток уважает силу, Россия же эту силу недвусмысленно продемонстрировала на разгроме ИГИЛа на Ближнем Востоке. Владимир Путин — новый хозяин Ближнего Востока»¹⁴. «Дональд Трамп обратился к своим советникам для составления списка уступок, на которые США могут пойти в отношении России и к которым Трамп мог бы прибегнуть на планируемой встрече с В. Путиным на саммите G20»¹⁵. Образ В. Путина в эфире российского телевидения является привлекательным.

¹⁰ Обсуждение национальной идеи // Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым. Россия-1. Выпуск от 05.11.2017.

¹¹ Комментарий на тему отношения россиян ко дню Народного единства // Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым. Россия-1. Выпуск от 05.11.2017.

¹² Дискуссия о митингах и реакции властей на них // Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым. Россия-1. Выпуск от 05.11.2017.

¹³ Комментарий Б. Надеждина о реальных угрозах России // Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым. Россия-1. Выпуск от 06.08.2017.

¹⁴ Комментарий ведущего о встрече В. Путина с королем Саудовской Аравии по вопросу терроризма в Сирии // Центральное телевидение. НТВ. Выпуск от 07.10.2017.

¹⁵ Комментарий по вопросу отмены ряда антироссийских санкций и налаживания отношений между США и РФ на встрече G20 двух Президентов // Центральное телевидение. НТВ. Выпуск от 01.07.2017.

Заключение

Данное исследование продолжается. Задуманная методология данного проекта предполагает дополнительные исследования образа России в электронных версиях печатных СМИ, в радиозфире, в блогосфере и сериалах. Представленные выше результаты носят промежуточный характер. Но и они позволяют сделать некоторые предварительные выводы.

1. Процесс формирования образа страны является динамическим. Каждая историческая эпоха накладывает свой отпечаток на образ страны. В 1990-х годах развитие страны, самосознание общества в политическом, экономическом, военном аспектах двигалось от великой державы СССР к отрицанию прошлого опыта и непониманию как остановить разрушение политико-экономического строя страны. Ярким примером является экономический кризис 1998 года, который выразился в дефолте экономики страны. Кризис 2008 года — противоположность кризису 1998 года, так как он был преодолен без дефолта, без обесценивания национальной валюты и больших волнений масс. 2000-е годы характеризуются процессом становления образа России как новой, сильной страны. Ряд проделанных шагов стал фундаментом для новой России: Мюнхенская конференция, которая впервые обозначила на международной арене собственные национальные интересы страны, военный конфликт в Грузии, показавший восстановление военного потенциала страны, особенно в сравнении с Чеченской кампанией. Ярким событием в политике стало присоединение Крыма к РФ, что дало возможность сделать скачок в самосознании населения, в восприятии России как полноценного государства, которое отстаивает свои собственные интересы, интересы своих граждан, интересы российского (русскоговорящего) населения.

2. В медийном пространстве образ страны представлен с учетом таких факторов, как субъектные, объектные, пространственный, темпоральный и коммуникативный, которые оказывают влияние на процесс формирования образа страны. В субъектном факторе выделяется событийный контекст. Проанализированный контекст является фоном и плацдармом для проявления пространственного (территориально) образа, который кардинально изменился в связи с присоединением Крыма; образ власти, которая показала возможности быстрого реагирования и ответа на вызовы международного сообщества, в том числе на санкционные выступления против России; образ лидера как способного принимать стратегические решения, например молниеносного свертывания и развертывания военных операций в Сирии. Коммуникативный фактор выражен в том, что образ страны в эфире российского телевидения положительный. Этот факт подтверждается постоянными социологическими исследованиями, в которых на протяжении долгого периода граждане поддерживают текущую власть и лидера нашей страны.

3. Содержательный образ представлен пространственным (территориальным) образом, образом населения, образом власти и образом лидера.

Пространственный (территориальный) образ напрямую связан с географическим изменением, а именно присоединением Крыма. Прошло пять лет с момента присоединения, при этом обсуждения и дискуссии не умолкают, почти каждую неделю в эфире политических передач упоминается данный вопрос.

Образ народа показан как единый, с уважением к национальным мультикультурным, религиозным различиям. Текущая политика окрашена идеологией патриотизма и любви к Родине, что принято населением, которое активно принимает участие в праздновании Дня народного единства, празднования 9 Мая, шествиях «Бессмертного полка» и др. При этом образ населения не персонифицирован выдающимися людьми из разных сфер жизни, а активно представлен обычными обывателями с их обычными, бытовыми проблемами, которые гипертрофированно представлены в СМИ как что-то достойное внимания.

Образ власти неоднозначен. На протяжении последних 20 лет образ власти был оторван от образа населения. Власть была размытой, неясной, работающей ради собственных интересов, в том числе носящая коррупционный характер. Современный образ власти стал более персонифицирован, выделились яркие представители властной элиты, такие как руководители Министерства иностранных дел, Министерства обороны, Министерства промышленности и торговли, Совета Федерации ФС РФ, Государственной Думы ФС РФ и др. Общество, через сообщения СМИ, заметило новые маркеры внимания к власти, основанные на санкционных списках, где стало ясно, что люди и компании, попавшие в этот список, не случайные, а являются воплощением власти в России. При этом образ власти все так же непонятен, у населения складывается впечатление, что страна и народ могут прожить и без этих властных структур. Также отсутствует связь между условиями жизни народа и деятельностью властных структур, населению непонятно, что власть делает для страны и для них персонально.

Образ лидера отстранен от образа власти. Негативные послы перенесены на образ власти, а позитивные ассоциируются с образом лидера. Данная тенденция усиливает противоречивое восприятие образа власти. СМИ активно подчеркивают негативный контекст образа власти. Образ лидера персонифицирован образом Президента РФ. В.В. Путин представлен как лидер, имеющий вес на международной арене, решающий внутривластные вопросы и принимающий личное участие в жизни граждан с помощью прямых линий.

Отсутствует образ региональных лидеров, которые отвечают за уровень жизни в своих регионах, все сводится к федеральной повестке дня.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 18-011-01138А «Образ страны в российском обществе: политико-психологический анализ».

Библиографический список

- [1] Шестопал Е.Б., Смутькина Н.В. Какой видят свою страну сегодня российские граждане? // *Полития*. 2018. № 2 (69). С. 51—68. DOI:10.30570/2078-5089-2018-89-2-51-68.
- [2] *Lasswell H. The Structure and Function of Communication in Society* // *The Communication of Ideas* / ed. by L. Bryson. N.Y.: Harper, 1948. P. 32—51.
- [3] Психология политического восприятия в современной России / под ред. Е.Б. Шестопал. М.: РОССПЭН, 2012. 432 с.
- [4] Семенов И.С. Культура, общество и образ России // *Неприкосновенный запас*. Дебаты о политике и культуре. 2007. № 1. Режим доступа: http://www.intelros.ru/2007/05/29/irina_semenenko_kultura_obshhestvo_i_obraz_rossii.html. Дата обращения: 14.03.2019.

- [5] *Замятин Д.Н.* Политико-географические образы российского пространства // Вестник Евразии. 2003. № 4. С. 34—45.
- [6] Официальный сайт Mediascope. Режим доступа: <http://mediascope.net/about/company/russia/>. Дата обращения: 07.08.2018.

История статьи:

Статья поступила в редакцию 10.03.2019.

Статья принята к публикации 15.06.2019.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-397-408

Research article

The Image of Russia in the Russian Television (Research Conducted in 2017—2019)

N.S. Vinogradova

Moscow State University of Technologies and Management
named after K.G. Razumovsky (FCU)
Zemlyanoy Val, 73, Moscow, Russian Federation, 109004

Abstract. The image of Russia is one of the key components for determining the self-identity of the population, the growth of trust in the government, and an understanding of current politics and economics conducted in the country. The purpose of this study is to identify the image of Russia in Russian political and non-political television programs for the period of 2017—2019. The research methodology included content analysis of Russian television programs. Quantitative and qualitative methods, including case studies, were used to interpret the data. The image of a country consists of a spatial (territorial) image, an image of a population, an image of power, and an image of a leader. In the analysis, subjective, objective, spatial, temporal and communicative sections were identified. The performed analysis made it possible to identify some features of the formation of the image of Russia in TV shows. The resulting image is directly dependent on the event context and is its reflection. The underlying parameters, such as political culture, are not considered. The main topics raised in TV shows were the conflict in Ukraine, conflict in Syria, sanctions and international relations of Russia, the USA and the EU, election of the President of the Russian Federation and the election of the President of the United States. The image of the country is translated as strong, cognitively complex, dynamic. Most of the messages are positive, since they are focused on the domestic audience, the policy of the channels themselves is designed to show the diversity of opinions, but, at the same time, to raise the country's prestige in the eyes of the audience. The negative characteristics of the image involve the comments of foreign politicians and experts, which are broadcast on Russian television. Changes in the spatial image due to the reunification with Crimea are shown most vividly. This topic has been relevant for a period of five years. The political leader is represented as strong both in the international arena and in dealing with domestic issues.

Keywords: political perception, identity, image of Russia, spatial (territorial) image, image of population, image of power, image of leader, content analysis, Russian television media

Acknowledgments: The study was carried out within the framework of RFBR project No. 18-011-01138A “Image of the country in Russian society: political and psychological analysis”.

References

- [1] Shestopal E.B., Smulkina N.V. How do Russian Citizens See Their Country Today? *Politia*. 2018; 2 (69): 51—68. DOI: 10.30570/2078-5089-2018-89-2-51-68 (In Russ.).
- [2] Lasswell H. The Structure and Function of Communication in Society. *The Communication of Ideas*. Ed. by L. Bryson. N.Y.: Harper, 1948: 32—51.

- [3] *Psychology of Political Perception in Modern Russia*. Ed. by E.B. Shestopal. Moscow: ROSSPEN; 2012. 432 p. (In Russ.).
- [4] Semenenko I.S. Culture, Society and the Image of Russia. *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture*. 2007; 1: 51—57. Available from: http://www.intelros.ru/2007/05/29/irina_semenenko_kultura_obshhestvo_i_obraz_rossii.html. Accessed: 04.03.2019 (In Russ.).
- [5] Zamyatin D.N. Political and Geographical Images of the Russian Space. *Herald of Eurasia*. 2003; 4: 34—45 (In Russ.).
- [6] *Mediascope: official website*. Available from: <http://mediascope.net/about/company/russia/>. Accessed: 08.07.2018 (In Russ.).

Article history:

The article was submitted on 10.03.2019.

The article was accepted on 15.06.2019.

Информация об авторе:

Виноградова Надежда Сергеевна — кандидат политических наук, доцент кафедры общественных процессов, средств массовой информации и рекламных технологий Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ) (ORCID ID: 0000-0003-0625-2236) (e-mail: nadivinogradova@gmail.com).

Information about the author:

Nadezhda S. Vinogradova — PhD in Political Science, Associate Professor of the Social Processes, Mass Media and Advertising Technologies Department, Moscow State University of Technology and Management Named after K.G. Razumovsky (FCU) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0003-0625-2236) (e-mail: nadivinogradova@gmail.com).

Для цитирования:

Виноградова Н.С. Образ России в российском телеэфире (исследование 2017—2019 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 3. С. 397—408. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-397-408.

For citation:

Vinogradova N.S. The Image of Russia in the Russian Television (Research Conducted in 2017—2019). *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21 (3): 397—408. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-397-408.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-409-420

Научная статья

«Наш Дом — Россия»: движение «широкого центра» (1995—1999)

А.А. Степанов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
ул. Ленинские горы, 1, Москва, Россия, 119991

Аннотация. В статье рассматривается движение «Наш дом — Россия» (НДР) как очередная попытка создания «партии власти» в постсоветский период политического развития России. Целью работы является анализ опыта НДР и причин провала этого проекта. В ходе исследования применялся историко-генетический метод, партнологический анализ М. Дюверже, а также теория А. Грамши. Автор обратился к партнологической литературе о партиях и выборах в РФ, а в качестве первоисточников использовал материалы НДР и публикации федеральных изданий. В статье отмечается, что в 1995 году движение НДР создавалось с учетом неудачного опыта и на основе предыдущего провластного проекта «Демократический выбор России» (ДВР). В отличие от ДВР оно строилось по инициативе Б.Н. Ельцина, который все так же нуждался в надежной опоре в Государственной Думе. Объединение возглавил премьер-министр В.С. Черномырдин, в его руководство вошли представители политической и финансовой элиты федерального и регионального уровня. Несмотря на могущество своих руководителей, движение так и не стало полноценной «партией власти» из-за доминирования коммунистов в парламенте страны и отсутствия массовой поддержки избирателей. Как и ДВР, «Наш дом — Россия» не смог создать эффективные региональные отделения и распространить свое влияние на широкие массы. Другими причинами его провала на выборах 1999 года были внутренний раскол, ослабление фигуры В.С. Черномырдина и отсутствие должной поддержки со стороны президента. Тем не менее, НДР стала первым в постсоветской России центристским движением, которое сохраняло лояльность Кремлю до конца своего существования. Объединение отработывало новые форматы, например, привлекало на свою сторону общественные организации и впервые использовало «тактику имен» на выборах 1995 года. Эти наработки пригодились при создании следующего, куда более успешного провластного партийного проекта — «Единой России».

Ключевые слова: Партия власти, «Наш Дом — Россия», «Демократический выбор России», «Единая Россия», В.С. Черномырдин, Б.Н. Ельцин, С.М. Шахрай, И.П. Рыбкин, центризм

1. Социально-политическая составляющая «провластного» партстроительства

Создание «партии власти» было одной из главных задач для президента и правительства в первом десятилетии постсоветского периода. Кремль уже имел некоторый опыт создания подобных объединений в ходе выборов 1993 года:

© Степанов А.А., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

такими проектами стало движение «Демократический Выбор России» (ДВР) и «Партия российского единства и согласия» (ПРЕС). Однако им удалось выполнить возложенные на них функции только частично. На положение этих объединений влиял также тот фактор, что обе их фракции не имели большинства в парламенте. В связи с этим возникла необходимость создания единой и более влиятельной политической структуры, способной проводить интересы президента и исполнительной власти в Думе, но при этом сохранять абсолютную лояльность вне зависимости от изменчивой политической ситуации. Опыт Первой чеченской войны показал, что в критические моменты ранее лояльные фракции способны переходить в жесткую оппозицию.

Близилась выборы в Государственную Думу II созыва, система вступала в период сильной турбулентности, которую усиливала депривация большей части населения. У Кремля была достаточная кадровая база в виде ПРЕС и ДВР, на основе которых возможно было «слепить» новую провластную силу. 26 апреля 1995 г. Б.Н. Ельцин поручил создать два центристских блока: «правоцентристский» — премьеру В.С. Черномырдину, «левоцентристский» — председателю Госдумы И.П. Рыбкину, который из левой оппозиции окончательно перешел в президентский лагерь. Блок В.С. Черномырдина получил позднее название Всероссийское общественно-политическое движение «Наш дом — Россия» (НДР) [1. С. 55].

Движение учредили на съезде 12 мая 1995 г. Его создавали представители крупнейших административно-финансовых кругов: топливно-энергетического (В.С. Черномырдин и президент РАО «Газпром» Р.И. Вяхерев) и металлургического (вице-премьер О.Н. Сосковец). Из 292 участников учредительного съезда 9 были членами Правительства РФ, а более 70-ти — представителями региональных администраций. О своей причастности к движению заявило 42 депутата Совета Федерации [2. С. 56]. К НДР присоединились предприниматели, лидеры творческих и ветеранских организаций, известные актеры.

Коллективными членами объединения «Наш дом — Россия» стали ПРЕС, движение «Стабильная Россия», корпоративные, общественные, а также некоторые спортивные организации. Съезд избрал руководящие органы: совет, ревизионную комиссию и исполнительный комитет, в которых руководящие должности заняли политики федерального уровня. Совет возглавил премьер В.С. Черномырдин, а вице-премьер О.Н. Сосковец и глава администрации Самарской области К.А. Титов стали его заместителями. Также его членами стали главы региональных администраций и президенты четырех республик в составе РФ. Другой вице-премьер А.Н. Шохин возглавил программную комиссию, а председателем исполкома стал бывший зампред Госплана СССР Л. Вид. Это назначение было сделано для отвода глаз: реально организаторской работой занимался депутат Госдумы А. Головков. Интересно также то, что финансовым директором движения был назначен олигарх Б.А. Березовский [3. С. 40].

Таким образом, НДР стала гораздо в большей степени «партией власти», нежели ДВР и ПРЕС, руководство которых также было укомплектовано представителями высших эшелонов власти. Движение полностью соответствует понятию кадровой партии в классификации М. Дюверже. Ее костяк составили «нотабли»: харизматики, финансисты и политтехнологи, а материальное обеспечение осуществляла группа крупных капиталистов [4. С. 118].

II съезд НДР прошел 12 августа 1995 г. и был ознаменован отказом от правоцентристской идеологии. Объединение было объявлено «движением широкого центра», а в его программу вошли элементы левоцентризма. В результате у «Блока И. Рыбкина» была выбита из-под ног идеологическая почва и движение НДР стало фактическим монополистом на центризм. Также В.С. Черномырдин публично признал движение «партией власти» и призвал своих сподвижников не стесняться этого титула [5. С. 38].

На съезде приняли программу, которая отличалась от программы предыдущей провластной партии ДВР своей, с одной стороны, умеренностью, а с другой — размытостью. «Мы относимся к традиции как к универсальной и непреходящей ценности, отвергаем навязывание схем, проведение над страной и ее народами экспериментов, противоречащих национальным интересам» [6. С. 4], — заявлено в начале программы. НДР выступало за сильное правительство и укрепление роли президента, видя в этом залог успешного взаимодействия ветвей власти. Среди приоритетных направлений было поддержание территориальной целостности РФ при гарантии соблюдения прав субъектов Федерации. В перечне задач НДР также значилось «возрождение русской нации и национального самосознания всех россиян» [6. С. 8], что свидетельствует о стремлении привлечь на свою сторону умеренных национал-патриотов. Стоит отметить небольшой уклон влево: движение выступило за построение социального государства, в котором выполнение государством своих социальных обязанностей находится под контролем общества.

Экономический раздел программы создавался под влиянием идей ПРЕС: его целью являлось построение смешанной по форме собственности экономики с элементами государственного регулирования. Несмотря на то что движение НДР заявляло об ошибках, совершенных в начале 1990-х гг., продолжение приватизации признавалось необходимым для дальнейшего экономического развития страны. Минимизацию социальных льгот представили как средство стабилизации экономики и стимул самостоятельного индивида к созидательному труду. Во главу угла ставилась стабилизация российской экономики на основе законности. Экономист М. Делягин определил экономическую часть программы как «эклетический текст, способный лишь утвердить в общественном сознании негативные черты партийного имиджа, это нагромождение разрозненных и неопределенных обещаний» [7. С. 7].

Первое региональное отделение движения НДР появилось в Санкт-Петербурге, которое возглавил заместитель мэра северной столицы А. Собчака Владимир Путин. К осени отделения появились в Москве и еще в 83 регионах страны.

Между первым и вторым этапами II съезда состав НДР изменился: после конфликта с Черномырдиным и президентом Башкирии М. Рахимовым 30 августа 1995 г. С. Шахрай объявил о выходе ПРЕС из состава НДР [5. С. 41]. После выхода ПРЕС ее лидер решил идти на выборы самостоятельно. Это привело к фактической смерти партии — на выборах во II Государственную Думу ПРЕС получила всего 0,36%. НДР покинула еще одна крестурра Шахрая — «Стабильная Россия». Так же как и ПРЕС, на выборах это общественно-политическое движение потерпело сокрушительное поражение (0,12%).

2. «Партия Черномырдина» на парламентских и президентских выборах (1995—1996 гг.)

На заключительном этапе II съезда НДР был утвержден общенациональный список для участия в выборах во II Думу. В «первую тройку» вошли Виктор Черномырдин, режиссер Никита Михалков и генерал Лев Рохлин. Впервые российская «партия власти» задействовала так называемую «тактику имен».

Перед парламентскими выборами заместитель председателя правительства РФ по вопросам социальной и экономической политики А. Чубайс нанес НДР немалый имиджевый ущерб. Он провел первые залоговые аукционы, в результате чего крупнейшие государственные компании были проданы по очень низким ценам частным владельцам. Это позволило оппонентам «слева» говорить о расхищении государственного имущества и посеяло еще большее недовольство среди избирателей. Другим ударом стала сентябрьская пресс-конференция Ельцина, который скептически высказался об НДР и предсказал ему 6—7% на выборах [8].

В то же время в другом своем выступлении перед выборами 1995 г. он призывал граждан поддержать НДР и другие «нормальные партии», которые не являются «экстремистскими» в отличие от «коммунистов и жириновских»¹. В целом глава государства мало поддерживал «партию власти» публично, а ее лидер Черномырдин и вовсе заявлял, что для него пост премьера первичен относительно статуса главы движения. Также вопреки призыву Черномырдина на II съезде НДР губернатор Самарской области К.А. Титов публично признал, что НДР не является «партией власти», так как не имеет большинства в парламенте [9].

На выборах 17 декабря 1995 г. список НДР набрал 10,13%, еще 10 человек были избраны по одномандатным округам [10]. Заметная часть голосов избирателей ушла КПРФ и ЛДПР. Наибольшую поддержку движение получило в Чечне (где аутентичность результатов голосования вызывала серьезные сомнения), в Татарстане, Кабардино-Балкарии, в Москве, Башкирии и Дагестане [2. С. 56]. Уже тогда, в 1990-е гг., возникли первые «электоральные султанаты». Главными причинами поражения блока на выборах можно назвать отсутствие ясной и понятной рядовому избирателю идеологии, а также раскол внутри правящей элиты, который проявился в виде выхода ПРЕС из состава НДР. Кроме того, после выборов многие первые лица федерального списка (так называемые «паровозы») отказались от своих мандатов [11. С. 348], что тоже сказалось на имидже «партии власти».

Такой низкий процент у НДР обусловили, в первую очередь, объективные факторы «девяностых»: тяжелая социально-экономическая ситуация, инфляция, резкое падения курса рубля, «криминальная революция». Результаты выборов обнажили глубинное противоборство между властью и обществом, которое назрело в результате неудачной экономической политики. После выборов основной задачей руководства НДР было формирование думской фракции, которую требовалось

¹ Ельцин о партиях. 1995 год. YouTube-видео. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=2xSC9NJumO8>. Дата обращения: 14.04.2019.

увеличить в условиях враждебной «красной» Думы. Это задачу удалось выполнить: фракция увеличила свою численность с 56 депутатов в конце декабря 1995 г. до 65 человек к 19 января 1996 г. Первые месяцы работы нового парламента были неудачными: НДР достались всего 4 комитета из 28, а также по одному заместителю председателя во всех остальных комитетах [5. С. 47].

Как и прежде, депутаты от НДР выполняли директивы правительства и администрации президента, что было крайне непросто для главы фракции С. Беляева, который не имел достаточного политического опыта. Во II Думе большинство мандатов получила левая оппозиция, из-за чего его деятельность встречала серьезное сопротивление.

Грядущие президентские выборы 1996 г. были очень важны для НДР в целях подтверждения статуса пропрезидентской партии. Они давали возможность привлечь сторонников за счет мобилизации пропрезидентских сил. В СМИ ходили слухи о возможной отмене или отсрочке выборов, которые базировались на росте популярности КПРФ и реальных опасениях Ельцина. Радикальные выступления коммунистов в Думе напугали его, президент начал готовить указы о запрете компартии, роспуске Думы и о переносе выборов президента на более поздние сроки. Окружение смогло отговорить его от столь опасных действий, но все это свидетельствовало о крайней напряженности ситуации. Финансовые круги тоже были всерьез обеспокоены усилением коммунистов. Во время предвыборной гонки они оказывали Ельцину активную финансовую и информационную поддержку, так как видели в нем гаранта неприкосновенности своей собственности [11. С. 351].

В начале кампании некоторые члены НДР предлагали выдвижение Черномырдина в качестве преемника Ельцина, но политсовет понимал, что низкие результаты возглавляемого им блока свидетельствовали о бесперспективности этой задумки. В свою очередь, Ельцин нуждался в поддержке НДР, даже несмотря на скептицизм и пренебрежение, которые лишь усилились после неудачи движения на выборах 1995 г. Однако полностью опереться на него он не мог, так как электоральная база движения была слишком узкой. Президент старался привлечь на свою сторону все реформаторские силы, включая ДВР и «Яблоко».

В результате 2 марта 1996 г. было создано Общероссийское движение общественной поддержки Президента (ОДОПП) РФ. В руководство ОДОПП вошли представители «семьи» — ближайшего окружения Ельцина, в которое входили его дочь Т. Дьяченко, журналист В. Юмашев, охранник президента А. Коржаков и В. Черномырдин. Члены НДР заняли ряд высоких постов в новом объединении и полностью осуществляли его продвижение во многих регионах, создавая в них штабы поддержки Ельцина на основе своих партийных отделений. Также НДР активно занималось пропагандой, размещая агитационные материалы в своей газете «Дом и Отечество». На III съезде НДР Черномырдин выразил надежду, что ему удастся создать большую демократическую партию на базе ОДОПП, однако его движение выполняло исключительно техническую функцию, не имея реального влияния и многочисленных сторонников, которые бы видели в ней «партию власти» [5. С. 54].

В итоге 16 июня 1996 г. в первом туре голосования Б.Н. Ельцин набрал 35,3% голосов, а его основной оппонент Зюганов — 32%. В результате того, что ни один из кандидатов не получил более 50% голосов, на 3 июля был назначен второй тур, по результатам которого Б.Н. Ельцин получил 53,8%, а Г.А. Зюганов — 40,3%.

3. Политический крах НДР и его факторы

В начале второго срока президентства Ельцина было подписано Хасавюртовское мирное соглашение, по которому решение вопроса о статусе Чеченской Республики откладывалось до 31 декабря 2001 г. Крайне непопулярная война завершилась, но мятежная республика превратилась в очаг международного терроризма на территории РФ. После выборов в окружении Ельцина произошли перестановки, ознаменованные назначением Чубайса главой Администрации Президента, который поставил на ключевые посты своих помощников в деле приватизации. Своей задачей он видел укрепление президентской власти и собственных позиций, для чего ликвидировал ряд обслуживающих главу государства структур: администрацию покинули практически все аналитики и спичрайтеры, которые работали с Ельциным с начала 1990-х гг. Оставшийся аппарат Чубайс фактически замкнул на себе [12. С. 719]. Отсутствие иного контакта Ельцина с внешним миром привело к увеличению фактора «семьи» в российской политике конца 1990-х гг., что породило еще большее недовольство внутри элит.

Тем временем Черномырдин собирал новое правительство и согласовывал его состав с главами лидирующих парламентских фракций. НДР и ЛДПР поддержали его повторное выдвижение на пост главы правительства, а «Яблоко» выбрало нейтралитет. Однако ситуация стала дестабилизироваться в связи с ухудшением здоровья Ельцина в июле—августе 1996 г. Различные политические силы, включая генерала А. Лебеда, проявили свою готовность к борьбе за высшую государственную должность. О накале борьбы властных группировок свидетельствовала отставка Лебеда с постов секретаря Совета безопасности РФ и помощника по национальной безопасности при Президенте РФ. Причиной тому стали подозрения в адрес генерала в подготовке переворота с помощью спецслужб.

Назначение Б. Березовского заместителем секретаря Совета Безопасности Государственной Думы И. Рыбкина по решению вопросов финансового взаимодействия с Чечней вызвало настоящий скандал по всей стране, в том числе во фракции НДР. Личность Чубайса также вызывала в парламенте существенное недовольство в связи с его валютными махинациями. Однако это несколько не сказывалось на его положении, так как Ельцин взял его под свою защиту.

В 1996—1997 гг. проходили губернаторские выборы, в которых принимали участие две коалиции, созданные на основе движений, поддерживавших Ельцина и Зюганова во время президентских выборов: коммунистический Народно-патриотический союз России (НПСР) и провластный Общероссийский координационный совет (ОКС). В результате выборов из 55 глав регионов 28 были избраны от НПСР [5. С. 73]. С одной стороны, такой результат означал поражение власти, а с другой — не имел особого значения, так как губернаторы находились в сильной зависимости от центра. Позиции НДР в Думе были также непрочными: после победы Ельцина на президентских выборах депутат С. Беляев разослал всем

партиям, кроме КПРФ, предложение о создании некоммунистического большинства, которое смогло бы стать противовесом доминирующим во II Думе коммунистам [13]. Однако этот проект провалился из-за личных амбиций партийных лидеров, особенно Жириновского, чья партия, при этом, поддерживала многие инициативы НДР.

Положение НДР усугублялось внутренними аппаратными разногласиями и еще в большей степени — тяжелейшим социально-экономическим положением в стране, которое подрывало авторитет и Ельцина как Президента, и власти в целом. Хотя на начало 1997 г. движение имело отделения в 88 субъектах РФ, около 120 тыс. активистов и 400 работников аппарата, его деятельность была неэффективна: местные организации действовали только по указаниям центра, и, более того, у него до сих пор отсутствовала устойчивая электоральная база и ясная идеология. Согласно теории А. Грамши, такое объединение не могло эффективно функционировать, так как у него почти отсутствовал низовой элемент, состоящий из «обычных людей», а «средний», связующий элемент, не обеспечивал должной связи между высшим (централизирующим) и низовым элементами [14. С. 140].

В начале 1997 г. здоровье Президента вновь ухудшилось, в связи с этим в Думе был поставлен вопрос о «медицинском» импичменте Ельцину, который обсуждался вплоть до 1998 г. Все это происходило на фоне серьезного падения экономических показателей и громких антикоррупционных разоблачений деятельности Чубайса. Страна сползала к глубокому политическому кризису с возможными гражданскими столкновениями.

В качестве выхода из ситуации Ельцин предпринял реорганизацию правительства: Чубайс был назначен первым вице-премьером и одновременно возглавил министерство финансов. На фоне всех этих перемен Черномырдин оставался премьер-министром, а НДР вел партийное строительство. В руководстве были разногласия по поводу необходимости превращения движения в партию, и от этой идеи в результате отказались, так как в случае создания партии терялась политическая маневренность и интеграционный потенциал (коллективное членство). Было решено делать упор на доработку идеологии и улучшение организации. Партия НДР по-прежнему не уделяла должного внимания социальным вопросам. Исключение составлял генерал Л. Рохлин, который вместе с министром обороны И. Родионовым требовал повышения жалования военнослужащим и выступил на его стороне в конфликте с Администрацией Президента [5. С. 86], но результата так и не добился.

27 марта 1997 г. левые партии организовали «Всероссийскую акцию протеста» и по стране прокатилась волна демонстраций, в которых приняли участие более 2 млн человек. В большинстве регионов демонстранты требовали не только выплаты зарплат и социальных гарантий, но и отставки правительства Черномырдина. Параллельно с этим нарастал конфликт между Черномырдиным и Чубайсом, каждый из которых стремился стать единоличным «серым кардиналом» российской политики и регентом при пожилым Президенте. Черномырдин проигрывал, а официально возглавляемое им НДР уже давно называлось «партией власти» лишь номинально, так как премьер потерял часть своих властных полномочий.

Одновременно во фракции НДР набирал популярность генерал Л. Рохлин, который пошел на разрыв с «партией власти». Он обнародовал обращение «К Верховному Главнокомандующему и военнослужащим России», где призвал их самостоятельно бороться за свои права. Руководитель фракции Беляев осудил его действия, а в сентябре 1997 г. Рохлин покинул фракцию НДР. Помимо этого в НДР продолжался конфликт между Беляевым и главой исполкома В. Бабичевым, в результате которого глава фракции покинул свой пост, а его место занял А. Шохин.

На тот момент НДР было движением, которое объединяло людей самых разных политических убеждений и примкнувших к нему лишь для карьерного роста или же из-за финансовых соображений. Однако Ельцину и его окружению было необходимо подготовиться к выборам 1999 г., как минимум сохранять свое политическое влияние и по возможности его расширить. В связи с этим руководство взяло курс на экспансию в регионы, где предполагалось создать новые ячейки в ранее неохваченных населенных пунктах. К ноябрю 1998 г. в 1880 населенных пунктах это было сделано [5. С. 96]. Однако это уже не могло остановить процесс деградации НДР: оно было слишком сильно связано с властью, которая в 1997 г. так и не смогла улучшить экономическую ситуацию, что вело к тяжелым политическим последствиям. В 1998 г. НДР стало покидать все больше участников, в том числе целых организаций — коллективных членов, которые стали осознавать бесперспективность членства в контексте предстоящих парламентских выборов. Об этом свидетельствовало и усиление позиций Чубайса в борьбе с Черномырдиным, который, несмотря на ряд провалов, смог вернуть свое влияние.

Это противостояние закончилось отставкой всего правительства 23 марта 1998 г. и назначением на пост Председателя Правительства С. Кириенко. Снижение влияния и сокращение полномочий Черномырдина больно ударило по НДР. При этом некоторые высказывали предположения, что бывший премьер после отставки сосредоточит свое внимание на движении. Так, бывший руководитель фракции С. Беляев, хотя и скептически отозвался о НДР, заявил, что «если Виктор Степанович займется публичной политикой, то это будет удерживать НДР на плаву» [15]. 25 марта 1998 г. совет провел заседание, на котором решалась дальнейшая судьба движения. Некоторые члены предполагали, что он будет последним и ликвидационным [16]. Однако Черномырдин призвал движение к обретению самостоятельности и самодостаточности, а также к подготовке к будущим президентским и парламентским выборам. Три дня спустя он официально заявил о выдвижении своей кандидатуры на президентский пост.

25 апреля 1998 г. прошел V съезд НДР, на котором Черномырдин призвал к созданию широкой центристской коалиции и посредничеству между властью и обществом. Съезд принял новую программу «Россия: путь в достойное будущее», которая по своей сути не сильно отличалась от своего прототипа трехлетней давности. Во время летней поездки в Оренбургскую область, Уфу и Казань Черномырдин впервые позволил себе легкую критику в адрес Ельцина, что было явным новшеством. Во время этого визита поведение региональных элит говорило о том, что они не готовы на деле поддержать Черномырдина, так как он потерял былое политическое и экономическое влияние, что было крайне существенно в условиях разразившегося экономического кризиса.

После дефолта 1998 г. Премьер-министр Кириенко был отправлен в отставку, а исполняющим обязанности был вновь назначен Черномырдин, что дало НДР новые надежды. В сентябре Президент два раза выдвинул его кандидатуру на голосование Думы, и оба раза неудачно. Черномырдин снял свою кандидатуру, и уже на следующий день депутаты поддержали Е.М. Примакова. Это был роковой удар и по политической карьере Черномырдина, и по НДР.

Политический капитал экс-премьера стремительно таял: он потерял поддержку в регионах, а затем и расположение руководителей топливно-энергетического комплекса. Многие депутаты и губернаторы переходили в «Отечество». Черномырдин лишился опоры и в думской фракции, члены которой пытались оказать на него давление и заставить войти в предвыборную коалицию с Ю. Лужковым. Однако мэр Москвы не нуждался в поддержке ослабшего НДР, поэтому глава фракции Шохин попробовал обрести поддержку в Администрации Президента в связи с выборами, однако и это не привело к ощутимому результату. Шохин был смещен с должности, хотя Черномырдин некоторое время спустя сам обратился к Лужкову с подобным предложением и так же был отвергнут [2. С. 74].

Руководство НДР рассматривало возможность блокирования с «Союзом правых сил» (СПС), однако успехом это также не увенчалось из-за того, что «правые» хотели видеть в «первой тройке» исключительно нового председателя фракции НДР В. Рыжкова. В августе на VII съезде была составлена первая списочная «четверка», в которую вошли В. Черномырдин, В. Рыжков, Д. Аяцков и лидер движения «Россия, вперед!» Б. Федоров. Предвыборная программа носила название «10 шагов в XXI век». В ней говорилось об ответственности государства перед обществом, о необходимости создания сбалансированного и эффективного бюджета, о борьбе с коррупцией, об улучшении социального обеспечения и развитии агропромышленного комплекса. Также платформа содержала либеральный компонент типа призывов к построению свободного и открытого общества [17]. Во время избирательной кампании в сентябре руководству НДР было предложено присоединиться к блоку «Единство» в качестве соучредителя, однако данное предложение было отвергнуто, так как одним из условий был отзыв собственного избирательного списка.

На выборах 19 декабря 1999 г. партия получила всего 1,19% голосов, 7 кандидатов все же прошли по одномандатным округам, включая Черномырдина и Рыжкова, в III Думе большинство из них присоединилось к «Единству».

Заключение

Такой результат означал политическую смерть движения, наступившую в результате ряда факторов, таких как изначальное отсутствие широкой поддержки среди населения, неэффективность низовых структур, неясность программы, внутреннего раскола и пренебрежительное отношение к «партии власти» со стороны Президента и даже ее лидера.

Политолог Д.И. Орлов, работавший в НДР, в интервью автору назвал в качестве главных причин поражения популярность компартии, падение жизненного уровня населения, одобренную фракцией программу приватизации 1995 г., а также

относительную непопулярность фигуры Черномырдина². После выборов в III Думу НДР окончательно распался.

НДР так и не удалось решить те же проблемы, которые привели к краху ДВР. Объединение было оторвано от большинства избирателей и представляло интересы лишь крупного бизнеса и высшей номенклатуры. Однако Кремлю все же удалось создать движение нового формата, которое сохраняло полную лояльность и центристский характер. Позднее эта черта была унаследована следующим проектом — «Единой Россией», которой удалось получить поддержку широких слоев населения с помощью административного ресурса, работы региональных отделений, взаимодействия с крупными некоммерческими организациями и грамотного выстраивания медиа-имиджа.

Библиографический список

- [1] *Попов А.М.* Выборы в Государственную Думу Российской Федерации 1993 и 1995 годов: некоторые аспекты политической борьбы партий. Вологда, 1999. 100 с.
- [2] *Волгин Е.И.* Общественно-политические объединения на рубеже веков. Ч. I: вторая половина 1980-х — 1999 г. Курс лекций: учебное пособие. М.: Исторический факультет Московского университета, 2012. 106 с.
- [3] Большая актуальная политическая энциклопедия / под общ. ред. А. Белякова, О. Матвейчева. М.: Эксмо, 2009. 412 с.
- [4] *Дюверже М.* Политические партии / пер. с фр. Л.А. Зиминной. М.: Академический проспект, 2002. 560 с.
- [5] *Шакиров Ю.А.* Партия власти 1993—2000: (исторические корни Всероссийской политической партии «Единая Россия»): учебное пособие. Новомосковск: Новомосковский ин-т (фил.) Российского химико-технологического ун-та им. Д.И. Менделеева, 2009. 239 с.
- [6] Программа Всероссийского общественно-политического движения «Наш дом — Россия». М., 1995.
- [7] *Делягин М.* Программа НДР — выбор экономической стратегии // *Коммерсантъ*. Власть. 22.08.1995. № 30. 7 с. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/11409>. Дата обращения: 15.05.2019.
- [8] *Шлятужников А., Ёлкин А.* Есть такие партии! Путеводитель избирателя. М., 2007. Режим доступа: <http://www.scilla.ru/works/partii07/er.html>. Дата обращения: 14.10.2016.
- [9] Независимая газета. 28.12.1995. № 29.
- [10] Результаты выборов в Думу II созыва 17 декабря 1995 // Справочник «Государственная Дума II созыва». Режим доступа: <http://www.panorama.ru/fs/gd2rezv.shtml>. Дата обращения: 21.04.2019.
- [11] *Кынев А., Любарев А.* Партии и выборы в современной России: эволюция и деволюция. М.: Новое лит. обозрение, 2011. 786 с.
- [12] *Батурин Ю.М., Ильин А.Л., Кадацкий В.Ф., Костиков В.В., Краснов М.А.* Эпоха Ельцина: очерки политической истории. М.: ВАГРИУС, 2001. 815 с.
- [13] Некоммунистическое большинство в Думе не складывается // *Коммерсантъ*. 17.06.1996. № 120. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/236481>. Дата обращения: 15.05.2019.
- [14] *Грамини А.* Избранные произведения: в трех томах. Т. 3: Тюремные тетради / пер. с итал. М., 1959. 565 с.
- [15] *Беляев С.* Черномырдин может удержать НДР на плаву // *Коммерсантъ*. 25.03.1998. № 51. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/195122>. Дата обращения: 15.05.2019.

² Интервью с Д.И. Орловым. 25 апреля 2017 г. Интервью провел А.А. Степанов.

- [16] Пока все дома // Коммерсантъ — Власть. 31.03.1998. № 11. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/14254>. Дата обращения: 15.05.2019.
- [17] НДР шагает в XXI век // Еженедельник «Аргументы и Факты». 01.09.1999. № 35. Режим доступа: <http://www.aif.ru/archive/1634438>. Дата обращения: 01.04.2019.

История статьи:

Статья поступила в редакцию 30.05.2019.

Статья принята к публикации 17.06.2019.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-409-420

Research article

“Our Home — Russia” as the Movement of Bright Centrism (1995—1999)

A.A. Stepanov

Lomonosov Moscow State University
GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation, 119991

Abstract. The article deals with the political movement “Our Home — Russia” (NDR) as the first attempt of the creation of the “party of power” in post-soviet period. The aim of this work is to analyze the experience of the NDR and the reasons of the failure of this project. In the course of the study, the historical genetic method, M. Duverger’s partological analysis, and A. Gramsci’s theory were used. The author turned to the political science literature on parties and elections in the Russian Federation and used NDR’s materials and publications of federal mass media as primary sources. In 1995 the movement was created with the experience and the basis of the preceding pro-Kremlin project the “Democratic Choice of Russia” (DVR). Unlike the DVR, it was built on the B. Eltsin’s initiative who needed the support in the State Duma all the time. The prime minister V. Chernomyrdin headed this union and members of political and financial elite of federal and regional levels became its leaders. Despite their strength the movement did not become full-fledged «party of power» because of the communists’ domination in the Duma and the lack of large electoral support. The «Our Home — Russia» like DVR could not make effective regional divisions and spread its influence among people masses. The inner split, weakness of Chernomyrdin’s figure and the absence of due president’s support were the causes of its fail in the parliamentary elections of 1999. Nevertheless, the NDR became the first centrist movement in post-Soviet Russia, which retained loyalty to the Kremlin to the end. The union worked out new forms, for example, drew public organizations to its side and for the first time used «name tactics» in the 1995 elections. These developments were useful in the creation of the next, much more successful pro-regional project — the «United Russia».

Keywords: party of power, Our Home is Russia, Democratic Choice of Russia, United Russia, Victor Chernomyrdin, Boris Yeltsin, Sergei Shakhrai, Ivan Rybkin, centrism

References

- [1] Popov A.M. *Elections 1993 and 1995 to the State Duma of the Russian Federation: Some Aspects of Political Party Struggle*. Vologda; 1999. 100 p. (In Russ.).
- [2] Volgin E.I. *Social-political Associations at the Turn of the Century. Part I: The Second Half of 1980—1999 z. Course of lectures*. Moscow; 2012. 106 p. (In Russ.).
- [3] *The Big Contemporary Encyclopedia of Politics*. Ed. by Beljakov A., Matveychev O. Moscow: EKSMO; 2009. 412 p. (In Russ.).

- [4] Duverger M. *Political Parties*. Translated from French. Moscow: Academic avenue; 2002. 560 p. (In Russ.).
- [5] Shakirov Y. *Party of Power 1993—2000: (Historical Background of All-Russia Political Party “United Russia”)*. Novomoskovsk; 2009. 239 p. (In Russ.).
- [6] The Programme of All-Russia Social-political Movement “Our Home — Russia”. Moscow; 1995 (In Russ.).
- [7] Delyagin M. The Programme of NDR is the Choice of Economic Strategy. *Kommersant — Vlast*. 22.08.1995; 30. Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/11409>. Accessed: 15.05.2019. (In Russ.).
- [8] Shljapuznikov A., Elkin A. *There Are such Parties! The Electorate’s Guidebook*. Moscow; 2007. Available from: <http://www.scilla.ru/works/partii07/er.html>. Accessed: 14.10.2016. (In Russ.).
- [9] *Nezavisimaya gazeta*. 28.12.1995; 29. (In Russ.).
- [10] Election Results to State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation at 17 December 1995. *Handbook “The Second State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation”*. Available from: <http://www.panorama.ru/fs/gd2rezv.shtml>. Accessed: 21.04. 2019. (In Russ.).
- [11] Kinev A., Lubarev A. *Parties and Elections in Modern Russia: Development and Devolution*. Moscow: New lit. review; 2011. 786 p. (In Russ.).
- [12] Baturin Y., Ijgin A., Kadazkij V., Kostikov V., Krasnov M. *The Epoch of B. Yeltsin: Outline of Political History*. Moscow: WAGRIUS; 2001. 815 p. (In Russ.).
- [13] No Anticommunist Majority in the Duma. *Kommersant*. 17.07.1996; 120. Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/236481>. Accessed: 15.05.2019. (In Russ.).
- [14] Gramsci A. *Selected Works. In 3 Volumes. Vol. 2: The Prison Notebooks*. Translated from Italian. Moscow; 1959. 565 p. (In Russ.).
- [15] Beljaev S. Chernomyrdin Can Keep NDR on the Float. *Kommersant*. 25.03.1998; 51. Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/195122>. Accessed: 15.05.2019. (In Russ.).
- [16] Until All Are at Homes. *Kommersant — Vlast*. 31.03.1998; 11. Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/14254>. Accessed: 15.05.2019. (In Russ.).
- [17] NDR Steps into the 21st Century. *Weekly Journal “Arguments and Facts”*. 01.09.1999; 35. Available from: <http://www.aif.ru/archive/1634438>. Accessed: 01.04.2019. (In Russ.).

Article history:

The article was submitted on 30.05.2019.

The article was accepted on 17.06.2019.

Сведения об авторе:

Степанов Артемий Андреевич — аспирант кафедры истории общественных движений и политических партий Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (ORCID ID: 0000-0002-1855-6125) (e-mail: stepanovartemij135@gmail.com).

Information about the author:

Artemiy A. Stepanov — Post-graduate Student of the Chair of History of Social Movements and Political Parties, Lomonosov Moscow State University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-1855-6125) (e-mail: stepanovartemij135@gmail.com).

Для цитирования:

Степанов А.А. «Наш Дом — Россия»: движение «широкого центра» (1995—1999) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 3. С. 409—420. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-409-420.

For citation:

Stepanov A.A. “Our Home — Russia” as the Movement of Bright Centrism (1995—1999). *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21 (3): 409—420. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-409-420.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-421-429

Research article

Youth Engagement in Nigerian Politics: Age and Gender Differentials (as Perceived by Ijebu-Ode Community)

A. Olubela, O. Iyunade, A. Ogunsanya

Olabisi Onabanjo University
Ago-Iwoye, Ogun State, Nigeria

Abstract. The importance of youth involvement in political and developmental processes of society can hardly be exaggerated. However, despite the large percentage of young people in Nigeria and the historical importance of intergenerational continuity with an emphasis on national identity, very little is really known about the degree of youth engagement in the country's politics. Therefore, this study, in the form of a descriptive survey, analyzes gender and age differentials of youth participation in Nigerian politics. A random sampling technique was used in selecting 200 youths from 5 political wards (40 from each ward) in Ijebu-Ode Local Government Area of Ogun State. Additionally, a self-structured questionnaire was designed and used for data collection, while a t-test and Analysis of Variance (ANOVA) were employed to test the three hypotheses at 0.05 level of significance. The study revealed no significant gender difference ($t = 1.56$, $P > 0.05$) or age difference ($t = 1.44$, $P > 0.05$) among the young population of Nigeria actively engaged in politics in the country. Conclusively, the authors recommend that efforts should be geared towards fighting illiteracy and unemployment in the country, as these are known to be main reasons for vandalism, senseless violence, anarchism, racketeering, and cultism among the Nigerian youth, while realistic political organizations under control and leadership of the young population should be formed.

Keywords: youths, politics, political participation, unemployment, poverty

Introduction

The level of youth participation in Nigeria politics is still relatively low in comparison with other countries of the world. This can be attributed to many factors, one of which is the volatility of Nigerian politics. F. Ogbeide asserts that youth participation in Nigerian politics is a very touchy issue, which “raises an eyebrow” every time it is mentioned [1]. In most countries, the “young population” falls within the age range of 18–40 years old. Meanwhile, irrespective of the age bracket, young people are characterized by certain other traits. These include: physical changes, biological changes, intellectual changes, emotional changes, increasing independence and sex interest.

© Olubela A., Iyunade O., Ogunsanya A., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

K. Bolaji remarked that the prior Military rule in Nigeria has negatively affected citizens' political participation in general and that of youth in particular, to an alarming degree [2]. Since the beginning of the democratization process that followed the end of the military regime in 1999, various studies have been attempted in order to examine the political participation and involvement of Nigerian citizens in the democracy development and decision making in the country. Currently, the study of political engagement of youth in Nigeria is still evolving. The studies have primarily been focused on youth involvement in electoral violence and political thuggery. I. Aghedo [3] observed that political participation of the youth is based on voter turnout, with political arrest and protest being very rare. This fact can be attributed to the unstable civil rule caused by the past military coup that had affected political socialization of Nigerians.

M. Sommers [4] suggested that the significance of youth involvement in political and developmental processes of society can hardly be overemphasized. The current conditions in a lot of developing nations, Nigeria in particular, have seriously decreased the potential of young people becoming agents of social change. According to O. Osumah and A.T. Aghemelo [5], these challenges range from economic and social to cultural. The appallingly high levels of poverty, illiteracy and unemployment, in which younger generations of Nigerians have been stuck, have severely challenged their motivation and, in the long run, given rise to what sociologists call "attitudes of fatalism, resignation and acceptance of the situation". Poverty, illiteracy and unemployment are interrelated conditions that generate human needs and, consequently, if the needs are not met, a state of deprivation. The persistence of these social problems has created an environment in which youth is easily manipulated by self-seeking politicians.

As M. Mutisi [6] observed, many Nigerian politicians take advantage of the poverty-stricken state of the country to exploit the people. They make use of the rebellious nature of the youth and use it as a political strategy to achieve their goals. The growing violent tendencies among youth organizations, such as the Bakassi Boys, the Movement for the Actualization of a Sovereign State of Biafra (MASSOB), the Egbesu Boys, the Odua Peoples' Congress (OPC), the Niger Delta Avengers (NDA) and others, are clear indicators of systematic militarization of Nigeria's democratic environment.

Ever since returning to democracy in May 1999, Nigeria has been facing complex challenges of sustaining the reborn democratic regime. In short, the progress of Nigerian democratization has not been all that impressive. E. Chidiogo explains this failure by that fact that the emerging democracy does not in any way reduce unemployment, poverty, illiteracy and corruption, or, for that matter, attempt to create a responsive, responsible and accountable government [7]. According to C. Nwosu [8], the current issues in Nigerian democracy are happening due to the fact that it is seen by the majority merely as an end to the military rule. Meanwhile, it should be viewed as establishment of reactive, responsible, and credible political institutions, capable of promoting an accountable, transparent, trustworthy government that would prevent corruption, respect human rights and rule of law and ensure popular sovereignty.

With regards to the situation described above, the Nigerian youth, which constitutes one of the largest segments of the Nigerian population, bears critical importance. This

study, therefore, examines the role of the youth in sustaining democracy in the country and suggests ways of encouraging them to participate in politics. Among these strategies are:

◆ *Focusing on education.* The survey data analysis showed that youth with a higher level of education are more likely to support the idea of elections to choose leaders in Nigeria. S.M. Usman [9] also suggests introducing more electoral education for voters.

◆ *Changing the minimum age for running in the elections.* Both A.A. Ujo [10] and M.G. Olujide [11] mention the importance of changing laws that impose age restrictions on running in the elections. Ujo observes that young candidates have increasingly better voter support, as well as an advantage over older candidates in the social media space, and, therefore should be eligible to run for the office [10]. Olujide agrees that young people had become more interested in running for political office, but notes that some election results were nullified or cancelled when candidates were found to be under-age [11]. A petition, commonly referred to as the #NotTooYoungToRun Bill, aiming to reduce the age requirements for elections, has been actively supported by younger population and a number of CSOs.

◆ *Building platforms for effective engagement.* N. Sika [12] suggests that in the future, focus should be placed on building more effective platforms to encourage communication between youth, elected leaders and the government, both during and outside of election times. She points out that some platforms do exist, such as the recent competition called Aso Villa Demo Day, which help to pitch ideas to the president, however, more efforts need to be made.

◆ *Targeting female voters.* Given the gender differences in voter turnout, sights should be set on expanding political participation more broadly and increasing female registration and engagement in the process.

Problem Statement

The incessant military incursion into the country's politics affected the political culture and political socialization of Nigerian people. Most Nigerians believe that the political scene in the country does not welcome citizens' participation. Hence, politics remains the province of those tough enough to stand against the political environment of Nigeria, which is characterized by electoral violence, political assassinations, "godfatherism", corruption, rigging, etc. Moreover, the process of recruitment in political blocs of Nigeria is equally questionable, due to the specifics of their financing: Nigerian political parties are sponsored by the powerful political elites that dictate *who gets what, when and how*, while in most developed democracies parties are financed through regular contributions paid by their own members. Although all political parties in Nigeria have a youth wing, in most cases their leaders are people above the "youth" age bracket. The youth have long represented an important constituent element for electoral mobilization in Nigeria. Today, as the young population has experienced an unprecedented growth and the nation is disproportionately burdened by un-/under employment, getting the young people to vote is becoming a high-priority task. Yet, despite their numerical strength and crucial importance for the country's development, very little is known about the actual state of affairs regarding the political participation of Nigerian youth.

Hypotheses

Ho1: There is no significant difference in the opinion of the respondents interviewed about the youth involvement in Nigerian politics, according to their gender.

Ho2: There is no significant difference in the opinion of the respondents interviewed about the youth involvement in Nigerian politics, according to their age.

Ho3: There is no significant correlation between the gender and age of the respondents interviewed about the youth involvement in Nigerian politics.

Research Design

The current research adopted the form of a descriptive survey. A random sampling technique was used in selecting 200 youths from 5 political wards (40 from each ward) in Ijebu-Ode Local Government Area of Ogun State. Additionally, a self-structured questionnaire was designed and used for data collection, while a t-test and Analysis of Variance (ANOVA) were employed to test the three hypotheses at 0.05 level of significance.

Results

Ho1: There is no significant difference in the opinion of the respondents interviewed about the youth participation in Nigerian politics, on the basis of their gender status.

Table 1

Gender differentials of the respondents

Gender	N	Mean	SD	Std. Error	df	t	Sig of t
Male	93	56.48	15.11	1.43	190	1.56	0.190
Female	99	70.49	14.19	0.96			

$$t = 1.56, P > 0.05$$

The results illustrated in table 1 reveal no significant gender difference ($t = 1.56, P > 0.05$). This implies that the arithmetic mean of 56.48 obtained from the male respondents, is not significantly different from the mean of 70.49 obtained from the female respondents at the 0.05 level (the respondents were interviewed on their opinion regarding the factors affecting youth participation in Nigerian politics). In other words, the observed difference is not statistically significant.

Ho2: There is no significant difference in the opinion of the respondents interviewed about the youth involvement in Nigerian politics, on the basis of their age.

Table 2

Age differentials of the respondents

Age	N	Mean	SD	Std. Error	df	t	Sig of t
Below 18 years	56	52.17	11.92	0.90	190	1.44	0.20
Above 18 years	136	54.60	11.39	1.02			

$$t = 1.44, P > 0.05$$

The results in table 2 revealed no significant age difference ($t = 1.44, P > 0.05$). This indicates that the arithmetic mean of 52.17 obtained from respondents below the age of 18, is not significantly different from the mean of 54.60 obtained from the respon-

dents above the age of 18 at the 0.05 level. Yet again, the observed difference is not statistically significant, which means that the age of the respondents does not influence their views on the factors affecting youth participation in Nigerian politics.

Ho3: There is no significant correlation between the gender and age of the respondents interviewed about the youth involvement in Nigerian politics.

Table 3

Correlation of gender and age differentials of the respondents

Parameter	Coefficient	Standard Error	T-cal	Probability
Constant	51.492	4.011	15.023	0.000
Gender	3.820	2.015	1.209	0.144
Age	2.450	1.373	1.204	0.140

$$R^2 = 0.016, \text{ Adjusted } R^2 = 0.007, \text{ F-Statistic} = 3.144$$

In table 3, the gender and age of respondents as the only independent variables account for 16.0% of the total variation in respondents' views ($R^2 = 0.016$, $P > 0.05$). Again, this is statistically insignificant. Therefore, the gender-age differential does not play a meaningful role in respondents' opinions on the effects of non-participation of youth in Nigerian politics.

Summary of Findings

As a result of the analysis, the authors drew the following conclusions:

1. The gender of the respondents interviewed about the spread and tendencies of youth participation in Nigerian politics does not influence their opinions on the matter.
2. The age of the respondents is irrelevant to what they think about the factors affecting youth participation in Nigerian politics.
3. The gender and age of respondents (as a combined determinant) has no significant effect on their opinions about the political activity of the Nigerian youth.
4. The majority of the respondents believed that youth involvement in Nigerian politics needs to be improved.

Discussion of Findings

The study has revealed that although political participation of young Nigerians is still generally low, it is gradually on the rise as compared to before. This point is underpinned by S. Adejumbi [13], M. Olujide [11] and I. Aghedo, who remark that the latest elections saw an increase in "youth-owned, youth-driven and youth-led movements" [3]. As a result of the 2015 general elections, the only elected governor out of the 36 states of the Nigerian federation that fits into the category of 'youth' is Governor of Kogi State Yahaya Bello. Considering the events that accompanied the elections, Bello's electoral victory can be considered nothing short of a miracle. Such state of events is a far cry from the acceptable statistics regarding youth political representation in other countries the world. At the same time, according to the findings, in the past, young Nigerians were not interested in participating in political affairs simply because of their distrust in the system. The declining pattern of young people's participation in political life in developing countries was also noted by F.O. Ogbeide [1] and E. Chidiogo [7]. The lack

of political motivation among the Nigerian youth can be partially explained by limited influence of the traditional media such as radio, television and the press.

Another finding of the given research is that non-participation of the youth in political activities often affects the general pace of development of the country. This point is in line with the conclusions of O. Osumah and A.T. Aghemelo [5], who attributed the political decay in Nigeria to the reluctance of young, active and energetic people that could make a difference to participate in the country's politics. As far as possible measures addressing the lack of political interest are concerned, the study suggests that more sensitization and awareness-raising work be done to encourage young Nigerians' political involvement. Also, it seems reasonable to provide more opportunity for the young people of Nigeria to run for political office.

Conclusion

In the course of the analysis, the authors came to the conclusion that recently there has been a shift in the paradigm of youth political participation in Nigeria as per the results of the 2015 general elections. The political attitudes exhibited by young Nigerians in the recent election campaign showed that, generally, they believe in the importance of having a trustworthy election process more than they did before. Civically and politically, the youth becomes increasingly engaged in activities aimed at ensuring more credible elections. This tendency is reflected in the increasing number of youth groups participating in various activities, such as voter education, promotion of peace, election monitoring and polling-center supervision.

The 2019 general elections brought about some positive changes as it provided more opportunities for young people's participation. As compared to the previous elections and their repercussions, the 2019 elections have demonstrated a dynamic shift from destructive to constructive political engagement. The latest elections in Nigeria have indicated a trend for improved governance and growing awareness of young people's potential to act as agents of change. However, young Nigerians can further improve the effectiveness of future elections by constructively engaging stakeholders in the electoral process. Also, the youth can continue to use various platforms to popularize positive civic and political involvement in the coming elections.

Recommendations

Based on the findings of the conducted research, it is recommended that the following steps should be taken:

1. Efforts must be geared towards fighting illiteracy and unemployment as these phenomena are the main reasons for vandalism, senseless violence, anarchism, racketeering and cultism among young people involved in political activities in Nigeria.

2. Also, the young should be consulted regarding their input in the design and implementation of employment and poverty alleviation programs, such as the N.D.E. and NAPEP among others. Such programs are capable of achieving a notable boost in employment and reducing poverty in the country. Special funds should be allocated at all levels of the government to proceed with these programs. Anti-unemployment measures will help to prevent or decrease the undue manipulation of youths for selfish purposes by overzealous politicians.

3. Young people of Nigeria should form realistic youth organizations under their own control and leadership. The leaders should be ready to pursue the interest of the young at all times, as well as assist in building solid and democratic practices in the country.

4. Similarly, the young should strengthen and expand the connections which with other democratically inclined groups, such as the Nigerian Labor Congress, National Association of Nigerian Students, Nigerian Bar Association and other human rights organizations striving for positive change in national politics and promoting policies for effective advocacy of people's rights and aspirations.

5. Also, youth organizations need to avoid parochialism and forge a nation-wide pan-Nigerian alliance. They must strive hard to transcend the ethno-regional divides encouraged by the ruling class and be firm and united in their moving towards democratic development.

REFERENCES

- [1] Ogbeide F.O. Youths' Violence and Electoral Process in Nigeria's Fourth Republic: A Case Study of Ota, Ogun State, Nigeria. *International Journal of Education and Research*. 2013; 1 (9): 1—14.
- [2] Bolaji K. Toward Institutionalizing Credible Elections in Nigeria: A Review of Reform Measures by the Independent National Electoral Commission. *International Institute for Democracy and Electoral Assistance Improving Electoral Practices: Case Studies and Practical Approaches*. International IDEA; Stockholm; Sweden; 2015.
- [3] Aghedo I. Old Wine in a New Bottle: Ideological and Operational Linkages between Maitatsine and Boko Haram Revolts in Nigeria. *African Security*. 2014; 7 (4): 229—250.
- [4] Sommers M. Urban Youth in Africa. *Environment and Urbanization*. 2010; 22 (2): 317—332.
- [5] Osumah O., Aghemelo A.T. Elections in Nigeria since the End of Military Rule. *Africana*. 2010; 4 (2): 9—64.
- [6] Mutisi M. Interrogating Traditional Youth Theory: Youth Peacebuilding and Engagement in Post-conflict Liberia. *African Centre for the Constructive Resolution of Disputes*. South Africa; 2012.
- [7] Chidiogo E. Opinion: The Role of Youth in Ensuring Credible Elections. *The Guardian*. 14.02.2015.
- [8] Nwosu C. Nigeria's Youth Factor. *Foreign Policy in Focus*. 29.04.2015. Available from: <http://fpif.org/nigerias-youth-factor/>. Accessed: 20.05.2019.
- [9] Usman S.M. *Causes and Consequences of Youth Involvement in Electoral Violence*. Paper presented at one-day workshop on youth against violence, organized by Arewa Patriotic Vanguard in collaboration with Independent National Electoral Commission (INEC) for Youths in the Northwest Zone. Nigeria; 21.11.2009.
- [10] Ujo A.A. *Understanding Elections: A Guide for Students and Election Managers*. Kaduna: Joyce Graphic Printers & Publishers; 2000.
- [11] Olujide M.G. Attitude of Youth towards Rural Development Projects in Lagos State, Nigeria. *Journal of Social Sciences*. 2008; 17 (2): 163—167.
- [12] Sika N. Youth Political Engagement in Egypt: From Abstention to Uprising. *British Journal of Middle Eastern Studies*. 2012; 39 (2): 181—199.
- [13] Adejumobi S. Elections in Africa: A Fading Shadow of Democracy? *International Political Science Review*. 2000; 21 (1): 59—73.

Article history:

The article was submitted on 30.05.2019.

The article was accepted on 24.06.2019.

Участие молодежи в нигерийской политике: возрастные и гендерные различия (восприятие сообщества Иджебу-Оде)

А. Олубела, О. Юнаде, А. Огунсанья

Университет Олабиси Онабанджо
Аго-Ивойе, Штат Огун, Нигерия

Аннотация. Важность участия молодежи в политических процессах и процессах развития общества трудно переоценить. Однако, несмотря на большой процент молодежи в демографической структуре Нигерии и историческую важность преемственности поколений с акцентом на национальную идентичность, сравнительно мало известно о степени участия молодежи в политике страны. В статье в форме описательного опроса анализируются гендерные и возрастные параметры участия молодежи в нигерийской политике. Авторы использовали метод случайной выборки при отборе 200 молодых людей из 5 политических палат (по 40 из каждой палаты) в районе местного самоуправления Иджебу-Оде штата Огун. Также для сбора данных был разработан и использован опросник, а для проверки трех выдвинутых авторами гипотез на уровне значимости 0,05 использовались *t*-критерий Стьюдента и дисперсионный анализ (ANOVA). Проведенное исследование не выявило значимых гендерных ($t = 1.56, P > 0.05$) или возрастных различий ($t = 1.44, P > 0.05$) среди молодого населения Нигерии, активно занимающегося политической деятельностью. В заключение предлагаются рекомендации для правительства Нигерии — направить усилия на борьбу с неграмотностью и безработицей в стране, поскольку они являются основными причинами вандализма, бессмысленного насилия, анархизма, рэкета и культизма среди нигерийской молодежи, а также способствовать формированию реальных политических организаций под контролем и руководством молодежи страны.

Ключевые слова: молодежь, политика, участие в политической жизни, безработица, бедность

История статьи:

Статья поступила в редакцию 30.05.2019.

Статья принята к публикации 24.06.2019.

Сведения об авторах:

Олубела Афолаби — кандидат социологических наук, преподаватель кафедры преподавания гуманитарных и социальных наук Университета Олабиси Онабанджо (Нигерия) (e-mail: afolabi.olubela@oouagoiwoye.edu.ng).

Юнаде Олуфунмилайо — кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры преподавания гуманитарных и социальных наук Университета Олабиси Онабанджо (Нигерия) (e-mail: iyunade.funmi@oouagoiwoye.edu.ng).

Огунсанья Адеола — преподаватель кафедры преподавания гуманитарных и социальных наук Университета Олабиси Онабанджо (Нигерия) (e-mail: adeola.ogunsanya@oouagoiwoye.edu.ng).

Information about the authors:

Olubela Afolabi — PhD in Social Sciences, Lecturer of the Department of Arts & Social Sciences Education (ASSED), Olabisi Onabanjo University (Nigeria) (e-mail: afolabi.olubela@oouagoiwoye.edu.ng).

Iyunade Olufunmilayo — PhD in Education, Senior Lecturer of the Department of Arts & Social Sciences Education (ASSED), Olabisi Onabanjo University (Nigeria) (e-mail: iyunade.funmi@oouagoiwoye.edu.ng).

Ogunsanya Adeola — Lecturer of the Department of Arts & Social Sciences Education (ASSED), Olabisi Onabanjo University (Nigeria) (e-mail: adeola.ogunsanya@oouagoiwoye.edu.ng).

Для цитирования:

Olubela A., Iyunade O., Ogunsanya A. Youth Engagement in Nigerian Politics: Age and Gender Differentials (as Perceived by Ijebu-Ode Community // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 3. С. 421—429. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-421-429.

For citation:

Olubela A., Iyunade O., Ogunsanya A. Youth Engagement in Nigerian Politics: Age and Gender Differentials (as Perceived by Ijebu-Ode Community. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21 (3): 421—429. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-421-429.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-430-438

Research article

Agrokor: Political Aspects of the Crisis of Croatia's Biggest Conglomerate

M. Zubovic

Diplomatic Academy, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
Ostozhenka str., 53/2, build. 1, Moscow, Russian Federation, 119992

Abstract. When the conglomerate Agrokor, the biggest privately-owned company in Croatia and the Balkans, found itself on the verge of bankruptcy in 2017 due to its outstanding debts, the whole Croatian economy was under a threat of collapse. Since Agrokor accounts for 15% of the country's economy and employs approximately 60000 people, the situation was particularly alarming for the government, which decided to intervene by starting the bailout process. Taking into consideration the fact that Agrokor's biggest creditors were Russian banks Sberbank and VTB, the crisis also had certain political implications. In the midst of the critical situation, the Croatian leadership had to coordinate the country's domestic and global policies, attempting to find a common ground with Russia and surmount the crisis.

Keywords: Agrokor, Croatia, Croatian-Russian relations, foreign policy, economy

Introduction

Successful economic development is of crucial importance to every modern country, but even more so is the maintenance of its economic stability. Although the economy of each individual country is susceptible to changes and fluctuations on the market, bigger and more developed economies have an easier time dealing with such circumstances than smaller ones. Belonging to the latter category, Republic of Croatia was faced with serious challenges when the country's biggest company, Agrokor, found itself on the verge of bankruptcy and heavily indebted to foreign banks — above all, to Russia's Sberbank and VTB.

The crisis obtained a political dimension when Croatian government decided to interfere in order to prevent the company — and at the same time, national economy — from crashing. Soon afterwards, various issues related to Croatian domestic and foreign policies surfaced, what undoubtedly prolonged and further complicated the bailing out process.

In the first part of the article, a brief history of Agrokor and its development will be given. Special emphasis will be put on the way how the business in the conglomerate was handled and how Ivica Todoric, Agrokor's former owner, spread the company's area of influence. Moreover, this part of the article will cover how the crisis began, as

© Zubovic M., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

well as what measures Croatian government had undertaken in order to prevent the conglomerate from collapsing.

In order to fully depict and understand the proportions of the crisis and the way it influenced Croatia's foreign policy and relations with Russian Federation, the second part of the article will give an overview of the turmoil that Agrokor case caused in the Croatian domestic policy and political scene. It will reflect on the consequences these events have had on the overall bailout process.

The final part of the work will focus on the relations between Croatia and Russia. Due to the fact that Russian banks were Agrokor's biggest creditors, it does not surprise that the situation affected the countries' relations and that the political dimension was all the more emphasized.

Conclusion will cover all the main points and ideas presented in the article, as well as provide additional analysis of the situation, with emphasis on the foreign policy sector.

1. Agrokor: history and development of the biggest conglomerate in the Balkans

Agrokor's history dates back to 1976 when Ivica Todoric founded the agricultural business specialized in floristry. This small, family-owned company soon started selling flowers all over the former Yugoslavia, simultaneously earning returns on investment, which then led to the expansion of the business onto wheat and oils. As a result, the company generated higher turnover and ensured easier access to finance. In 1989, Todoric registered his business under the name "Agrokor", stating its specialization in the production, distribution and trade of flowers, as well as trade in oilseed and cereals [1].

Over the course of time Agrokor's expansion continued, and even though he never openly expressed his political adherence to any political party, Ivica Todoric has always been in close contact with the political elite, what enabled him an easy access to various enterprises offered for sale by the State Privatization Fund. Moreover, Todoric was also in a good position to receive bank loans in order to purchase those enterprises. In a few years, he bought several companies, but the acquisition of a retail chain "Konzum" in 1994 was a stepping stone in Todoric's business career, granting him access to commercial property, as well as a big share of the market [1].

Agrokor's expansion did not stop there. Soon, the company started to spread all over the region, taking control over production and retail markets in Serbia, Hungary, Bosnia and Herzegovina, as well as Slovenia. Aside from the spheres of retail, agriculture and food production, Todoric soon expanded his business onto other areas he considered profitable, such as tourism, healthcare and the energy sector. However, the basis of this business expansion was the expensive debt accumulation, and the way of securing the majority of funding included selling bonds on international markets, as well as obtaining loans from commercial banks [1].

In the period between 2005 and 2007 [2], through the implementation of the aforementioned principle of debt accumulation, Todoric purchased a number of Croatian companies, such as PIK Vrbovec, Belje, Tisak, etc., and also expanded the retail chain

“Konzum” to wholesale, simultaneously increasing the conglomerate’s vertical integration and area of influence [2]. The biggest transaction in the history of the region took place in 2014, when Agrokor purchased Slovenian retail chain “Mercator” for 544 million euros [3]. Considering the fact the company was already heavily financially burdened, this particular purchase was a step too far and the beginning of Agrokor’s collapse [1].

Due to the fact the conglomerate’s business strategies had been kept private over the years, the public was first informed of the problems in Agrokor no sooner than 2017, when the agency Moody’s downgraded the company’s rating from B2 to B3, and upgraded the bankruptcy rate from B1-PD to B3-PD [4]. This stirred up the rumours about its potential collapse, simultaneously provoking reactions from stakeholders, general public and politicians alike [5].

With approx. 60 000 employees and annual sales of 6.5 billion euros, Agrokor remains the largest conglomerate not only in Croatia, but whole Southeast Europe [6]. The company’s income makes up 15% of Croatian economy [7] and its collapse would have destroyed not only the country’s economy, but also negatively influenced the overall economic stability in the region. For this reason, the Croatian government had to interfere by introducing a special legislation in order to overcome the conglomerate’s financial problems, passing a special law on 6 April 2017 [8], the so-called “Lex Agrokor” [9]. However, the situation in Agrokor had unravelled a number of problems related not only to Croatian economy, but also the country’s domestic and foreign policies.

2. Effects of the Agrokor crisis on the Croatian domestic policy

The crisis and the collapse of Agrokor is the first case in the history of Croatia as an independent country which can be considered as “too-big-to-fail” (TBTF) case [10]. Companies, belonging to this category, are characterized by their systematic importance for the whole country due to their size, area of influence, number of employees, etc. Their potential failure carries the risk of immense disruptions to the overall financial system [11].

As the crisis in Agrokor continued to worsen and the risk of bankruptcy increased, Ivica Todoric turned to the Croatian government, secretly meeting with the Prime Minister Andrej Plenkovic and the ministers in March 2017 [12]. The potential government bailout was discussed, which also presupposed a loan from the state development bank (The Croatian Bank for Reconstruction and Development) [1]. This period was the beginning of a turmoil and various conflicts in the leading coalition of the Croatian government, a centrist MOST party and HDZ (Croatian Democratic Union), revolving around the Minister of Finance Zdravko Maric. As a former Agrokor employee, Maric was accused of conflict of interest and MOST party demanded him to be excluded from the bailout process [12]. Simultaneously, the government started preparing the aforementioned “Lex Agrokor”, dismissing Ivica Todoric of his duty and appointing emergency administration [13]. The law is in fact an “EA Act” (Act on

Extraordinary Administration Proceedings in Companies of Systemic Importance for the Republic of Croatia), which determines the framework for an extraordinary restructuring proceedings, intended for companies considered to be of systematic importance for the country's economy [14].

The situation in the Croatian Parliament escalated on April 27, 2017, when Prime Minister Plenkovic dismissed three MOST ministers, after they backed a no-confidence vote against minister Maric's and his involvement in the Agrokor case. Soon afterwards, the president of Parliament and MOST Bozo Petrov declared the party's exit from the coalition, stating they were no longer a part of the government which protects criminal actions and corruption in the country's largest conglomerate [12]. Eventually, minister Maric managed to keep his post after a very narrow parliamentary majority vote. Had it not been that way, Croatia would have been facing the second snap general elections in less than one year [15].

It was not long before the special Agrokor law became a subject of another affair, this time the one associated with the group of experts who were working on the it, including the Croatian Minister of Economy and vice-prime minister Martina Dalic. The affair was referred to as "the Hotmail scandal" and it revolved around the email correspondance between Dalic and the group, the details of which surfaced in the Croatian media. Via her personal Hotmail account, Dalic co-operated with a circle of lawyers, consultants and businessmen, coming up with the text of the "Lex Agrokor" before it was approved by the Croatian Parliament and without the Croatian public being informed of their activities and involvement in the process [13]. Moreover, the correspondence shows that Dalic and the group deliberately deceived the public regarding the actual state of affairs in Agrokor, simultaneously using their positions to make profit in Agrokor case [16]. Once again, the affair stirred up serious turbulence on the Croatian political scene, especially after it became clear that the PM Plenkovic was fully aware of all the details of the corrupted process [17]. Eventually, faced with allegations against her, vice-prime minister Dalic resigned, but prime minister Plenkovic refused to take on any responsibility and continues to do so up to this date [18].

3. Agrokor and Croatian-Russian relations

The crisis in Agrokor affected the relations between Croatia and Russia, economic and political ones alike, due to the fact that two Russian banks — Sberbank and VTB — are the conglomerate's largest creditors [19]. Back in 2014, already deep in debt, Agrokor had trouble finding Western investors who were eager to lend money on acceptable terms, which is why Todoric soon turned to Russian banks. At the time, Sberbank had started its expansion in South East Europe, and agreed on a loan of 600 million euros with lower interest rates. Moreover, Agrokor took out another loan (300 million euros) from another Russian bank, VTB, and over time, the conglomerate's debt reached the sum of over 1.1 billion euros, resulting in the fact that the debt to Russian banks "accounted for 53% percent of the overall debt to banks" [1].

Unsurprisingly, this took a toll on the development of prosperous international relations between the two countries, which have already had a "status quo" for a number of years. After it joined the NATO and the EU, Croatia directed its foreign policy mostly

in the European direction, simultaneously “freezing” relations with Russia, the best evidence of which is the absence of presidential contacts between the two countries for almost 10 years (2000—2010) [20], as well as the fact that Croatia did not have its ambassador in Moscow for 2 years [21].

Even though the situation in Agrokor was mostly approached and observed from an economic perspective, it undoubtedly carries a lot more political weight than it might seem at first. When Anvar Azimov, Russian ambassador in Croatia, in 2017 stated that Russian banks would no longer credit Agrokor and that Russia expects the debt to be fully returned [22], it became obvious that politics is also greatly involved in Agrokor case and that the outcome of the situation was to have certain consequences on the relations between Croatia and Russia.

Along with the aforementioned turmoil on the Croatian political scene, negotiations between Agrokor’s emergency administration and Russian banks have also gone through turbulent periods. The situation hit a crisis point when Sberbank announced they were no longer participating in the negotiation process and were to file suit against Agrokor [23] for falsifying its financial reports over the years [24], but it was eventually resolved in the spring 2018. The bank managed to reach an agreement with the new president of emergency administration, Fabris Perusko, and ensure a deal which would ensure their claims are met in the Agrokor case [25]. In the summer of 2018 a settlement between Agrokor creditors and emergency administration was eventually achieved, according to which Sberbank and VTB jointly obtained 47% stake in the new company [26], called Fortenova Grupa as of April 1, 2019 [27].

However, the fact that the most important company in Croatian economy is now under Russian control changed the political and geopolitical situation in the region to a great extent. In the light of tense relations between Russia and the West, such active presence of Russian banks in the economy of one NATO and the EU member state is frowned upon by the Western countries. Moreover, Croatia is one of the strongest allies of the United States in the Balkans [28], which is another reason due to which Russia’s actions are perceived as a destabilizing factor in this part of Europe.

Regarding the aforementioned stagnation in the Croatian-Russian international relations, a relatively important step in the right direction was made in October 2017, when Croatian president Kolinda Grabar-Kitarovic paid an official visit to Russia, where she took part in the Russian-Croatian Economic Forum in Moscow and held meetings with a number of highly positioned Russian diplomats, Prime Minister Medvedev and president Putin included [28]. However, it can be safely said that the main reason behind Kitarovic’s visit was the ongoing situation in Agrokor, which was discussed in Sochi with president Putin and Herman Gref, Sberbank’s CEO [29]. Even though the Croatian president expressed her willingness to mediate in the negotiation process and help improve the situation [24], it needs to be emphasized that the main decisions regarding Croatian foreign policy are not made by the president, but Prime Minister and the government. The fact that Prime Minister Plenkovic, during his official visit to Ukraine, openly expressed Croatia’s support regarding the “peaceful reintegration” of Crimean territory and readiness to advise the Ukrainian leadership on the subject [30], provoked a serious reaction from the Kremlin. This is just one of the examples which illustrate various

inconsistencies and contradictions within Croatia's domestic political situation, and which are, in turn, negatively reflected on its foreign policy.

However, the Agrokor case, and the deal which was eventually made, undoubtedly gave Russia political and strategic advantage in the Balkans. In the light of European sanctions against Russia, two of Russia's national banks would now hold majority ownership in the economy of a European country, which serves as a good basis for the spread of Russian influence in the region.

Conclusion

The fall of Croatia's biggest company affected and threatened not only the country's economic, but also political stability. What started as a solely economic problem, soon turned out to be politically influenced and aspected on various levels. Due to heavy indebtedness to foreign banks — especially Russian Sberbank and VTB — and a risk of bankruptcy, Agrokor's former owner and CEO Ivica Todoric handed the conglomerate into the hands of the government, in the hope of bailing out and rescuing his struggling business.

However, this move only unravelled a number of problems Croatia is facing nowadays, related to domestic and foreign policies alike. One of the biggest ones is by far high level of corruption and lack of transparency in handling the country's affairs. Agrokor case had almost caused the fall of Croatian government, and in the foreign policy sector, it underlined ongoing disagreements and inconsistencies between the president and the government — issues which complicate and prevent the successful development of the country's international relations to a great extent.

The situation in Agrokor had shaken the stagnating relations between Croatia and Russia. Even though the official meetings of the presidents of the two countries in nearly a decade is certainly an improvement in the bilateral relations, the fact that the issue of Croatian indebtedness to Sberbank and VTB was discussed on the highest diplomatic level speaks for itself about the consequences Agrokor case could have had for the relations between the countries. Eventually, after years of negotiations and turmoil, the situation in Agrokor was resolved and a settlement achieved. However, it cannot be denied that the whole process could have been much faster and less damaging for Croatia's economy and foreign policy, if the domestic policy had been handled more transparently.

The outcome of the Agrokor crisis is a new company, Fortenova Grupa, as well as a new owner structure, in which Russian banks hold over 50% share. From a political and strategic perspective, this gives Russia an opportunity to spread and strengthen its influence in the Balkans, especially given the fact it now plays a crucial role in the economy of an EU and a NATO country. The West perceives this as a troublesome factor, however, Russian banks had every right to ensure their claims are fulfilled. Another question which arises in this regard is why the Western banks and institutions did not offer more adequate help in the Agrokor crisis. Either way, Agrokor scenario should be a good lesson to Croatian leadership and a sign to pay more attention to the various problems lying in the core of the country's domestic policy, as well as to work more on the improvement of the relations with Russia, now so actively present in the country's economic and political scene.

REFERENCES

- [1] Klepo M., Bičanić I., Ivanković Ž. *The Case of Agrokor: The Crisis of the Largest Croatian Company*. Zagreb: Friedrich-Ebert-Stiftung, Regionalni ured za Hrvatsku i Sloveniju, Studeni; 2017.
- [2] Petrović N. Agrokor: Između političkog kapitalizma i ekonomskog liberalizma. Čengić D. (ed.). *Kapitalizam i socijalna integracija*. Zagreb: Institut društvenih znanosti Ivo Pilar; 2008: 89—111 (In Cro.).
- [3] Jutarnji List. Kronologija stvaranja velikog koncerna: Znete li koje je godine osnovan Agrokor i koliko je koštala najveća transakcija u povijesti regije? Available from: <https://www.jutarnji.hr/vijesti/hrvatska/kronologija-stvaranja-velikog-koncerna-znete-li-koje-je-godine-osnovan-agrokor-i-koliko-je-kostala-najveca-transakcija-u-povijesti-regije/5776463/>. Accessed: 09.04.2019 (In Cro.).
- [4] Od pada Vlade do ulaska ruskih banaka u Agrokor: Godina velikih turbulencija u najvećem hrvatskom koncernu. *Dnevnik.hr*. 10.05.2019. Available from: <https://dnevnik.hr/vijesti/hrvatska/kronologija-krize-u-agrokoru-godina-velikih-turbulencija---513160.html>. Accessed: 09.04.2019 (In Cro.).
- [5] Njavro M, Juračak J, Čop T. Agrokor Case: The Recent Past and The Uncertain Future of The Big Agribusiness Conglomerate In Croatia. *Proceedings in Food System Dynamics*. 09.07.2018. Available from: <http://centmapress.ilb.unibonn.de/ojs/index.php/proceedings/article/view/1804>. Accessed: 09.04.2019.
- [6] Dobrić D. Zaboravljeni Agrokor: Što se zbiva s najvećim koncernom u regiji? *DW*. 27.08.2018. Available from: <https://www.dw.com/hr/zaboravljeni-agrokor-%C5%A1to-se-zbiva-s-najve%C4%87im-koncernom-u-regiji/a-45239736>. Accessed: 09.04.2019 (In Cro.).
- [7] Karasik T. If Croatia Joins the Eurozone, It Would Give Russia Its Greatest Weapon in Europe. *Euronews.com*. 22.01.2019. Available from: <https://www.euronews.com/2019/01/22/if-croatia-joins-the-eurozone-it-would-give-russia-its-greatest-weapon-in-europe-view>. Accessed: 10.04.2019.
- [8] Hawthorn D., Thompson A. Re Agrokor DD: An Extraordinary Foreign Proceeding, but not too Extraordinary for Recognition under the Cross-Border Insolvency Regulations 2006. *Corporate Rescue and Insolvency*. 2018; 11 (1): (6—9). Available from: <https://www.michelmores.com/sites/default/files/ReAgrokorDD.pdf>. Accessed: 09.04.2019.
- [9] Lex Agrokor stupio na snagu, pročitajte cijeli tekst zakona. *Dnevnik.hr*. Available from: <https://dnevnik.hr/vijesti/hrvatska/lex-agrokor-stupio-na-snagu-procitajte-cijeli-tekst-zakona---472538.html>. Accessed: 09.04.2019 (In Cro.).
- [10] Rubinić I., Bodul D. Regulation of the “Too-Big-To-Fail” Entities in the Republic of Croatia. *Ekonomski pregled*. 2018; 69 (3): 298—321. Available from: <https://hrcak.srce.hr/202520>. Accessed: 09.04.2019.
- [11] Labonte M. *Systemically Important or “Too Big to Fail” Financial Institutions*. Washington, DC: Congressional Research Service; 2018.
- [12] Agrokor: Kronologija krize koja je obilježila 2017. *Poslovni dnevnik*. Available from: <http://www.poslovni.hr/hrvatska/agrokor-kronologija-krize-koja-je-obiljezila-2017-335588>. Accessed: 09.04.2019 (In Cro.).
- [13] Vale G. Croatia, from the Collapse of Agrokor to the Hotmail Scandal. *Osservatorio Balcani e Caucaso Transeuropa*. 07.06.2018. Available from: <https://www.balcanicaucaso.org/eng/Areas/Croatia/Croatia-from-the-collapse-of-Agrokor-to-the-Hotmail-scandal-188116>. Accessed: 15.04.2019.
- [14] American College of Investment Council. *Lex Agrokor*. Available from: <https://www.aciclaw.org/news/2018/lex-agrokor>. Accessed: 15.04.2019.
- [15] Croatia’s Largest Business Group’s Collapse Threatens Government Stability. *Agencia EFE*. 19.05.2017. Available from: <https://www.efe.com/efe/english/business/croatia-s-largest-business-group-collapse-threatens-government-stability/50000265-3271424>. Accessed: 14.04.2019.

- [16] Ćimić I. Afera Hotmail pokazala je sanaderovsko lice Plenkovićeve HDZ-a. *Index.hr*. 31.12.2018. Available from: <https://www.index.hr/vijesti/clanak/afera-hotmail-pokazala-je-sanaderovsko-lice-plenkoviceva-hdza/2052817.aspx>. Accessed: 17.04.2019. (In Cro.).
- [17] Pauček Šljivak M. Reakcije političara na Dalićkin iskaz u Uskoku: “Plenković mora otići”. *Index.hr*. 23.08.2018. Available from: <https://www.index.hr/vijesti/clanak/reakcije-politicara-na-dalickin-iskaz-u-uskoku-plenkovic-mora-otici/2019320.aspx>. Accessed: 17.04.2019. (In Cro.).
- [18] Ćimić I. Agrokor je bio i ostao sramotno lice Hrvatske. *Index.hr*. 05.07.2018. Available from: <https://www.index.hr/vijesti/clanak/agrokor-je-bio-i-ostao-sramotno-lice-hrvatske/2008855.aspx>. Accessed: 17.04.2019 (In Cro.).
- [19] Creditors Approve Agrokor Debt Settlement Deal. *Reuters*. 04.07.2018. Available from: <https://www.reuters.com/article/us-croatia-agrokor/creditors-approve-agrokor-debt-settlement-deal-idUSKBN1JU1XX>. Accessed: 17.04.2019.
- [20] Orlik I.I. *The Main Trends in Relations between Russia and the Central and Eastern Europe Countries*. Moscow: Institut ekonomiki RAN; 2015: 381—401 (In Russ.).
- [21] Croatia Turns Face to Russia. *Kommersant*. 18.10.2017. Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/3441596>. Accessed: 07.05.2019 (In Russ.).
- [22] Duka Z. Anvar Azimov: Agrokor neće više dobivati ruske kredite, ne zanima nas ulazak u vlasničku strukturu te tvrtke. *Novolist.hr*. 10.02.2017. Available from: <http://www.novolist.hr/Vijesti/Hrvatska/Anvar-Azimov-Agrokor-neze-vise-dobivati-ruske-kredite-ne-zanima-nas-ulazak-u-vlasnicku-strukturu-te-tvrtke>. Accessed: 07.05.2019 (In Cro.).
- [23] Sberbank popušta!? Predsjednik Uprave moćne ruske banke progovorio o dugu Agrokoru: ‘Bili smo ignorirani, ali sada svjedočimo promjeni situacije’. *Jutarnji.hr*. 22.12.2017. Available from: <https://www.jutarnji.hr/biznis/sberbank-popusta-predsjednik-uprave-mocne-ruske-banke-progovorio-o-dugu-agrokora-bili-smo-ignorirani-ali-sada-svjedocimo-promjeni-situacije/6869172/>. Accessed: 07.05.2019 (In Cro.).
- [24] Ruski mediji otkrili s kim su se Grabar Kitarović i Dinko Cvitan susreli. *Tportal.hr*. 19.10.2017. Available from: <https://www.tportal.hr/biznis/clanak/posjet-rusiji-u-znaku-agrokora-otkriveno-s-kim-se-osim-s-putinom-susrela-predsjednica-20171019>. Accessed: 08.05.2019 (In Cro.).
- [25] Agrokor postigao dogovor sa Sberbankom: Izvanredni povjerenik potvrdio: Ruska banka će povući tužbe, a Agrokor će priznati njezine tražbine. *Jutarnji.hr*. 21.03.2018. Available from: <https://www.jutarnji.hr/biznis/tvrtke/agrokor-postigao-dogovor-sa-sberbankom-izvanredni-povjerenik-potvrdio-ruska-banka-ce-povuci-tuzbe-a-agrokor-ce-priznati-njezine-trazbine/7155426/>. Accessed: 08.05.2019 (In Cro.).
- [26] Vladisavljević A. Creditors Reach Settlement with Croatia’s Troubled Agrokor. *Balkan Insight*. 19.06.2018. Available from: <https://balkaninsight.com/2018/06/19/agrokor-s-creditors-supported-the-settlement-06-19-2018/>. Accessed: 07.05.2019.
- [27] Agrokor od danas posluje kao Fortenova grupa, evo što to točno znači. *Tportal.hr*. 01.04.2019. Available from: <https://www.tportal.hr/biznis/clanak/agrokor-od-danas-posluje-kao-fortenova-grupa-evo-sto-to-točno-znaci-foto-20190401>. Accessed: 08.05.2019 (In Cro.).
- [28] Samorukov M. Croatia: Moscow’s New Ally, or a Brief Fling? *Carnegie Moscow center*. 27.10.2017. Available from: <https://carnegie.ru/commentary/73562>. Accessed: 10.05.2019.
- [29] Russia, Croatia Leaders Discussed Agrokor Debts; Talks to Continue. *Reuters*. 18.10.2017. Available from: <https://www.reuters.com/article/russia-croatia-agrokor/russia-croatia-leaders-discussed-agrokor-debts-talks-to-continue-idUSR4N1MM023>. Accessed: 07.05.2019.
- [30] Vurušić V. Grmljavina iz Kremlja nakon Plenkovićeve prijedloga za posjeta Ukrajini: ‘Ozbiljno smo zabrinuti, bilo bi vam bolje da se bavite vlastitim problemima’. *Vijesti*. 22.11.2016. Available from: <https://www.jutarnji.hr/vijesti/hrvatska/grmljavina-iz-kremlja-nakon-plenkoviceva-prijedloga-za-posjeta-ukrajini-ozbiljno-smo-zabrinuti-bilo-bi-vam-bolje-da-se-bavite-vlastitim-problemima/5295403/>. Accessed: 11.05.2019 (In Cro.).

Article history:

The article was submitted on 16.05.2019.

The article was accepted on 26.06.2019.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-430-438

Научная статья

Агрокор: политические аспекты кризиса в крупнейшем хорватском концерне

М. Зубович

Дипломатическая академия МИД России
Остоженка 53/2, стр. 1, Москва, Россия, 119992

Аннотация. Когда концерн Agrokor, крупнейшая частная компания в Хорватии и на Балканах, оказался в 2017 году на грани банкротства из-за большой задолженности, вся экономика Хорватии оказалась под угрозой краха. Поскольку на Агрокор приходится 15% экономики страны и компания предоставляет работу примерно для 60 000 человек, ситуация была особенно тревожной, и правительство Хорватии решило вмешаться. Учитывая тот факт, что крупнейшими кредиторами Агрокора были российские банки Сбербанк и ВТБ, кризис в целом приобрел и политический характер, в котором хорватское руководство должно было согласовать внутреннюю политику страны с внешней и стремиться найти общий язык с Россией, для того чтобы преодолеть множество трудностей.

Ключевые слова: Агрокор, Хорватия, хорватско-российские отношения, внешняя политика, экономика

История статьи:

Статья поступила в редакцию 16.05.2019.

Статья принята к публикации 26.06.2019.

Информация об авторе:

Зубович Марта — аспирантка кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России (ORCID ID: 0000-0002-3829-306X) (e-mail: zubovicmarta@gmail.com).

Information about the author:

Marta Zubovic — PhD Student of the Department of Politology and Political Philosophy, Diplomatic Academy, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-3829-306X) (e-mail: zubovicmarta@gmail.com).

Для цитирования:

Zubovic M. Agrokor: Political Aspects of the Crisis of Croatia's Biggest Conglomerate // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 3. С. 430—438. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-430-438.

For citation:

Zubovic M. Agrokor: Political Aspects of the Crisis of Croatia's Biggest Conglomerate. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21 (3): 430—438. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-430-438.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-439-449

Research article

Water Governance and Water Management Systems in the Tekeze River Basin

G.A. Kumie

Bahir Dar University
Bahir Dar, Ethiopia

Abstract. The fact that a lot of fresh water resources in Ethiopia are shared between several sovereign states creates a difficult situation in terms of water governance and management. Since there is no central agency that can regulate the utilization of water, the autonomous riparian actors pursue their respective interests. Water is shared at local, national and international levels; and difficulty in water supply management arises from lack of coordination between local, national and international authorities. Most of the Ethiopian rivers are trans-boundary, i.e. shared by several sovereign states. The purpose of this paper is to examine water governance and management systems in the Tekeze River basin. The author uses the qualitative research method to critically examine the existing scarce literature sources and governmental policy documents. The findings of the study revealed the absence of any kinds of bilateral agreements among the riparian states of the Tekeze River basin. As the water governance system in the region is highly politicized, there exists a certain clash of interests between the Tekeze River nations. The constant conflict in the region disrupts cooperation needed for facility maintenance in the Tekeze River basin. The problems in the area arise due to the following factors: no demarcated boundaries between the basin states; no effective water governance system, and, as a result, no efficient and cooperative utilization of fresh water resources; lack of institutional and legal arrangements between the major riparian states.

Keywords: water governance, water management, Tekeze River, riparian states, conflict and cooperation

Introduction

Numerous rivers, lakes, basins, and aquifers extend over more than one African state. Consequently, the situation when crucial freshwater resources are shared by several sovereign states calls for a necessity to establish effective water resource management. As was noted by Yacob in this respect, national interests often clash, management approaches often differ, and international relations sometimes deteriorate [1. P. 22]. The author points out: “While the need for and dependence on the shared water resources are on the increase, the pattern of unsustainable utilization and management of the water resources has not yet been changed” [1. P. 22].

© Kumie G.A., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Ethiopia has been described as the “water tower” of Northeast Africa. The country has twelve river basins and twenty natural and artificial lakes¹. Four of the twelve rivers are local and the remaining eight are trans-boundary rivers, including the Tekeze River². The riparian states of the Tekeze River basin are Ethiopia, Sudan and Eritrea [2]. However, between the three countries there exists no legal and institutional framework in regards to the utilization and management of the basin. Moreover, there are no studies conducted in the area, except for a few governmental reports and proposals.

The key objective of this paper is, therefore, to examine water governance and management systems of the Tekeze river basin. To this end, the central concern of the study is to explore hydrological and riparian peculiarities of the Tekeze River, conflict and cooperation between the riparian states, specificity of the local water management system, legal and institutional issues related to the joint management, as well as the economic significance of the basin.

Methodologically, the study is both descriptive and interpretative. It does not try to provide an extensive account of the issue at hand. Rather, it is a desk research that reviews authoritative works with the aim to understand the peculiarities of the Tekeze river water governance. With this object in mind, we searched for and reviewed relevant literature and secondary sources, such as government documents, books, and journals.

1. Geographical/Environmental Description of Tekeze River

Relevant to the climate differences, the Tekeze basin can be divided into two areas [2]³. First, the region west of Simien Mountain, which has two types of climate: the wet season, lasting for about four months, from June to September, and the dry season that lasts for the rest of the year. Second, the region east of Simien Mountain, characterized by three seasons: the dry season (from October to February), the short rainy season that covers a period from mid-February to mid-May, and the long rainy season that lasts June through September [3]. The water balance in the basin is maintained by means of water available from rainfall and return flow. Water supply and irrigation accounts for less than 1% of the whole water mass, and 12 to 13% flows out of the basin in the form of surface water. The remaining 87 to 88% is lost through evaporation [2].

2. The Hydrological System of the Tekeze River Basin

The Tekeze River basin is situated in the northwest of Ethiopia, between latitudes 1140 and 1512 north and longitudes 3630 and 3950 east [2]. The Tekeze basin includes the smaller Angereb (an area about 13,327 km²) and Goang (area about 6,694 km²) basins. Both rivers cross Sudan’s border to the south of the Tekeze River and join the Tekeze River downstream in Sudan to form the Atbara River, one of the Nile’s tributaries. The area of the entire Tekeze basin is about 86,510 km². The Ethiopian area

¹ National Water Development Report for Ethiopia. *UNESCO World Water Assessment Program*. 2004.

² The Ethiopian Name for Atbara River in Sudan.

³ Classification is based on the mean monthly rain patterns.

of the Tekeze is about 82,350 km². A relatively small part of the basin constituted by minor streams is situated along the Sudanese border, which covers an area of 3,023 km², and the rest of the basin is located in Eritrea [6].

The length of the Tekeze River, from its source at the springs near Lalibela to the Sudan border, toward which the Tekeze flows, mostly in the western direction, is about 600 km. The main tributaries of the Tekeze, which originate in the highlands on the east side of Simien Mountain, are the Zamrta, Tserare, Geba, and Wori [6]. The Tekeze River is a major tributary of the river Atbara that, in its turn, flows into the Nile's downstream, the confluence of the Blue and White Niles at Khartoum. The river slope is quite steep in the mountain stretch, more than 1.5%, further gradually decreases to 0.3% and finally to 0.1% near the Sudanese border [6].

The Ethiopian part of the Tekeze River Basin has an average elevation of 1850 masl. About 70% of the basin lies in the highland at an altitude of over 1500 masl. The upper reaches of the Tekeze are surrounded by mountain ranges, the elevation of which is over 2000 m. 40% of the total basin area has an elevation of over 2000 masl. The elevation of the basin in the lowland ranges from 1000 to 500 masl. In the west, with an area of about 5000 km² (1500 km² lies in Ethiopia), the basin almost completely runs through flatland [2].

3. Economic Significance of the Tekeze River

3.1. Economic Significance of the Tekeze River to Ethiopia

According to the Tekeze River Basin Integrated Development Master Plan Project's Main Report (1998) [6], there are different potential areas of economic activities along the basin. Yet, the river is completely undeveloped. According to the source, the major development potentials of the basin include: hydropower development (due to the presence of favorable natural conditions, such as deep gorges and steep slopes), large-scale irrigation potential, fish production (possible in the river channels), farm forestry practices (currently underway in the basin), such as growing incense and gum trees in the lowlands. The closure of degraded lands is welcomed.

The small-scale mixed farming is the dominant economic activity in the whole Tekeze river area. It accounts for more than 97% of farm households. Although the proportion of livestock farmers in the whole basin is low, in the lowlands of the northwest of the basin there are farmers who own cattle and goats in large numbers and totally depend on livestock production. In the highlands, on the other hand, there are farmers who completely lean on crop production. Similarly, the river fishery is not well developed in the Tekeze basin for a number of reasons. The rugged nature of the landscape coupled with the seasonal flow of many streams makes it difficult to develop the sector in the highlands. However, in the lowlands, some of the rivers and streams flow all over year round creating a potential fish production increase [2].

Moreover, the construction of a hydroelectric dam on the Tekeze offers another economic potential for Ethiopia. The Tekeze Dam is a double-curvature arch dam in the Tigray region of northern Ethiopia on the Tekezé River, a Nile tributary that flows through one of the deepest canyons in the world.

At the time of completion, the 188 meters (617 ft) high dam was Africa's largest arch dam. It was Ethiopia's largest public works project. The dam helped to reduce power shortages as Ethiopia's power demand increases.

According to the Tekeze River Basin Integrated Development Master Plan Project's Main Report (1998), the major limitations or constraints for development of the Tekeze basin include: absence of steep drops and high flow for short periods associated with rain, annual variability of river flows, insufficient quantity and poor quality of food supply, infectious diseases and parasites, shortage of skilled manpower, undeveloped livestock selection and breeding practices, lack of pricing and marketing policies, and weakness of government organizations at local level to organize forest protection and management.

3.2. Economic Significance of the Atbara River for Sudan

The Khashm el-Girba dam is the major project in the Atbara river basin. The dam was built in 1964 on the Atbara in order to provide irrigation water for the Khashm el-Girba agricultural scheme, as well as hydroelectricity⁴. The agricultural scheme was developed partly for resettling Sudanese Nubians (whose land was flooded after the building of the Aswan High Dam that submerged 500 kilometers of the Nile Valley in Egypt and Sudan) and partly for nomads that were encouraged to become sedentary. However, the dam has not functioned as planned. Siltation and subsequent loss of storage capacity is now a well-known problem for dams on the Nile, with both economic and ecological implications.

The annual siltation rate in the reservoir is estimated at 40 million m³ yearly, and the storage capacity of the dam was severely reduced only seven years after the dam was completed. For this reason, the reservoir has been flushed annually since 1970. This is naturally causing mass extermination of fish. The original capacity of the dam was 1.3 billion m³, which has now been reduced to less than half, with bad implications for both storage of irrigation water and electricity production. One of the aims of the new dam projects on the Upper Atbara and Setit is to reduce the siltation of the Khashm el-Girba reservoir.

Moreover, currently, Sudan is building a dam complex comprising the Rumela Dam at the Upper Atbara River and the Burdana Dam at the Setit River in Eastern Sudan. The site of the twin dam is located 20 km upstream from the junction of the Atbara and Setit rivers and about 80 km to the south of the Khashm el-Girba Dam. The Rumela Dam on the Atbara will have a height of 55 meters and the Burdana Dam on the Setit will have a height of 50 meters. The two dams will be connected and have a total length of 13 kilometers. The project includes the construction of hydropower stations on both the Rumela and Burdana Dams with a total installed capacity of 135 MW, which should be capable of producing 380 GWh per year. The objective of the project is to support the development of Eastern Sudan, through enhancement of agricultural production,

---

⁴ Archaeology, Dams, and Politics. Again... *Preserve the Middle Nile*. 19.11.2012. Available from: <http://preservethemiddlenile.wordpress.com>. Accessed: 24.06.2017.

generation of hydropower and potable water utilizing locally available water resources from the Atbara and Setit rivers. The project also aims to increase agricultural production in the New Halfa area currently irrigated by the Khashm El-Girba Dam. Additionally, the plans are to start the development of new land 150,000 ha in area in the Upper Atbara.

4. Water Management System and Legal/Institutional Issues

It is widely recognized that efficiently functioning institutional structures at the national, cross-national and regional levels are indispensable for sustainable development and management of transboundary waters and for lasting cooperation among the riparian states [4]. Effective transboundary water management starts at the national level, where coordination and cooperation between different ministries and water-related institutions are needed, as are sufficient financing and political commitment [12]. From the entire area of the Tekeze river basin, which is about 86,510 km², Ethiopia owns about 82,350 km² [6]. The importance of Ethiopia in the regional fresh water distribution is undeniable, therefore, we will look into the water management system, legal and institutional issues in the country.

4.1. Institutional Arrangements for Water Resources Management in Ethiopia

Institutions carrying out water resources development and management in Ethiopia function on different levels. At the federal level, the Ministry of Water and Energy (hereafter the ministry) is the sole federal government institution established to manage the country's water resources⁵. The ministry has mandates to formulate policy and legal frameworks, establish relevant institutions, set standards, commission studies, as well as plan and develop water supply and sanitation, irrigation, hydropower, and other energy forms. It is also responsible for water resource administration, protection, monitoring, and allocation. Moreover, the ministry deals with trans-boundary water issues. Consequently, the Ministry of Water and Energy bears a special responsibility for water resource development and planning in the Tekeze river basin.

At the regional level, a number of River Basin Organizations (RBOs), such as Basin High Council and River Basin Authorities (RBAs), have been established in order to ensure integrated water resources management between the riparian countries. To date, there are three RBAs for the Abbay, Awash and Rift Valley Lake basins. A regional water resource bureau in each state deals with the development of water resources for domestic water supply, either directly for larger borehole drilling programs, or indirectly through funding for the local Woreda government and their water offices (tasked with planning, implementing and/or backstopping spring development, lower-cost wells and sanitation). The regional bureau also plans, finances and implements small-scale irrigation projects.

---

⁵ See Proclamation No. 691/2010.

4.2. Legal Framework for Water Resource Management in Ethiopia

The legal framework for water resource management in Ethiopia covers policy, strategy, proclamations, regulations, and directives. The Ethiopian Water Resources Management Policy, formulated in 1999, is in line with the principles of integrated water resource management. The policy framework covers four major domains: domestic water supply, sanitation/hygiene, irrigation and drainage, and hydropower development [11]. The Ethiopia Water Sector Strategy is the implementation roadmap for the policy. The Ethiopian Water Resources Management Proclamation No. 197/2002 provides a legal basis for water resource administration. The Proclamation sets out allocation priorities, permitting or denying arrangements, and regulates the broad framework of rules for water resource development and management⁶. In addition, Ethiopian Water Resources Management Regulation No.115/2005 offers a detailed description of implementation procedures and arrangements. A Basin High Council and Authorities Proclamation (No 534/2007), as well as subsequent regulations that have established RBAs and RBOs, together with the Irrigation Development Incentive Proclamation, provide the main legal basis for water resource development and management in Ethiopia. On the other hand, there is a lingering paradox between the need to utilize the huge potential of the water resources for much-needed development and the lack of economic and institutional capacity at the national level compounded by the absence of cooperation at the sub-basin level [1].

4.3. Water Management, Legal and Institutional Issues in the Region

The cross-national status of many freshwater resources requires from the states that share them to establish effective water resource management. In this respect, the existence and the role of institutional structures at the transboundary level remains critical for sustainable development and management of transboundary waters and for lasting cooperation among the riparian states [4]. However, legal and institutional arrangements for water utilization and management have yet to be established in many of the Tekeze/Atbara River states, particularly in Ethiopia and Sudan [2].

The lack of water management, legal and institutional arrangements between the major Tekeze river basin riparian states has been hindering the process of sustainable water development and management. The fact that the Tekeze river basin is one of the sub-systems of the Nile water system [1] calls for the necessity to examine the basin's hydro-politics in a broader context. In this regard, in his analysis of the regional aspect of water utilization in the Eastern Nile basin, Yacob stated the following:

At present, there are no legal or institutional arrangements to harmonize upstream-downstream water utilization interests at sub-basin or basin levels. Nor are there any mutually acceptable customary modalities, which might be acceptable for inter-riparian water utilization and management. The lack of active engagement to mitigate the numerous water-related problems interests at sub-basin or basin levels. Nor are there any

---

⁶ Ethiopian Water Resources Strategy. MoWE. Addis Ababa; 2002.

mutually acceptable customary modalities, which might be acceptable for inter-riparian water utilization and management [1. P. 30].

However, a sound legal framework is essential for stable and reliable cooperation. At the global level, the 1997 Convention on the Law of Non-Navigational Uses of International Watercourses signified an important step forward. The Convention, adopted by the United Nations General Assembly, provides a legal framework for inter-state cooperation on international watercourses. However, it has not yet come into effect. Although, the “equitable and reasonable utilization” and the “not causing serious harm” rules are already part of the international customary law.

5. Riparian Issues of the Tekeze River Basin

According to the 1994 population census results, the settlement patterns along the Tekeze river basin were the following: approximately 6.4 million in the economic basin area and 4.7 million within the hydrographic boundaries. The difference of 1.7 million people, representing 27% of the economic basin area population, lives in the border *woredas* outside the basin boundaries. The total population of the border *woredas* amounts to 61% of the people living in the economic basin area. Population densities vary widely within the basin. The western half of the basin consists of lowlands, which are sparsely populated, with densities of 0—25 inhabitants per km² [5].

On the other hand, the eastern side of the basin consists of highlands showing much higher densities in the range of 100 to 120 inhabitants per km². The highest population densities, locally up to 200 inhabitants per km², are found in a narrow ring around the eastern highlands. The population is largely rural. The urban residents constitute 12% of the total population with reference to the economic basin area and 10% with regard to the hydrographic basin area. In general, about 56% and 46% of the basin is situated in the Amhara (4 zones) and Tigray (4 zones) regional states, respectively. There are two large, one medium, and 12 small towns, as well as 34 rural centers in the basin. The population of the basin is estimated to be 4,724,164. The rural population (93%) is expected to increase threefold in the next 50 years and the urban population is supposed to grow tenfold.

6. Conflict and Cooperation among the Tekeze River States

The Tekeze River basin is one of the sub-systems of the Nile water system whose upper streams rise in northern Ethiopia [1]. The sub-system contributes 8.2 Bcm to the total annual flow of the Nile waters [6; 1. P. 85]. Thus, as a sub-basin of the Nile, the Tekeze River is also shared by the Nile basin states, particularly by Ethiopia, Sudan and Eritrea.

Sudan and Ethiopia share the longest border and the largest number of people living along it. On top of that, the major rivers of Sudan, including the Atbara, originate in Ethiopia. Irrespective of this fact, however, water appears to be as a source of tension rather than a reason for cooperation between the two countries [8].

Sudan is the only country in the Nile basin which signed the 1959 agreement with Egypt. Moreover, Sudan and Ethiopia have agreed on several gestures of goodwill, including the 1980 and 1991 protocols of cooperation in the Nile basin. Yet, there has not been a known bilateral or multilateral water development venture between Ethiopia and Sudan. Furthermore, according to Yacob, “In the present conflagration of upstream-downstream confrontation Sudan generally behaves like a downstream state, although its relations with Egypt have been not so friendly from time to time” [1. P. 196].

On the other hand, Sudan and Ethiopia can increase cooperation through carrying out joint ‘win-win’ projects [4]. There is a pressing need for cooperation between the two countries in order to reduce sediment transportation and increase the recharge of groundwater going to the Nile [11]. However, all these joint projects have to be negotiated and integrated in regards to hydropower generation, irrigation, watershed management, navigation, fishing and flood control. Thus, unless Sudan works jointly with Ethiopia, its fields and plains will never cease to be flooded and its dams will continue to be filled up with silt and pebbles carried down from the Ethiopian highlands. Moreover, the quantity and quality of the waters Sudan receives may not be sustainable [4].

Through the joint projects between Ethiopia and Sudan, which would include building dams and constructing irrigation projects, the countries of the Nile basin can promote peace and stability in the region. Unless collaboration is established, primary needs of the present and coming generations of locals will not be met [2]. The benefits of joint projects include maximizing water resources, establishing supranational organizations, improving the use of technology, providing basin-wide environmental conservation and combating drought. What is more, joint projects will have a positive effect on political relations of the riparian nations [4].

In fact, compared to the other riparian countries, Ethiopia has a significant advantage ecologically and economically: its hydropower capacity allows it to potentially generate up to 45,000 megawatts of electricity [3]. Thus, there is a strong opportunity for building regional economic cooperation around an energy deal (exchanging Sudanese oil for Ethiopian electricity) and constructing a new framework for improved political relations [10]. Joint energy initiatives could provide a greater, cleaner and more reliable power supply for both Sudan and Ethiopia, as both countries struggle with providing jobs for burgeoning populations and services to marginalized areas [4].

Conclusion

The study has examined the water governance and management systems in the Tekeze River basin. It has unequivocally demonstrated the crucial role of effective water governance and management among the riparian states. Regardless of the increasing dependence on the shared water resources, the utilization of the water in the region remains poorly managed. Particularly, the cross-boundary status of the Tekeze River basin complicates the issues. Lack of legal and institutional mechanisms of water governance and cooperation among the riparian states, as well as the absence of joint hydropower and other water development projects contribute to the complicated situation in the region.

The Tekeze River basin states have numerous opportunities for economic development. The huge economic potentials of the Tekeze River allowed by its natural conditions (deep gorges and steep slopes necessary for hydropower development) and its large-scale irrigation potentials are not being taken advantage of by the Ethiopian government. On the other hand, small scale mixed farming remains the dominant economic activity in the whole Tekeze River area. Short-term high flow associated with rain shortage, lack of skilled manpower and annual variability of river flows are some of the major limitations for the development of the basin. Speaking about of the role of Sudan in the matter, the Khasm el-Girba dam remains the major project in the Atbara River basin.

In Ethiopia, institutions carrying out water resource development and management function on federal, basin and regional levels. The legal framework for water resource management in Ethiopia is comprised by policy, strategy, proclamations, regulations, and directives. Yet, at basin level, there exists lack of legal and institutional arrangements for water utilization and management. In this regard, the Tekeze River basin proves to be a source of tension rather than cooperation between the riparian countries, namely Ethiopia, Sudan, and Eritrea. On the other hand, there is a great need for cooperation between Ethiopia and Sudan.

REFERENCES

- [1] Arsano Y. Ethiopia and the Nile: Dilemmas of National and Regional Hydro Politics. *Center for Security Studies, Swiss Federal Institute of Technology, Zurich, Switzerland*. 2007.
- [2] Fentaw F. et al. Climate Change Impact on the Hydrology of Tekeze Basin, Ethiopia: Projection of Rainfall-Runoff for Future Water Resources Planning. *Water Conservation Science and Engineering*. 2018; 3 (4): 267—278.
- [3] Seyoum S. Hydropower of Ethiopia: Status, Potential, and Prospects. *Mediaethiopia*. 10.01.2009. Available from: www.mediaethiopia.com/hydropowerofethiopia.htm&ei. Accessed: 23.03.2017.
- [4] Verhoeven H. Black Gold for Blue Gold? Sudan's Oil, Ethiopia's Water and Regional Integration Sudanese. *Chatham House Briefing Paper*. 2011.
- [5] Dawit H. *Ethiopian Energy Systems: Potentials, Opportunities and Sustainable Utilization*. MSc. Thesis: Uppsala University; Sweden; 2010.
- [6] *Tekeze River Basin Integrated Development Master Plan Study. Main Report*. Addis Ababa; 1998; Vol. I.
- [7] Cascao A. Nile Water Governance. *The Nile River Basin—Water: Agriculture, Governance and Livelihoods*. 2012; 229—252.
- [8] Cascão A. Ethiopia — Challenges to Egyptian Hegemony in the Nile Basin. *Water Policy*. 2008; 10 (2): 13—28.
- [9] Betrie G. et al. Sediment Management Modeling in the Blue Nile Basin Using SWAT Model. *Hydrology and Earth System Sciences*. 2011; 15 (3): 807—818.
- [10] Verhoeven H. The Politics of African Energy Development: Ethiopia's Hydro-agricultural State-building Strategy and Clashing Paradigms of Water Security. *Philosophical Transactions of the Royal Society A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences*. 2013; 371 (2002): 20120411.
- [11] Hathaway T. What Cost Ethiopia's Dam Boom? A look Inside the Expansion of Ethiopia's Energy Sector'. *International Rivers*. February 2008. 26 p.
- [12] Gebrehiwot Z. 'Eastern African Power Pool: The EAPP Master Plan and Renewable Energy Options'. Paper presented at *Executive workshop strategy to map out priorities for IRENA's Africa Clean Energy Corridor Initiatives*. Abu Dhabi, UAE; 22—23 June 2013.

- [13] Ethiopian Water Resources Management Policy. *Ministry of Water and Energy*. Ethiopia: Addis Ababa; 1999.
- [14] Trans-boundary Waters: Sharing Benefits and Responsibilities. *United Nations Thematic Paper*. 2008.
- [15] World Water Assessment Program: National Water Development Report for Ethiopia. *UNESCO*. 2004.

Article history:

The article was submitted on 15.01.2019.

The article was accepted on 17.06.2019.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-439-449

Научная статья

Системы управления водными ресурсами в бассейне реки Текезе: политические аспекты

Г.А. Кумие

Университет Бахр-Дар
Бахр Дар, Эфиопия

Аннотация. Тот факт, что основные ресурсы пресной воды в Эфиопии распределяются между несколькими суверенными государствами, создает сложную ситуацию для управления водными ресурсами. Большинство рек Эфиопии являются трансграничными, то есть разделяются несколькими суверенными государствами. Поскольку в настоящий момент в регионе нет центрального органа, который мог бы регулировать использование воды, автономные прибрежные субъекты преследуют свои интересы. Водоснабжение распределяется на местном, национальном и международном уровнях; и трудности в управлении водоснабжением возникают из-за отсутствия координации между местными, национальными и международными органами принятия решений. Целью настоящей статьи является анализ систем управления водными ресурсами в бассейне реки Текезе. Автор использует качественный метод исследования для анализа источниковой базы и правовой базы государственной политики в сфере управления водными ресурсами. Результаты исследования показали отсутствие каких-либо двусторонних соглашений между прибрежными государствами бассейна реки Текезе. Автор приходит к выводу о том, что, поскольку система управления водными ресурсами в регионе сильно политизирована, наблюдается определенное столкновение интересов между странами бассейна реки Текезе. Постоянный конфликт в регионе подрывает сотрудничество, необходимое для развития и обслуживания инфраструктуры в бассейне реки Текезе. Отмечается, что политические проблемы в районе возникают из-за следующих основных факторов: отсутствие разграниченных границ между государствами бассейна; отсутствие эффективной системы управления водными ресурсами и, как следствие, отсутствие механизмов эффективного и совместного использования запасов пресной воды; отсутствие институциональных и правовых механизмов взаимодействия и сотрудничества в данной сфере между основными прибрежными государствами.

Ключевые слова: управление водными ресурсами, река Текезе, прибрежные государства, конфликт и сотрудничество

История статьи:

Статья поступила в редакцию 15.01.2019.

Статья принята к публикации 17.06.2019.

Информация об авторе:

Kumie Getahun Antigegn — преподаватель и исследователь департамента политологии и международных исследований университета Бахр Дар (Эфиопия) (ORCID ID: 0000-0002-8871-0757) (e-mail: getkumie@gmail.com).

Information about the author:

Getahun Kumie Antigegn — Lecturer and Researcher of the Department of Political Science and International Studies, Bahir Dar University (Ethiopia) (ORCID ID: 0000-0002-8871-0757) (e-mail: getkumie@gmail.com).

Для цитирования:

Kumie G.A. Water Governance and Water Management Systems in the Tekeze River Basin // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 3. С. 439—449. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-439-449.

For citation:

Kumie G.A. Water Governance and Water Management Systems in the Tekeze River Basin. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21 (3): 439—449. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-439-449.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-450-459

Research article

Geopolitical Situation in Northeast Asia: Development of Sino-Russian Relations

M. Zreik

Central China Normal University
No.152, Luoyu Road, 430079, Wuhan, Hubei, People's Republic of China

Abstract. The purpose of this paper is to explore the nature and characteristics of Sino-Russian relations since 1640 where diplomatic and commercial relations were established in the far east of Siberia. A historic background will be given, in order to highlight the real reasons behind this good relation that is turning into an alliance. The paper will shed the light on important events and dates that occurred in this relation, such as the year 1858, which had disputes on the border. The author shows that the relations between China and Russia have been faced with twists and turns since its beginnings because of geographical, cultural, historical and political interdependence. This paper analyses the relationship between Russia and China in the light of international political changes as the world enters a new stage of international order, especially after the decline of US influence and China's announcement of its One Belt One Road initiative (OBOR) and its political, cultural and economic openness to the world.

Keywords: Northeast Asia, China, Russia, New World Order, Communism, Belt and Road Initiative

Introduction

Historical experience shows that neighboring countries that share common borders in most cases do not have friendly relations, especially if they are militarily strong and aspire to become regional or international powers. The hostility between Pakistan and India arose from a territorial dispute over the Kashmir region and resulted in an armed conflict at their border. The Arab-Israeli conflict is another example. The Arabs demand that Israel should withdraw its military forces, while Israel is trying to convince the international community that the danger is coming from the Arabs and that they pose a threat to its national security. Yet another example is a number of international conflicts related to the status of Kurdistan. The Kurds are an ethnic minority that has been in conflict with a number of regional powers, Iran and Turkey being the major ones.

International relations have never been steady, and this is very unlikely to change in the future. Sometimes seemingly good relations, based on cooperation and partnership, hide intentions of less benevolent character. Logically, every state pursues its own interests and interests of its people. The concerns of other countries, even those with shared borders, will not be a priority on its agenda. Different governments pursue

© Zreik M., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

different goals, and unless there is a common interest (of economics, security or of a different nature), mutually beneficial relations will not be established.

The relationships between China and Russia date back to 1640, when diplomatic and commercial relations were established in the far east of Siberia [1. P. 182, 183]. Since then, Sino-Russian relations have experienced a number of twists and turns. At times, the alliance was strong, at other times, there were rather palpable tensions between the two nations. At a certain point, the frictions reached their peak and resulted in a military conflict. At the time, China allied with the United States for fear of their strong Soviet neighbor [2. P. 12]. However, after certain critical global developments, such as the fall of the Soviet Union, China's economic rise, and the United States turning into a leading superpower, Beijing set a course for establishing a closer rapport with Moscow. These days, the Sino-Russian convergence keeps growing, and the two countries have formed a strategic alliance, particularly after China launched its One Belt One Road initiative.

This paper will examine the essence and evolution of Sino-Russian relations through the analysis of documents, scientific evidence and official statistics. Ultimately, the article attempts to find an answer to the question “Why did the relationship between Russia and China become a strategic alliance after the collapse of the Soviet Union?”

In order to answer this question, the author conducts a qualitative case study, followed by a comparative analysis of the relationship between China and Russia before and after the collapse of the Soviet Union. To determine the reasons for this shift in the two countries' liaisons, the article focuses on the current stage of the Sino-Russian bilateral relationship. In his query, the author refers to various historical documents, government sources and other materials, such as interviews, books and opinion articles.

1. Historical Background

Sino-Russian relations date back to 1640 [1. P. 182, 183], when diplomatic and trade relations were established in the far east of Siberia. However, the relations were not ideal because of border disputes. In 1858, Russia included the Amur River (which delineates the border between Russia and China) and Vladivostok in its geographical region [3. P. 12] after which the tensions between the two countries have been constant. The Communist regime in Russia, same as in China, was based on unified principles of social justice and elimination of classes. The Soviet Union's role in supporting the Asian peoples in establishing the Communist system is undisputable. China, in particular, received a lot of development aid from the USSR. In the early 1960s, when the Soviet aid to China was cut off as per Khrushchev's decision [4. P. 10], the country sunk into a state of economic decline, unemployment and poverty. After the triumph of the Chinese revolution, Russia offered China its patronage, however, things between the two countries went sour due to certain ideological tensions and border clashes, which, eventually, amounted to a threat of a war. On June 30, 1960, the Soviet Union and China announced an ideological rupture between them [5. P. 769]. The Soviet experts were suddenly withdrawn from China, and, concurrently, the first border dispute broke out.

Many Chinese political analysts believe that China's communist principles that have been observed and maintained ever since Lenin's departure is the correct one.

The Soviet-Chinese ideological divergence along with border disputes were inevitably leading to the two states' political break-up that would have ramped up the collapse of the Soviet Union and made China a fragile and fragmented state at the time. The shape of the world and international order today would not be the same "if the Russian bear had not joined together with the Chinese dragon". But the Russians quickly acknowledged the fact that abandoning China was a historic mistake. After the collapse of Soviet Union, China proved to be a true economic and political partner to the exhausted Russia. At the beginning of the 1990s, Russia was economically devastated. Timely, Beijing increased its economic cooperation with Moscow, recognizing an opportunity for economic growth and also started a military partnership with Russia. In its turn, Russia agreed to this partnership because of the necessity to re-build its wrecked economy, seeing China as a long-term future partner. Reciprocating the aid it received from the Soviet Union in the past, China pledged its support to Russia, which heralded a new period in the history of the Sino-Russian relations, that of economic, military and diplomatic cooperation, neighborly relations and mutually beneficial alliance to counter the western policies.

2. The International Status of Russia and China within the Framework of the US-led System

The rising "Chinese dragon" and the "Russian bear" have a long and controversial relationship history. Nowadays, Sino-Russian relations are close and cordial but based primarily on economic and security interests. To a large extent, the current Sino-Russian good rapport is the result of their opposition to U.S. pressure. The Russian Federation, which superseded the Soviet Union, is one of the most influential military powers in the world with U.N. veto authority. China, along with the U.S., is the most powerful economy on the globe, at the same time it has a strong army and is endowed with U.N. veto power. Despite the collapse of the Soviet Union, Russia remains the indisputable leader of the Eastern camp, as became obvious during the Syrian crisis, when the Russian leadership made a decision to support the Syrian regime militarily and politically. On September 30, 2015, in response to the Syrian President Bashar al-Assad's request for military support from Moscow to stop the rebellious terrorist groups, Russia directly intervened in the Syrian war [6]. The Russian Federation Council approved President Vladimir Putin's authorization to use national armed forces outside the country and the Russian air force launched air strikes on the Syrian territory.

The United States remains the most powerful country in the world, leading the Western camp and directly or indirectly influencing other nations' political, military, and economic decisions. Today, the United States has 750 military bases in 130 countries, and they are located in the most strategically important areas [7]. Currently the United States is working on expanding its influence in one of the most coveted geopolitical regions of today, the South China Sea [8]. The United States is also a member of the North Atlantic Treaty Organization (NATO), the "military arm" of the Western countries; and when the American government plans its military campaigns, it counts on the support of its Western allies.

The military conflict in Ukraine clearly demonstrates the underlying motives in American foreign policy, directed against Russia's international image and political standing. In 2014, Russia began military operations in the Ukrainian territory. After

protests in Kiev and the removal of Ukrainian President Viktor Yanukovich, Russian troops took control of vital strategic sites in Ukraine's Crimean region, before formally annexing the peninsula after Crimeans voted to join the Russian Federation in a local referendum [9]. Pro-Russian demonstrations were then organized by separatist groups in Donbas [10], leading to an armed conflict between the Ukrainian government and the Russian-backed separatist forces. Former US national security adviser Zbigniew Brzezinski said: "If Ukraine falls from the hands of Russia, Russia must forget that it is a superpower" [11].

Russia is one of the major players on the international stage and carries a lot of weight in the distribution of the global power. The international campaign in Ukraine has resulted in the re-annexation of the Crimea to the Russian Federation [12]. As for Washington's hidden motives in its relations with China, the United States has always sought to reopen the sensitive issues, such as Taiwan, Hong Kong and the South China Sea, and the latest move by the administration of US President Donald Trump was starting a trade war against China.

Being one of the major global economies with a strategically influential geographical position, the United States carries a great authority in the world's economy, politics, military affairs and technology. Today China's economic influence has ratcheted up, making it the second largest economy on the globe [13]. At the same time, Beijing is constantly trying to strengthen its military potential. China's growing international success has substantial strategic implications for U.S. interests and presents a risk for America's international standing. China's economic influence makes Beijing's political decisions crucial for a lot of countries in Asia, Africa, Europe and Latin America. The PRC is also the largest creditor of the United States (which is currently experiencing an unprecedented budget deficit) with an estimated \$1.3 trillion in the form of treasury bonds [14].

According to some economic analysts, America's heavy indebtedness is the main source of Chinese economic influence on the United States. The United States, in its turn, has been trying to manipulate China by turning the global attention towards certain human rights issues in some of the Chinese provinces, such as persecution of Buddhists in the Tibet Province, and the detention of Uighur Muslims in the Xinjiang Province. One of the examples of the human rights abuse by China is heavy restrictions imposed on the use of the internet by Chinese people.

The United States will support its ally Japan in the Sino-Japanese territorial conflict regarding the Senkaku Islands (called so by the Japanese), or the Diaoyudao Islands (called so by the Chinese) [15. P. 10—13]. In regards to the Taiwan question, PRC asserts that there is only "one China", and that Taiwan is an inalienable part of it, which the United States seems to disagree with. The United States made Taiwan its "Cold War" ally by providing military training and supplying weapons to the Taiwanese army. In regards to the dispute over the South China Sea, the situation is similar: China claims the sea is part of its territory, and the United States begs to differ. The South China Sea is considered to be one of the world's largest seas, with strategically important maritime routes. More than a third of the global shipping traffic goes through its waters, with the commercial value of these shipments being more than five trillion dollars [16]. It is also believed to have large reserves of gas and oil [17].

3. Sino-Russian Relations after the Collapse of the Soviet Union

Modern diplomatic relations between China and the Soviet Union were established in 1949, when with the Soviet support of the People's Republic of China was established. The Soviets were the first to recognize the PRC as an independent state. Further on, with ideological tensions, the relations started worsening, resulting in seven-months-long military clashes between the Soviet Union and China in 1969. China's growing ambitions threatening the Soviet superpower eventually turned allies into adversaries [18] and resulted in China's teaming up with the United States. The hostile relations lasted until 1991, when the border agreement was signed, and the Sino-Russian rapprochement began. Today China and Russia have an excellent relationship within the framework of the Shanghai Cooperation Organization and share the same strategic vision.

In the field of military cooperation, the two countries have carried out a number of joint anti-terrorist army drills and numerous coordinated anti-drug trafficking activities. The year 2006 was proclaimed the "Year of Russia" in China, and, in kind, the year 2007 was declared to be the "Year of China" in Russia. Approximately 550 educational, sports and social activities were hosted in the two countries on these occasions. In 2006—2007, Beijing and Moscow started an active cooperation in trade, finance and energy. Numerous Chinese-Russian seminars were held for representatives of the business sector. The two nations' commodity exchange in 2008 increased by 38.7 percent (to \$55.9 billion), as compared to 2007. In the same year, Russian exports to China increased by 33 percent, Russian imports from China increased by 42.3 percent, and Russia's negative trade with China reached \$13.5 billion. The ties between 70 Russian and 26 Chinese provinces and territories are developing effectively, and both countries are expecting to raise the trade volume to \$200 billion by 2024 [19].

China and Russia have been conducting joint military exercises since 2005 in the framework of the Shanghai Cooperation Organization, which also covers Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan. The organization calls for strengthening of regional cooperation and is aimed at countering US influence. On April 22, 2012, the first joint naval military exercises between Russia and China were launched near the Chinese coast. China deployed two submarines, 16 ships and more than 4,000 troops, while Russian forces sent seven ships including destroyers, cruisers and missiles [20]. The treaty of "Good Neighborliness and Friendly Cooperation" signed between China and Russia on July 16, 2001 is the basis for the development of bilateral relations between the two countries².

The shared Communist ideology was not a deterrent to the Soviet-Chinese dispute, because China felt that the Soviet Union had begun to pose a threat to its national security and strategic interests, and, therefore, allied itself with the enemy (the United States) to weaken the Soviet neighbor. The liberal and democratic United States welcomed the new Communist friend (China) because it needed a foothold near the Soviet Union. Thus, China secured its borders from the Soviet threat and the United States had an indirect control of the Soviets through the neighboring China.

---

² The Treaty of Good-Neighborliness and Friendly Cooperation between the People's Republic of China and the Russian Federation (FCT) is a twenty-year strategic treaty that was signed by the leaders of the two international powers, Jiang Zemin and Vladimir Putin on July 16, 2001.

4. Strong Chinese State in Russian Eyes

Today, China is turning into a great power, mainly owing to the “open door” policy pursued by Chinese leader Deng Xiaoping [21] and the existing unique socialist system, with peculiar Chinese characteristics, which make it different from the classic socialist and liberal systems. Beijing today allocates a large proportion of its budget to armament. At the same time, China's per capita income has surpassed Russia's per capita income and currently China is working on its economic expansion, launching different projects, such as One Belt One Road Initiative. To sum up, after the collapse of the Soviet Union, China has been on a constant rise, while the Russian economy remains weak in comparison, however, the Russian military arsenal is still excellent.

China and Russia are two great powers that are endowed with the power of veto and possess a huge geopolitical, military and human potential. Strategically, Russia is the military wing of the Eastern Alliance, while China is its economic wing; although China has one of the most powerful armies in the world and is constantly developing its military strength in parallel with its impressive economic growth. Russia accepted China's non-military expansion to Central Asia (the region is in dire need of economic and development projects) reluctantly [22]. In some central Asian countries, the Chinese Yuan replaced the Russian ruble as the primary currency [23].

The One Belt One Road initiative, launched by Chinese President Xi Jinping in 2013, aims to make China an “economic pump” and an international trading center by means of building extensive sea and land networks that would link China to the rest of the world. However, the implementation of this initiative would not have been possible without Russian approval of Chinese expansion [24], including access to roads in the Central Asian region and the new Eurasian bridge. In other words, but for the Russian recognition of China as a strong neighbor and the necessity of an alliance to counterbalance its historic enemy, the USA, China would not have become a superpower. Among China's motives for convergence with Russia were the shared geographical borders and the need to have a strong and long-term ally, especially in the light of the recent trade war launched by US President Donald Trump and the systematic US campaigns against China with regard to the Uighurs and the South China Sea region. The Sino-Russian alliance is an imperative for China's economic renaissance. Numerous Russian and Chinese companies have signed bilateral contacts related to the development of trade and economic cooperation, while the number of two-sided investments has also increased.

In this context, according to a statement issued by the Russian Direct Investment Fund, 73 projects with a total value of more than \$100 billion are being studied on the sidelines of the “Russian Economic Forum” [25]. A joint China-Russian trade advisory committee is working on surveying various projects in the fields of industrial production, infrastructure, metal processing, agriculture, etc. Meanwhile, seven projects with a total value of \$4.6 billion have already been implemented as a result of Russia—China cooperation. “With steady economic growth in Russia and China, there are plenty of lucrative investment opportunities in the domestic markets, but we believe that the promising deals will emerge from bilateral relations”, said Kirill Dmitriev, president of the Russian Fund [26].

China has replaced the EU as Russia's largest trade partner in the last two years, acquiring 15 percent of Russia's overall foreign trade. The volume of trade between the two countries rose by 31.5 percent in 2017 compared to 2016, reaching an unprecedented \$87.4 billion, of which \$39 billion were Russia's exports and to China, while the imports' worth amounted to \$48.4 billion. Both sides expect trade volume to exceed the 100 billion mark by the end of this year, according to an ambitious plan to push for 150 percent exchange over the next ten years. Russian President Vladimir Putin expressed his satisfaction with the fact that the volume of the bilateral trade between the two countries is rising by 30 percent annually [27].

Recently, the cooperation has expanded to new areas, which previously were not on the agenda, such as the communications and internet sectors. China's largest internet group *Alibaba* has tied up a deal with a group of Russian technology companies with a view to establish an e-commerce giant operating on the territory of Russia and the Commonwealth of Independent States [28]. The agreement was signed between *Alibaba*, *Megaphone*, *Mail.Ru* and the *Russian Direct Investment Fund* in the framework of the East Economic Forum in Vladivostok [29]. The deal, the first of its kind in Russia's retail sector, is supposed to be completed in the first quarter of the next year. This is an indication that Moscow has already begun to implement a policy of switching its partners in the field of digital technology and communications, with China replacing Western companies that withdrew from the Russian market or froze their activities due to the sanctions imposed on Moscow.

Chinese President Xi Jinping stressed the necessity to build strong relations between China and Russia and increase joint cooperation in the areas of energy and innovation. According to the Chinese leader, the link between One Belt One Road initiative and the Eurasian Economic Union should be further strengthened, while the comprehensive partnership between the two states should be reinforced and coordinated. The idea proposed by Chinese Foreign Minister Wang Yi to build a Sino-Mongolian-Russian economic corridor [30] across the entire Eurasian continent is a proof of China's intention to strengthen its political and economic influence with Russian support and coverage.

5. New World Order from the Chinese-Russian Perspective

The mutually beneficial Sino-Russia alliance, which emerged during the Syrian crisis, has resulted in the establishment of the BRICS and, more recently, Russia's active accession to One Belt One Road initiative. Russian President Vladimir Putin declared that Russia supports Chinese ambitions and hopes to find a model of cooperation to launch Russia—China joint projects on the Trans-Siberian Highway and the Baikal-Amur road.

Russia and China are seeking ways to exclude foreign currencies, such as the dollar, from their cooperation, which would be “the starting step to reduce the dollar's dominance of the world” [31]. “The Russian and Chinese sides have stressed their interest in promoting the use of national currencies in trade accounts, which will ensure the stability of banking services for export and import operations, in view of the growing risks in global markets”, said the Russian president.

Experts on both sides believe that major difficulties are still ahead, but the mutual Russian-Chinese effort in the direction of strong multi-dimensional partnership reflects a serious trend in the global arena. However, although such a course of events was inevitable, it is certainly not going to be rapid. It is likely that China and Russia will rely mainly on their allies in the SCO and other regional groups [32], as well as countries that are also suffering from the effects of US sanctions.

While Moscow is a lever and an invaluable resource for the Chinese One Belt One Road initiative, Russia equally benefits from its partnership with China. China today is a strategic partner of Russia, strengthening its northern front and allowing it to address the United States and the rest of world from a solid and strong position.

Conclusion

Throughout history, Sino-Russian relations have gone through many ups and downs. Although the two countries shared the Communist ideals and governance model, at times, their national, geographic and security interests pushed the nations to act against each other. With the change of international order, the fall of the Soviet Union and the United States establishing a dominant rule in international politics, China reconsidered its relations with the Russian neighbor in favor of a strong economic and geopolitical alliance, especially in view of its rapid economic growth and the One Belt One Road initiative.

References

- [1] Young E. *The Presidency of Yuan Shih-K'ai*. University of Michigan Press; 1977: 182—183.
- [2] Alles E., Cherif-Chebbi L., Halfon C.H. Chinese Islam: Unity and Fragmentation. *Religion, State & Society*. 2003; Vol. 31 (1): 7—35. DOI: 10.1080/0963749032000045837.
- [3] Nyíri P., Breidenbach J. ed. *China Inside Out: Contemporary Chinese Nationalism and Transnationalism*. Central European University Press; 2005. 369 p.
- [4] Current Intelligence Staff Study, the New Stage of the Sino-Soviet Dispute (October 1961 — January 1962) (Reference Title: ESAU XVII-62). 26 February 1962 OCI No. 0361/62 Copy No. 133. Approved for Release Date: May 2007. 91 p. *Central Intelligence Agency library (CIA)*. Available from: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/esau-16.pdf>. Accessed: 01.10.2018.
- [5] Lenman B.P., Anderson T. *Chambers Dictionary of World History*. Editors, Chambers: Edinburgh; 2000. 950 p.
- [6] McDonnell P.J., Hennigan W.J., Bulos N. *Russia Launches Airstrikes in Syria amid U.S. Concern about Targets*. Los Angeles Times. 30.09.2015.
- [7] *Army Base Guide List, United States*. Available from: <https://www.military.com/base-guide/browse-by-service/army>. Accessed: 01.10.2018.
- [8] Crawford J., Scitutto J., Schwarz T. U.S. Protests after Chinese Military Jet Lands on South China Sea Island. *CNN — CNNPolitics.com*. 19.04.2016. Available from: <https://edition.cnn.com/2016/04/18/politics/chinese-military-jet-lands-on-island>. Accessed: 01.10.2018.
- [9] Morello C., Constable P., Faiola A. Crimeans Vote in Referendum on whether to Break away from Ukraine, Join Russia. *The Washington Post*. 14.03.2014.
- [10] In Eastern Ukraine, a One-Building, Pro-Russia Realm Persists Despite Criticism. *The New York Times*. 09.04.2014.
- [11] Interview with Zbigniew Brzezinski on Russia and Ukraine. *Spiegel online*. 02.06.2017. Available from: <https://www.spiegel.de/international/world/interview-with-zbigniew-brzezinski-on-russia-and-ukraine-a-1041795.html>. Accessed: 01.10.2018.

- [12] Putin Signs Laws on Reunification of Republic of Crimea and Sevastopol with Russia. *ITAR TASS*. 21.03.2014.
- [13] IMF report for China. *International Monetary Fund*. October 2018.
- [14] World Economic Outlook. *International Monetary Fund*. 2018.
- [15] Seokwoo L. Territorial Disputes Among Japan, China and Taiwan Concerning the Senkaku Islands. *Boundary and Territory Briefing*. 2002; Vol. 3; 7: 10—13.
- [16] How much Trade Transits the South China Sea? *China Power*. 04.08.2017.
- [17] McDowell R. A Look at the Top Issues at Asian Security Meeting. *Associated Press*. 21.07.2011.
- [18] Savic B. Behind China and Russia's 'Special Relationship'. *The Diplomat*. 07.12. 2016.
- [19] Russian Government Plans to Boost Bilateral Trade with China to \$200Bln by 2024. *Sputnik*. 27.09.2018.
- [20] Wu D. China and Russia Sign Military Cooperation Roadmap. *The Diplomat*. 30.06.2017.
- [21] Sung Y. The Open-door Policy. *The China-Hong Kong Connection: The Key to China's Open Door Policy (Trade and Development)*. Cambridge: Cambridge University Press; 1991: 5—14. DOI: 10.1017/CBO9780511552298.003.
- [22] Sino-Russian Alignment in Reality: The Case of Central Asia. *Global Risk Insights*. 06.03.2019.
- [23] Gleason G. Currency Wars along the Silk Road. *The Diplomat*. 27.07.2017.
- [24] Russia Agrees to Significant Silk Road Projects with China. *Russia Briefing*. 19.07.2017.
- [25] Rosenfeld E. Russia and China Are Looking at Launching Joint Projects Worth more than \$100 Billion. *CNBC World Economy*. 11.09.2018.
- [26] Chinese-Russian Joint Investments Beneficial: Russian Fund. Interview with Kirill D. *Xinhua*. 02.05.2018.
- [27] China Becomes Russia's Top Trade Partner. *Xinhua*. 26.09.2018.
- [28] Alibaba Ties with Russian Partners for an E-commerce Platform. *CNBC*. 11.09.2018.
- [29] Alibaba, Russian Tech Firm Mail.ru Agree Joint E-commerce Venture. *France24*. 11.09.2018.
- [30] Wang Yi. Introduces the Consensuses Reached at China—Mongolia Foreign Ministers' Meeting. *Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China*. 24.08.2018.
- [31] Demyanchuk A. Russia & China Preparing to Ditch Dollar for National Currencies in Trade. *RT*. 18.10.2018.
- [32] Guangcheng X. Sino-Russian Ties Backbone of SCO. *China Daily*. 06.06.2018.

Article history:

The article was submitted on 18.12.2018.

The article was accepted on 15.06.2019.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-450-459

Научная статья

Геополитическая ситуация в Северо-Восточной Азии: развитие китайско-российских отношений

М. Зрейк

Классический университет Центрального Китая
№ 152, Лююю Роад, 430079, Ухань, Хубэй, КНР

Аннотация. Целью данной статьи является исследование процессов и особенностей китайско-российских отношений начиная с 1640 г. — даты, когда были установлены дипломатические и торговые отношения между странами. Автор проводит историко-ретроспективный анализ для того, чтобы выявить причины, стоящие за современными стратегическими отношениями двух стран,

которые имеют потенциал превратиться в геополитический и геоэкономический союз. В статье рассматриваются отдельные важные исторические события, характеризовавшие исторические отношения двух стран, например, пограничный спор 1858 г. Автор показывает, что отношения между Китаем и Россией с самого начала взаимодействия двух стран развивались в силу географической, культурной, исторической и политической взаимозависимости. В статье анализируются отношения России и Китая в свете международных политических трансформаций, актуализирующихся по мере того, как мир вступает в новый этап формирующегося международного порядка. По мнению автора, трансформации мирового порядка особенно ускоряются в результате снижения международного влияния США и реализации Китаем инициативы «Один пояс — один путь» (OBOR) в рамках его политики политической, культурной и экономической открытости.

Ключевые слова: Северо-Восточная Азия, Китай, Россия, Новый Мировой Порядок, коммунизм, инициатива «Один пояс — один путь»

История статьи:

Статья поступила в редакцию 18.12.2018.

Статья принята к публикации 15.06.2019.

Информация об авторе:

Мохамад Зрейк — аспирант школы политики и международных отношений Классического университета Центрального Китая (КНР) (ORCID ID: 0000-0002-6812-6529) (e-mail: mohamadzreik@hotmail.com).

Information about the author:

Mohamad Zreik — PhD Student, School of Politics and International Studies (SPIS), Central China Normal University (People's Republic of China) (ORCID ID: 0000-0002-6812-6529) (e-mail: mohamadzreik@hotmail.com).

Для цитирования:

Zreik M. Geopolitical Situation in Northeast Asia: Development of Sino-Russian Relations // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 3. С. 450—459. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-450-459.

For citation:

Zreik M. Geopolitical Situation in Northeast Asia: Development of Sino-Russian Relations. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21 (3): 450—459. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-450-459.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-460-469

Научная статья

Militia Participation in Counterinsurgency: The Impetus of Civilian Joint Task Participation in Combating Boko Haram in Nigeria

M.L. Gana

Mai Idriss Aloom Polytechnic Geidam
1023 Gashua Road Geidam, Yobe State, Nigeria

Abstract. Since 2013, the north of Nigeria has witnessed an increased involvement of the militia group ‘Civilian Joint Task Force’ (CJTF) in combating the Islamist insurgent group Boko Haram. The mobilization of the Civilian Joint Task Force brought a tremendous success to the counterinsurgency operation. Before the CJTF’s engagement, the antiterrorism efforts of the government were marred by negligent performance. In addition to helping decrease the attack frequencies and number of fatalities caused by the insurgent group, the militia succeeded in expelling Boko Haram fighters from the towns and villages they had previously occupied. However, the unprecedented participation of the Civilian Joint Task Force in the counterinsurgency campaign has raised certain suspicions of the public in regards to the CJTF’s ulterior motives. This paper, therefore, explores the motives that triggered people’s participation in the Civilian Joint Task Force with the aim to combat the Boko Haram insurgent group. The current paper is a qualitative research, designed as a case study. The empirical data were collected by means of an in-depth interview involving 13 respondents, among who were the members of the CJTF, community leaders and government officials in Yobe State, Nigeria. The findings show that people’s participation in the CJTF is voluntary, with the main motivation being the necessity to defend the community due to the state’s failure to provide adequate protection. The article points out an urgent need to demobilize and deradicalize the participants in order to prevent the CJTF from further jeopardizing local communities’ peace and stability.

Keywords: Civilian Joint Task Force, counterinsurgency, Boko Haram, security

Introduction

Since 2013, Nigeria’s counterinsurgency campaign against the Islamist Insurgent group Boko Haram has witnessed an unprecedented support from civil militia, colloquially known as the ‘Civilian Joint Task Force’ (CJTF). Dubbed after the conventional ‘State Special Joint Task Force’ and the ‘Multinational Joint Task Force’, the CJTF was established by the member states of the Lake Chad Basin Commission. Surprisingly, despite the abysmal performance of the state counterinsurgency response, the participation of the Civilian Joint Task Force proved to be a substantial contribution to the combating activities. The militia’s participation was crucial in eliminating the insurgent group and reconquering several towns and villages occupied by Boko Haram, including Maiduguri, the spiritual home of the insurgents [1; 2]. Moreover, CJTF was also contri-

© Gana M.L., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

butory in terminating hundreds of Boko Haram fighters, as well as rescuing thousands of people held in captivity by the insurgent group. In March 2014, for instance, the CJTF members freed nearly 5,000 people in the town of Mafa, located in the rebellious Borno State, about 30 km from the capital city of Maiduguri [2]. Besides protecting the civilian population, CJTF was instrumental in abating attacks launched on Nigeria's security operatives. In this respect, it is noteworthy to mention the courageous role of the group in repelling an attack on the notorious Giwa barrack in Maiduguri. Boko Haram had nearly overrun the military formation forcing the troops to withdraw from the battle-front; however, the rapid mobilization of CJTF rendered a huge blow to Boko Haram, capturing several arms, including an armored personnel carrier. Commemorating the success of CJTF, Nigeria's former President Good Luck Jonathan referred to the CJTF members as to Nigeria's new national heroes.

Subsequently, continued resistance of the group, as well as enrollment of new members in spite of the costly risk, has raised public concern, and the group was accused of having "different motivations". For instance, by some accounts, nearly 600 members of the CJTF were brutally murdered by Boko Haram fighters [2]. However, the increasing fatalities have not deterred the 'vigilantes' from further participation in the military activities, which raised certain doubts about the group's true intentions. Nevertheless, until recently, the militants' underlying motives have not been a topic of scientific research. The given study, therefore, deems it important to address the issue. The article is made up of five sections. Section one describes the methodology of the study, section two presents an overview of the Boko Haram insurgency, section three explores the origin of the CJTF, section four explains the group's ulterior motivation. Finally, section five sums up the results of the study into a conclusion and gives recommendations.

Methodology

The current work is a qualitative research, designed as a case study. The empirical data were collected by means of an in-depth interview involving 13 respondents, among who were the members of the CJTF and community leaders in Yobe State, Nigeria. The presence of militia and inaccessibility of the other state due to the terrifying insurgency situation impeded empirical data collection. The interview data were backed up by field observation. The research covers the period between February and April 2018. The selection of the participants is based upon knowledge of the subject, familiarity with CJTF practices and personal experiences, as well as on the willingness of a respondent to participate. On average, each interview lasted for approximately 50 minutes, with slight variations depending on the availability of the informant. In compliance with ethical principles, each interviewee was at liberty to choose the time and place of the interview. Moreover, to ensure the voluntariness of participation, the examiner offered each informant to sign a consent form. The researcher also guaranteed confidentiality of the information to the participants as well as a right to withdraw it at any stage of the research process. To ensure the anonymity of the informants, three assumed names (A, B, and C) were used to represent different categories of the informants. The credibility of the study is secured through extensive triangulation of the data, consultations with experts and peer reviews.

Boko Haram Insurgency in Nigeria

Boko Haram is a Muslim group following the Sunni denomination of Islam (particularly, its Salafi-Wahhabi variation) in northern Nigeria. The name Boko Haram literally means 'Western education is a sacrilege'. The official name of the movement is *Jamā'atu Ahli is-Sunnah lid-Da'wati wall-Jihād* or, literally, 'People Committed to the Propagation of Prophet's Teaching and Jihad' [3]. According to certain evidence, the group was founded by Malam Mohammed Yusuf, a radical Salafist scholar, in the metropolitan town of Maiduguri, the capital of Borno state, Nigeria. Mohammed Yusuf was born in 1970 in Yobe state, where the violent teaching of Ibn Tayyamiya, a 13th-century theologian from Syria, is openly indoctrinated. During its early years, the group was designated to become the "Nigerian Taliban". Some followers, however, called themselves 'Yusufiya', after the name of the group's founding leader Mohammed Yusuf. During its earlier years, Boko Haram operated using nonviolent tactics. The groups' strategies were based Mahatma Gandhi's idea of nonbelligerent resistance: withdrawal from society, defiance of authorities, and deliberate violation of current laws of the state. At the time, the activities of the group were concentrated in the city of Maiduguri, however, it operated numerous cells in other cities and towns such as Damaturu, Bauchi, Kano, Kogi, and Potiskum in the north of Nigeria. There were minimal accounts of violent outbreaks in most of these cities until in the year 2009.

The only record of the groups' skirmishes before 2009 was an episode in Kanamma, a border settlement in Yobe state, when some disgruntled members of the insurgent group withdrew to practice conventional lives, recruit members, and train fighters [1]. In Kanamma, to obtain people's acceptance and support, the insurgents offered the local population free access to the farmland and fishing pond that they had purchased in the area. The people-oriented approach of the group won it massive popular support and recognition [4]. However, to solve a dispute over the farmlands and fishing rights with some local authority officers, Boko Haram resorted to violence. The efforts of the police to resolve the situation exacerbated it even further, which resulted in the local police force being overpowered by Boko Haram militants. The insurgents torched several public structures including the police building, local authority offices, and the local monarch's palace [4]. It is a popular belief that the looting of the police armory emboldened the militants and served as an impetus for the beginning of the group's violent campaign.

Although, while Boko Haram's activities ebbed over the years, the insurgent threat came to global notice in July 2009 when the militants embarked on a one-week anti-government and anti-west uprising in the cities of Maiduguri, Bauchi, and Kano. The uprising, the death toll of which, according to some sources, amounted to approximately 1000 victims [5; 6], among whom were Mohammed Yusuf, Baba Fugu and Buji Foi, was included in the top most catastrophic incidents since 1970 [2; 7]. Yusuf died under suspicious circumstances while in police custody [6]. Accused of brutal execution of the sect leader, the Nigerian police authorities, however, denied the charge on multiple occasions. After the death of Boko Haram's founder, Abubakar Shekau,

a former deputy to Yusuf, assumed the leadership of the group. Under Shekau's command, Boko Haram's radicalization increased, the attacks became more brutal and frequent, as the number of fatalities grew. For instance, in addition to the traditional methods of arson, assault, and pillage, Boko Haram adopted some "advanced" terrorist practices, such as employing improvised explosive devices [IEDs]. As the group's attacks were becoming increasingly sophisticated (other new methods included kidnapping and ambush operations), the group's violence expanded into other cities, including Abuja, the capital city of Nigeria. Notable examples of aggression in Abuja include the detonation of a vehicle-borne improvised explosive device [VBEID] targeted at the Police General office, and an attack at the United Nations headquarters in August 2011, which left nearly 30 people dead and over 80 injured [5].

Subsequently, the most brutal of Boko Haram's attacks happened in August 2014, when the militants invaded several towns and villages in northeast Nigeria. On 26 August 2014, Boko Haram infiltrated into the town of Gwoza, shooting sporadically, capturing and slaughtering much of the local population [8; 9]. Abubakar Shekau, in fact, designated the town to be Boko Haram's administrative city. By the end of 2014, the territory seized and controlled by Boko Haram was approximately 20,000-km², covering 67 local government councils [1; 9; 10—12]. Disturbingly, in spite of successive counterinsurgency measures initiated by the government, the number of Boko Haram's victims and the degree of material destruction inflicted by the terrorists kept escalating [13]. It was not until the community group "Civilian Joint Task Force" got involved in combating the terrorist activities of Boko Haram that insurgent fatalities began to subside.

Civilian Joint Task Force: History Overview

Some accounts attribute the origin of CJTF to the courageous work of Baba Lawal Jaafar of Hausari's ward in Maiduguri, the capital city of Borno state [1; 2]. Lawal, according to the sources, accosted an armed Boko Haram fighter, fully strapped with rounds of ammunition, arrested him and delivered to the nearest security formation. The courageous work of Lawal inspired the local population, particularly the youth, which, according to some sources, comprises nearly 70% of the CJTF participants [14]. Civilian members of local communities mobilized to counter the security threat presented by Boko Haram. Within the shortest time period, the CJTF's activities spread to other states and towns affected by the insurgency. At the initial stage, the group's modus operandi was mostly neighborhood watch, namely, patrolling streets in the night and mounting roadblocks at certain strategic locations. With the aid of sticks, cutlasses, bows and arrows, the CJTF members successfully combatted Boko Haram fighters and collaborators.

Eventually, the tremendous success of the CJTF impressed the state authorities, which, although initially critical of its operation, ended up providing legislative support to the self-formed militia. The CJTF was also regimented into sector squads. In Borno state, for example, the movement was classified into groups 'Borno Youths Em-

powerment Scheme' (BOYES) and 'Youth Vanguard'. The Borno State government offered logistic support in the form of 60 patrol trucks to the civilian JTF. In Yobe state, the movement was named 'Peace Group', and in Adamawa state, 'Sarkin Baka' (literally, 'hunters' force'). With the support from the government, the CJTF members have been increasingly successful in quelling the insurgent activities. Despite the importance of CJTF's contribution in battling Boko Haram, the factors that triggered the formation of the group and the reasons that account for the community members' eager participation in its activities have not been sufficiently analyzed. The following subsection looks into possible underlying motives of people's participation in CJTF.

The Motivation of Civilian Joint Task Force Members

According to the empirical data collected, the loss of faith in the institutional power and the ability of the state to protect its people, predetermined the formation of the CJTF group. In fact, despite the compelling evidence that Nigeria's government massively deployed its armed securities numbering over 100,000 [8], the majority of the informants claimed they felt unsafe, unprotected and exposed to the cruel violence of the insurgent group Boko Haram. Therefore, due to the discontent with the performance of state security operatives in combating the insurgents, people united in the Civilian Joint Task Force for self-defense. According to the majority of the respondents, the participation of people in CJTF was primarily instigated by the necessity of the communities to defend themselves against the rampaging violence of the Boko Haram group. The fundamental objective of CJTF, as was pointed out by the informants, was to compensate for the failure of the state authorities to protect the lives and ensure security of the civilian population terrorized by Boko Haram militants.

Our interest is to defend our people. Every day we live in fear, sleep in fear and wake-up in fear. To be precise, we have lost hope in the ability of the state security operatives to ensure our protection. Therefore, we mobilized to defend families, ourselves, and other community people (informant A1).

The statement above also conforms to the fact that CJTF is mainly a community-based group whose activity is generally localized. It is a volunteer force that operates in neighboring living areas and advocates the necessity of a joint effort in fighting the Boko Haram menace. The citizen-driven communal participation is aimed at tackling and preventing insurgent activities and bringing long-lasting solutions to the security challenge in the country. The statement of informant A2 supports this assertion:

We cannot go to the market; our children are not going to school and people stop attending even the congressional prayers because of the unforeseen. Therefore, we realize that if the insurgency situation persists, we all are doomed (informant A2).

The informants' testimony suggests that the primary objective of CJTF is to secure their communities and restore socioeconomic activities of the local population. Thus, the respondents' statements concur with the suggestion that CJTF emerged in response to the state's failure to counter the insurgent threat. Such local vigilante groups often appear when there is a lack of people's trust and confidence in the performance of

the state. According to [2], CJTF is an incredible tool, a community-based security option, a model built on a proactive citizen-driven communal response. The testimony of informant A5 confirms this definition:

“...our job is to combat the insurgent group Boko Haram and defend ourselves and local people from their atrocities. We are all members of the community. We have no motive other than defending our people. We have not recruited any gang members, all of us are law-abiding citizens”.

Thus, the cardinal factor that influences people's desire to join CJTF is the failure of the sovereign state to ensure the protection of the lives and valuable resource of its citizens. The finding is confirmed by Fearon and Laitin [15], who claim that militias participate in security activities when there is a pervasive weakness of the State. Concurrently, Humphrey and Weinstein in their analysis of the factors contributing to the mobilization of civil population shows that nearly 51% of people participate in militias because of the inability of the sovereign state to secure the lives and properties of the people. Stringham & Forney [16] highlight a similar factor in regards to the activities of the White Army Militia in South Sudan. The factors triggering the formation of CJTF are also consistent with those that caused the emergence of the *Kamajor* militia in Sierra Leone in the aftermath of the country's civil war.

More examples of militias that have been formed on the basis of the same rationale as CJTF include: the Bakassi boys in the southeast region, Oduduwa People Congress [OPC] in the southwest, and ECOMOG in the northern region. Although most of these groups have certain ethno-cultural and religious divergences, as well as different tactics, the feature that unites them all is their commitment to defend their communities against violence and insecurity. According to the theory of social science, every sovereign state bears responsibility to protect the security of its citizens and provide safe environment for the lawful pursuit of livelihood. The state has the authority to settle disputes and enforce law and order using armed forces and civil police force. In return, the citizens pledge to abide by the existing laws of the state. However, if the citizens feel discontent, either genuine or presumed, with the way the state carries out its obligations, they assume the functions of the state to protect their communities. They take law into their own hands, neutralizing suspected robbers, guarding markets and engaging in neighborhood watches. In Nigeria, these groups are rampant not only in places where the government fails to provide security, but also in areas where the government is perceived to be untrustworthy. CJTF serves as a perfect example to illustrate this case.

However, whereas the previous studies have shown that the CJTF proved to be very successful in stopping Boko Haram's attacks through their vigilante activities, our research revealed numerous flaws of the group. Firstly, its practices contradict the Weberian principles of state autonomy. According to Marx Weber, a 19th-century German philosopher, the State is the sole and absolute authority possessing the monopoly of controlling violence on its territory. Thus, the participation of the CJTF in the security function of the state infringes this principle. Nigerian state authorities acknowledged this fact: ‘It is illegal, but looking at the situation we found ourselves in, we appreciate

their courage and rejoice at their success' (Informant B3). Other informants, on the contrary, claimed that some of the CJTF participants act as informers and collaborators to Boko Haram. This accusation is partially based on the fact that currently government forces insist on taking part in CJTF's counterinsurgency operations. As was narrated by informant C3 [a community leader], 'there is fear that they are leaking information to Boko Haram. You can see nowadays that the government has banned them from going to operate on their own, without the state military involved.' In this regard, CJTF is becoming a potential obstacle on the way to complete termination of the insurgency. Prevailing evidence suggests that with the massive support of the local population, CJTF is likely to eliminate the vestiges of the sovereign state. Consequently, the overall effect from CJTF's activities only exacerbates the conflict they intended to settle. The findings of the given study, therefore, support [2], who points out that CJTF has challenged the rule of law and the monopoly of the state to control violence in different ways, including violation of citizen's rights and freedom. Apart from studies devoted to CJTF's role in resistance to insurgency, the consequences of militia involvement in security operations have previously been studied in numerous works. One of the studies indicates that militia often exceeds its duties by abusing human rights, extorting civilians, and sabotaging peace deals in order to extend the period of their tenure [17].

Conclusion

The given case study has revealed that Civilian Joint Task Force is a community-based defense group that emerged in response to the inadequate protection provided by the state [18]. According to Schubert [19], such groups are formed to fill the gaps in the poor performance of the state, failing to protect its citizens at the times of full-blown protracted conflicts. The data revealed that the ineffectiveness of the state in initiating necessary counterinsurgency measures to ensure protection from the heinous crimes of Boko Haram appeared to be the main motivation for people's participation in the CJTF group. However, despite the remarkable success of its activities, there is a growing fear that the group is using its power to abuse the civil population. CJTF's continued engagement constitutes a direct threat to the stability of the locals, as they are turning into a security menace to the state and the nation in general. Following from the above, the article suggests the following steps should be taken:

1. There is an urgent need for the demobilization of the group. Moreover, the demobilized participants should be de-radicalized through extensive training and advising preferably managed by an institution of higher education.

2. Since the number of victims attributed to the Boko Haram insurgency is increasing, while the state is failing to provide necessary protection to the civilian population, which in turn causes people to join CJTF, the government should adopt effective security measures targeting the insurgent fighters.

3. It is also essential to introduce administrative measures to assist the local population with their difficulties, thus eroding the support base among the population toward the insurgents.

REFERENCES

- [1] Agbiboa D. Resistance to Boko Haram: Civilian Joint Task Forces in North-Eastern Nigeria *Conflict Studies Quarterly*. *Conflict Studies Quarterly*. 2015: 3—22.
- [2] Bamidele O. Civilian Joint Task Force' (CJTF) — A Community Security Option: A Comprehensive and Proactive Strategy to Counter-Terrorism. *Journal for Deradicalization*. 2016; Vol. 7: 124—144.
- [3] Salaam A.O. Boko Haram: Beyond Religious Fanaticism. *Journal of Policing, Intelligence and Counter Terrorism*. 2012; Vol. 7; 2: 147—162.
- [4] Aghedo I., Osumah. O. The Boko Haram Uprising: How Should Nigeria Respond? *Third World Quarterly*. 2012; Vol. 33 (5): 853—869.
- [5] Pham J-P. Boko Haram's Evolving Threat. *Africa Security Brief: A Publication of the Africa Center for Strategic Studies*. 2012; 20: 1—7.
- [6] Shola O.J. Globalization of Terrorism: A Case Study of Boko-Haram in Nigeria. *International Journal of Politics and Good Governance*. 2015; Vol. 6.1: 1—22.
- [7] Muhammad A., Baba I.M. Resolving Nigeria's "Boko Haram" Insurgence: What Role for the Media? *Procedia — Social and Behavioural Sciences*. 2014: 155.
- [8] Falode J.A. The Nature of Nigeria's Boko Haram War, 2010—2015: A Strategic Analysis. *Perspectives on Terrorism*. 2016; Vol. 10.1: 41—52.
- [9] Oyewole S. Boko Haram and the Challenges of Nigeria's War on Terror. *Defence & Security Analysis*. 2013; Vol. 29 (3): 253—262.
- [10] Bappah H.Y. Nigeria's Military Failure Against the Boko Haram Insurgency. *African Security Review*. 2016; Vol. 25; 2: 146—158.
- [11] Gana M.L., Samsu K.H., Ismail M.M. Population-Centric Counterinsurgency: The Conduit for Ending Boko Haram Insurgency in Nigeria's North. *European Journal of Behavioral Sciences*. 2018; 1 (4): 8—13.
- [12] Gana M.L., Samsu K.H., Ismail M.M. Counterinsurgency Responses in Nigeria: Unveiling the Constraining Challenges. *International Journal of Arts, Humanities and Social Sciences*. 2018. Vol. 3.6: 1—8.
- [13] Fahim S. *The Role of Militias in Counterinsurgency Doctrine: The Fall of Kunduz and Mosul*. Master's Thesis submitted to Department of International Studies, Indiana University; 2018.
- [14] Hassan I., Pieri Z. The Rise and Risks of Nigeria's Civilian Joint Task Force: Implications for Post-Conflict Recovery in Northeastern Nigeria. *Boko Haram beyond the Headlines: Analyses of Africa's Enduring Insurgency*. Jacob Zenn Eds. Combating Terrorism Center; 2018.
- [15] Fearon J.D., Laitin D.D. Ethnicity, Insurgency, and Civil War. *American Political Science Review*. 2003; Vol. 97.1: 75—90.
- [16] Stringham N., Forney J. It Takes a Village to Raise a Militia: Local Politics, The Nuer White Army, and South Sudan's Civil Wars. *Journal of Modern African Studies*. 2017; Vol. 55.2: 177—199.
- [17] Jones S.G. The Strategic Logic of Militia. *National Defence Research Institute Working Paper, WR-913-SOCOM*. 2012.
- [18] Olanrewaju F.O., Folarin O.M., Folarin S.F. Insurgency and National Security Challenges in Nigeria: An Introductory Analysis. *Ante Portas — Studia nad Bezpieczeństwem*. 2017; Vol. 2.9: 35—53.
- [19] Schubert M. The Challenge of Community-Based Armed Groups: Towards a Conceptualization of Militias, Gangs, and Vigilantes. *Contemporary Security Policy*. 2015; Vol. 36.2: 296—320.

Article history:

The article was submitted on 27.05.2019.

The article was accepted on 28.06.2019.

Участие ополченцев в антиповстанческой борьбе: роль гражданских подразделений совместного действия (СЈТФ) в борьбе с Боко Харам в Нигерии

М.Л. Гана

Политехнический колледж Маи Идрисс Алума Гейдам
1023 Гауа Род Гейдам, штат Йобе, Нигерия

Аннотация. С 2013 года на севере Нигерии наблюдалось массовое участие ополченцев группы «Гражданская совместная целевая группа» (СЈТФ) для оказания помощи правительственным силам в борьбе с исламистской повстанческой группировкой «Боко Харам». Мобилизация гражданской совместной оперативной группы принесла огромный успех операции по борьбе с повстанцами. Автор утверждает, что до того момента, когда в борьбу с экстремистами вступили представители СЈТФ, усилия правительства по борьбе с повстанцами являлись в целом недостаточно эффективными и успешными. Рассматриваемая в статье гражданская группа, помимо оказания помощи и снижения частоты нападений «Боко Харам» и обусловленной ими гибели людей, играет также важную роль в изгнании повстанцев из районов страны, участвует в освобождении городов и деревень, занятых боевиками. Однако беспрецедентное участие гражданской совместной целевой группы в антиповстанческой борьбе породило у нигерийской общественности и политологов подозрения в том, что это участие было обусловлено определенными политическими мотивами. В настоящей статье рассматриваются мотивы, побудившие население ряда районов Нигерии принять участие в гражданской совместной целевой группе по борьбе с группировкой «Боко Харам». В подготовке статьи автор опирался на качественное проектирование конкретных практических кейсов как на основной метод исследования. Эмпирические данные были собраны в ходе углубленного интервью с участием тринадцати информаторов, включая участников СЈТФ, лидеров общин и правительственных чиновников штата Йобе. Выводы исследования показывают, что участие людей в СЈТФ является добровольным. Основной мотивацией для участия, является интерес к защите своего сообщества из-за недостаточной защиты со стороны государства. В статье содержатся рекомендации нигерийскому правительству срочно провести демобилизацию и дерадикализацию членов СЈТФ, для того чтобы не допустить дальнейшего подрыва мира и стабильности в регионах страны.

Ключевые слова: гражданская совместная оперативная группа, борьба с повстанцами, Боко Харам, безопасность

История статьи:

Статья поступила в редакцию 27.05.2019.

Статья принята к публикации 28.06.2019.

Информация об авторе:

Гана Моду Лаван — кандидат политических наук, преподаватель Политехнического колледжа Маи Идрисс Алума Гейдам (Нигерия) (ORCID ID: 000-0001-9217-1373) (e-mail: gana.lawan@yahoo.com).

Information about the author:

Gana Modu Lawan — PhD in Political Science, Lecturer of Mai Idriss Aloom Polytechnic Geidam (Nigeria) (ORCID ID: 000-0001-9217-1373) (e-mail: gana.lawan@yahoo.com).

Для цитирования:

Gana M.L. Militia Participation in Counterinsurgency: The Impetus of Civilian Joint Task Participation in Combating Boko Haram in Nigeria // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 3. С. 460—469. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-460-469.

For citation:

Gana M.L. Militia Participation in Counterinsurgency: The Impetus of Civilian Joint Task Participation in Combating Boko Haram in Nigeria. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21 (3): 460—469. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-460-469.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-470-502

Научная статья

Борьба с коррупцией в странах англосаксонской традиции (на примере Великобритании, Индии, Сингапура и США)

А.П. Страхов

Фонд «Центр открытости общества»
Ул. Спиридоновка, 22/2, Москва, Россия, 123001

Аннотация. В статье рассматривается опыт борьбы с коррупцией в Великобритании, Индии, Сингапуре и США. Эти страны, несмотря на все различия, имеют общую черту, обусловленную ходом исторического развития, — присутствие элементов англосаксонской традиции в культурной и политико-правовой сфере. Целью исследования выступает изучение влияния данных элементов на антикоррупционную политику. Как показал проведенный анализ, рассмотренные страны внедряют во многом схожие подходы, институциональные механизмы и идеологию для противодействия коррупционному поведению, что можно объяснить фактором англосаксонской традиции. Вместе с тем эффективность мер по искоренению коррупции в значительной степени зависит от экономических условий, поведенческих установок, исторически укоренившихся в обществе норм и т.д. При этом особое значение имеет культурная составляющая. Сходные для указанных стран англосаксонской традиции антикоррупционные практики и инструменты под воздействием исторически сложившихся национально-культурных особенностей могут сильно видоизменяться, значительно удаляясь от изначального британского образца. Кроме того, достижение успеха в сфере борьбы с коррупцией напрямую зависит от того, сохранились ли в обществе те общественные институты, которые в силу своих культурно-ценностных и поведенческих установок неизбежно будут сопротивляться внедрению новых антикоррупционных правил и норм.

Ключевые слова: англоязычные страны, англосаксонская традиция, борьба с коррупцией, национальная культура, институты и законодательство

Введение

В статье рассматривается антикоррупционная практика в четырех англоязычных странах: США, Великобритании, Индии и Сингапуре. При этом Великобритания является для трех других родоначальницей общих принципов политико-

© Страхов А.П., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

правового устройства. Особая близость существует между Великобританией и США, которые получили название англосаксонских стран. Однако Индия и Сингапур переняли так много из английской политической, правовой и экономической системы, что можно говорить о наличии англосаксонской политико-правовой традиции во всех рассматриваемых государствах (например, об английских традициях в Сингапуре см.: [84]). Такой подход дает возможность проанализировать трансформацию английских принципов антикоррупционного устройства в сильно отличающихся друг от друга культурно-исторических общностях.

Страны англосаксонской политической традиции известны своими успехами в сфере борьбы с коррупцией: Великобритания и США в большинстве мировых рейтингов, таких как World Bank и Transparency International (TI), занимают прочные позиции в верхней части списка. Сингапур, унаследовавший многие традиции английской правовой и экономической системы, также является признанным мировым лидером в этой области, зачастую обгоняя самих англосаксов. Однако есть и исключения: Индия, хотя и восприняла большинство английских установлений с колониальных времен, все еще сильно отстает в области антикоррупции от многих англоязычных стран.

Авторами была предпринята попытка ответить на следующие вопросы. Во-первых, действительно ли страны англосаксонской традиции склонны предпринимать схожие практики в борьбе с коррупцией, и если это так, то в чем они заключаются. При этом особый интерес вызывает ситуация на местном уровне управления. Представляется, что здесь управленческие решения и институциональные механизмы должны быть более обусловлены существующими в обществе нормами и ценностями, нежели решения органов власти более высокого уровня, которые могут более основываться на абстрактных идеологических ценностях. Поэтому в данной работе дополнительный акцент сделан на антикоррупционной политике в крупнейших городах рассматриваемых стран (для Сингапура эти аспекты совпадают).

Второй вопрос, который ставится в публикации, затрагивает различия в антикоррупционной политике изучаемых стран, связанные с их культурно-исторической спецификой. Приводит ли применение сходных решений в области борьбы с коррупцией к сходным результатам? Или же влияние национальной культуры серьезно трансформирует вводимые институты и механизмы контроля злоупотреблений? Исторические привычки зачастую напрямую способствуют легитимации неформальных связей в обществе. Примером является такое явление, как «jugaad» в Индии [52], выступающее некоторым аналогом российского «блата». Очевидно, что jugaad противоречит ключевым элементам англосаксонской традиции, таким как меритократия и транспарентность, однако в индийской практике уживается с вполне английскими институтами, такими как независимые антикоррупционные органы и действенный закон о доступе граждан к информации. Важно проанализировать, как взаимодействуют сходная для всех изучаемых стран идеология в области борьбы с коррупцией с различающимися национальными культурными установками в этой сфере и к чему это приводит.

В основу анализа легло изучение большого объема информации: местные и национальные законодательные акты, документы, публикуемые государственными органами, в том числе официальные сайты различных ведомств, материалы аналитических агентств, научные статьи, а также материалы местных и международных СМИ (всего более 200 источников и около 2000 документов). При этом в фокусе исследования были: структура антикоррупционных органов, история их развития, ключевые законодательные антикоррупционные акты, а также главные проблемы, связанные с коррупцией, и основные методы борьбы с ней.

Задействование широкого спектра первичных источников по борьбе с коррупцией сразу по четырем англоязычным странам вкуче с анализом научной литературы по этой теме позволило провести содержательный анализ их антикоррупционной политики. Новизна такого подхода заключается, во-первых, в более широком выборе стран для сравнения, так как исследователи чаще сравнивают США с Великобританией, а Индию и Сингапур с Китаем и почти никогда сразу четыре страны (см., например, [53; 74; 14]). Во-вторых, данная работа фокусируется на анализе фактического состояния дел в борьбе с коррупцией, а именно на законах, институтах и практике их функционирования, выраженной в конкретных случаях, описанных в СМИ (скандалы, действия судов и полиции, общественная активность). Чаще изучение коррупции опирается на опросы и статистику преступлений, а также на экспертные мнения, что, имея множество своих преимуществ, иногда приводит к недооценке реальной картины происходящего в обществе. Применяемый здесь подход ближе к case-study исследованию.

Структура работы состоит из нескольких разделов. Первый из них представляет собой обзор научной литературы по теме коррупции. При этом особое внимание уделяется тем работам, которые выходили в рассматриваемых странах, что позволяет лучше отразить национальную специфику в вопросах изучения темы коррупции. Во втором разделе приводится обзор антикоррупционной политики изучаемых стран. В свою очередь, на основе этих данных проводится ее сравнительный анализ, чему посвящен третий раздел статьи.

Завершается работа краткими выводами. Они подтверждают влияние англосаксонского фактора на применяемые подходы и практики в сфере борьбы с коррупцией. Однако в то же время делается заключение о том, что конечный результат в значительной степени зависит от имеющихся в обществе культурно-исторических предпосылок.

Проведенные в работе оценки опыта и методов борьбы с коррупцией в четырех странах англосаксонской традиции а также полученные результаты сравнительного анализа имеют большой потенциал для последующего практического применения. В том числе это может оказаться важным в совершенствовании антикоррупционной политики в нашей стране.

Обзор литературы

Определение коррупции. Тема коррупции достаточно широко представлена как в иностранной, так и в российской научной литературе. Причем за последние три десятилетия дополнительный интерес к ней подстегнули процессы политиче-

ских и экономических преобразований как в развитом, так и развивающемся мире (подробнее см., например, [10]).

В коррупции видят мощный сдерживающий барьер на пути решения различных проблем, стоящих перед обществом [81]. В частности, она негативным образом отражается на экономическом развитии и мешает привлечению инвестиций [60]. Однако, несмотря на всю важность данной проблематики, однозначного определения понятия «коррупция» пока не выработано. Нет и общепринятой классификации ее видов, хотя имеются наиболее часто выделяемые виды: политическая коррупция, электоральная, низовая коррупция и т.д.

При этом существует множество подходов к рассмотрению коррупции. Ведутся широкие дискуссии по поводу того, что следует относить к коррупционным проявлениям, а что нет, по каким основаниям их выделять и т.д. [47; 51]. Кроме того, отдельным непростым вопросом выступает то, каким образом измерять коррупцию [85].

В целом общее определение коррупции можно свести к пониманию данного явления как злоупотребление своей властью или положением в нарушение установленных правил [2]. Можно использовать и определение, получившее распространение в зарубежной научной литературе, согласно которому коррупцией является «злоупотребление публичным должностным или иным лицом общественным долгом (*public duty*) в целях получения личной выгоды» [41].

Однако более точная трактовка понятия «коррупция» часто представляется затруднительной. В частности, по отношению к тем странам, в которых происходят процессы общественной трансформации [54]. Поэтому, исходя из задач данной работы, следует согласиться с мнением тех авторов, которые предлагают рассматривать коррупцию в качестве общего или собирательного явления [9], а не точного правового, политологического или экономического термина.

Отметим, что подобный подход соответствует рекомендациям экспертов ООН в области антикоррупционной политики. Ими отмечается, что «определения, применяемые к коррупции, различаются в различных странах в зависимости от культурных, правовых или других факторов, а также в зависимости от характера восприятия в обществе проблемы коррупции» [65]. Некоторые авторы в данной связи обращают внимание на то, что термином «коррупция» часто обозначаются в зависимости от контекста различные явления, что в результате приводит к различным неточностям [21]. Более того, отмечается, что зачастую отсутствуют способы, которым корректно позволяют сравнивать коррупцию в разных странах [80]. Очевидно, что неопределенность вокруг того, что считать коррупцией и как ее измерять, создает определенные сложности в изучении данной тематики, особенно при проведении сравнительного межстранового анализа.

Кросс-национальные исследования. В настоящее время считается, что уровень коррупции сильно варьируется в разных обществах даже по отношению к сопоставимым видам деятельности [17]. В данной связи интерес представляют исследования, посвященные выявлению факторов, способствующих коррупции и влияющих на эффективность противодействия ей [96]. Также значимым вопро-

сом для данного исследования выступает трансформация форм коррупции под воздействием изменений во внешней среде. К примеру, для развивающихся стран характерна тенденция, при которой коррумпированные чиновники приспосабливаются к антикоррупционным мерам, находя новые возможности получения коррупционной ренты [67].

В связи с поиском причин коррупции во многих исследованиях проводится идея об обусловленности коррупционного поведения историко-культурным фактором, то есть тем набором установок, норм и ценностей, которые получили распространение в обществе. К этому относятся и морально-этические принципы, которые, как показывают исследования, нельзя недооценивать в определении причин злоупотреблений [34]. К примеру, для Великобритании считается недопустимым, чтобы официальные лица принимали подарки, в то время как в Индии подобное является вполне естественным поведением [33]. Однако при всей значимости культурного контекста имеются и доказательства его потенциальной преодолемости, на что указывает пример Сингапура [22; 82].

Естественно, возникает вопрос, каким образом бороться с подобным «социокультурным проклятием». В этом отношении хороший исследовательский инструментарий предоставляют кросс-страновые сравнения, широко применяющиеся в работах на тему коррупции. Целью такого сравнительного анализа может выступать в том числе выработка наиболее подходящих инструментов противодействия коррупции на основе имеющегося опыта других стран [4].

Распространенным направлением исследований выступает изучение вопросов коррупции в разрезе стран, имеющих некую общую характеристику. Это, к примеру, наличие экономики развивающегося типа [67], присутствие в одном географическом макрорегионе [14; 101], принадлежность к постсоветскому пространству [6] и т.д. Подобный сравнительный анализ может оказаться действенным средством для определения значимых национальных особенностей в антикоррупционной политике, выявления наиболее эффективных подходов к решению проблемы коррупции [74].

Вместе с тем в имеющемся спектре таких сравнительных исследований практически не представлены страны, выделенные по критерию наличия англосаксонского наследия. Хотя имеются доказательства, что история британского правления находится в числе факторов, которые, возможно, уменьшают степень коррупционности [96]. Однако более подробного изучения данной проблематики с анализом имеющихся антикоррупционных институтов и практик не проводилось. Исключением является лишь сравнение таких в значительной степени близких стран, как США и Великобритания [53; 55].

Особенности изучения и оценки коррупции в рассматриваемых странах

Великобритания

При всем имеющемся длительном опыте правового антикоррупционного противодействия [12] важнейшей особенностью Великобритании, определившей относительно низкий уровень распространения коррупции в этой стране, высту-

пают традиция соблюдения высоких этических стандартов поведения в государственном секторе, при которых личный интерес должен уступать интересам общественным [36].

Эти стандарты оказались выражены, прежде всего, в форме неписаных норм и правил. Они складывались на протяжении долгого периода и успели приобрести за это время своего рода сакральное значение для английского общества. Причем во многом британский подход к стандартам поведения в общественной жизни сложился еще с Викторианской эпохи, когда произошло формирование системы общественных и политических воззрений на то, что считать приличным [35].

В Великобритании проблема коррупции стоит не так остро, нежели в большинстве других государств мира. Однако в том числе под влиянием ряда коррупционных и этических скандалов, развернувшихся с 1990-х гг. сначала вокруг Консервативной партии, а затем и Лейбористской, вопросы борьбы со злоупотреблениями во власти были выведены на первый план британской внутренней политики [3]. В данной связи в Великобритании заметно проявляется два подхода к антикоррупционной политике. Один из них опирается на консервативную традицию, и в нем на первый план выходит постепенность изменений, опора на устоявшиеся правила и традиции.

Наряду с ним в последние годы все активнее заявляет о себе либеральный подход по отношению к теме коррупции. Прежде всего, в его рамках предлагается критический пересмотр ситуации с коррупцией в Великобритании и проводится линия на необходимость изменения устоявшихся принципов, по которым оценивается деятельность представителей органов власти. Так считается, что широкий спектр проявлений злоупотребления властью и положением необязательно подпадают под четкие юридические формулировки. Поэтому, к примеру, предлагается расширить понятие «коррупция», выйдя за пределы более привычных правовых форм трактовки этого явления [102].

На этом фоне к настоящему времени значительные надежды в Великобритании стали возлагаться на широкое внедрение принципов свободы информации [97], что, как ожидается, позволит повысить прозрачность и открытость для общества процесса принятия решений. Важнейшим нормативно-правовым актом в этой сфере является принятый в 2000 году Закон «О свободе информации» (*Freedom of Information Act (FOI)*). Он призван обеспечить публичный доступ к информации, находящейся в распоряжении государственных органов [45].

Кроме того, в Великобритании большое внимание получили изучение вопросов внедрения этических стандартов поведения в государственном секторе [36] и анализ соответствующих институциональных механизмов для их поддержки. В этой сфере большую роль сыграли Комитет по стандартам публичной сферы (*Committee on Standards in Public Life*) [35], а также Совет по стандартам для Англии (*Standards Board for England*), который отвечал за продвижение высоких этических принципов в органах местного самоуправления [57].

Наконец, определенную специфику рассмотрению темы коррупции в Великобритании придает то, что она является одним из ведущих финансовых центров

мира. В данной связи большую актуальность для страны приобрела тема борьбы с международной организованной преступностью и с отмыванием денег. Противодействие легализации преступных доходов называется в числе главных приоритетов для правительства Великобритании [83].

Индия

Считается, что из всех развивающихся стран Индия построила политическую модель, наиболее приближенную к западному прообразу [7]. Объяснить это можно в том числе сильным влиянием когда-то привнесенных в традиционную культурно-историческую ткань индийского общества англосаксонских элементов. Однако это не помогло Индии существенно снизить взяточничество и данная проблема, несмотря на многочисленные усилия по борьбе с этим явлением, по-прежнему имеет повышенную остроту для этой страны [79].

Исследователи называют несколько причин того, почему, несмотря на все попытки новой Индии выстроить себя по западным образцам, проблема коррупции все еще очень актуальна. Она особенно проявляется себя на низовом уровне общества, мешая преодолению многочисленных социально-экономических проблем страны [28]. Прежде всего, мощной питательной средой для коррупции является бедность значительной части населения страны и исторически сложившееся еще со времен кастовой системы сильное социальное неравенство. В результате государство вынуждено перераспределять часть ресурсов в пользу наименее защищенных слоев общества. Государственные механизмы распределения способствуют тому, что значительная часть средств, которые выделяются на различные программы по улучшению качества жизни, оседает в карманах многочисленных чиновников и близких к ним бизнесменов [8]. Также коррупции способствует и привычная для Индии практика использования неформальных социальных связей для продвижения своих интересов [18; 52].

Тем не менее, несмотря на распространенность и глубокие исторические корни индийской коррупции, исследователи отмечают активизацию в стране попыток вести серьезную борьбу с этим явлением [28]. Этому способствует стремительный рост «среднего класса», тяготеющего к западной и, прежде всего, англосаксонской культуре и стандартам поведения.

По оценкам исследователей, одним из важнейших направлений борьбы с коррупцией являются меры по обеспечению прозрачности работы органов управления, например, закон «О праве на информацию» (Right to Information Act (RTI)), принятый в октябре 2005 г., в том числе по примеру Великобритании. Согласно ему, любой гражданин Индии имеет право запросить информацию у чиновника, который обязан ответить в течение установленного срока под угрозой персонального штрафа [15]. При этом, как показали исследования, использование предоставляемых этим законом механизмов оказывается почти таким же эффективным, как и дача взятки [68]. Кроме того, определенные надежды для повышения прозрачности возлагаются на внедрение новых информационно-коммуникационных технологий и рост роли social media [24; 98].

Следует также отметить, что для Индии тема коррупции уже давно является важной темой для научных исследований. Имеется большое количество работ, которые посвящены различным аспектам данной проблематики. Страна даже называлась идеальной лабораторией как для изучения коррупции, так и для поиска путей избавления от этой болезни [42]. К примеру, в фокусе внимания оказывался в том числе анализ взаимосвязи коррупционного поведения с гендерными различиями [99]. Помимо традиционно сложившихся форм коррупции внимание исследователей привлекает и ее проявление в рамках современных политических институтов. В частности, в качестве фактора избирательного процесса [40], способного оказывать значимое влияние на политическое поведение граждан [100].

Сингапур

Опыт Сингапура является излюбленным кейсом для демонстрации примера эффективной политики в области борьбы со взяточничеством. Этой теме уделяется неизменное внимание как в публицистике, так и в научной литературе. Особое внимание при этом обращается на то, что борьба с коррупцией в Сингапуре развивалась на фоне наличия в этой стране политической модели, которую исследователи называют «мягким авторитаризмом» [62]. В результате значительный фокус исследований направлен на изучение тех особенностей, которые в условиях недостатка компонентов демократии способствуют сохранению в обществе баланса политических сил. Это, к примеру, система групповых избирательных округов (*group representation constituency*), которая прежде всего нацелена на закрепление представительства национальных меньшинств в парламенте [84].

В целом в посвященных Сингапуру работах традиционно проводится мысль о том, что благодаря грамотной государственной политике можно свести коррупцию к минимуму [5; 1]. Особое значение придается анализу институциональных инструментов антикоррупционной политики и факторам успеха Сингапура в контроле над коррупцией. В частности, здесь выделяется политическая воля правительства и Народной партии действий (*People's Action Party*) и эффективность созданного в стране Бюро по расследованию коррупции [76]. Правда, усматриваются и недостатки в работе Бюро и предлагаются пути по дальнейшему совершенствованию его деятельности [75].

Значительное место также уделяется историческим особенностям проявления данного явления в стране [72]. Здесь стоит особо подчеркнуть, что изначально проблема коррупции стояла перед Сингапуром весьма остро. Страна получила в наследие от Великобритании действенную систему государственного управления, но коррупция оставалась привычным явлением и пронизывала все слои общества [11]. Исследователи отмечают важность того, что в государственном строительстве Сингапуру пришлось фактически создавать новую политическую элиту, которая еще не успела консолидироваться вокруг собственных интересов и представляла собой своего рода «белый лист», на котором можно было прописать «правила игры», необходимые для искоренения коррупционных проявлений.

США

В значительной степени особенности формирования антикоррупционной политики США определялись сравнительной молодостью этого государства, начальный период становления которого протекал довольно бурно. В Америке не существовало древних традиций и старых социальных и политических институтов и групп, которые были, например, в Англии. Поэтому борьба с коррупцией здесь была нацелена в первую очередь на ограничение власти чиновников (а потом и олигархов), которым противостояли широкие и активные социальные массы. В США антикоррупционная политика во многом шла по пути правовой конкретизации поведения власть имущих.

Помимо этого важное значение для профилактики коррупции получило обеспечение прозрачности деятельности государственных и муниципальных органов управления. Здесь большую роль стали играть СМИ, а также многочисленные общественные организации. Немаловажно при этом, что для политической культуры США традиционным является сильное недоверие к государственному аппарату [13].

Что касается изучения теоретических и прикладных аспектов, относящихся к теме коррупции, следует сказать, что они имеют длительную историю для американской научной мысли. Важным направлением исследований выступают работы о злоупотреблениях в государственном и публичном секторе [23], а также в различных органах управления [39]. Кроме того, отдельный спектр составляют исследования, в которых тема коррупции затрагивается в контексте анализа криминогенной ситуации и факторов, на нее влияющих [58], или изучения влияния организованной преступности на те или иные сферы, в частности на деятельность профсоюзных организаций [50].

Особую специфику в рассмотрении вопросов коррупции в США привносит федеративное устройство этой страны. В каждом штате имеются свои особенности как в части коррупционных проявлений, так и в борьбе с ними. Подобная ситуация, в свою очередь, позволяет проводить сравнительный анализ в разрезе штатов. В результате становится возможным проводить их ранжирование по уровню коррупции на основе эмпирических данных. Так, штаты с более высоким уровнем образования оказались менее коррумпированные, в то время как этническая неоднородность и большая разница в уровне доходов, как выяснилось, способствует распространению коррупции [38]. Также подобный сравнительный подход позволяет оценить роль политических институтов в сдерживании коррупционных проявлений. В частности, имеются доказательства, что штаты с большей политической конкуренцией имеют и меньшую коррупцию [16].

Обзор антикоррупционной политики изучаемых стран

Великобритания

Английская политическая система имеет давние традиции борьбы со злоупотреблениями чиновников. Например, один из первых законов о борьбе с коррупцией — Public Bodies Corrupt Practices Act — был принят в Лондоне в 1889 году,

и часть его положений входит в современные законодательные акты. Антикоррупционное законодательство совершенствовалось годами (законы от 1906, 1916, 1925 гг. и т.д.). В результате современная государственная система Англии изобилует разными институтами, регуляциями и правилами, посвященными коррупции. Например, имеются отдельные акты для борьбы с покупкой должностей и наград, изданные еще во времена Британской империи (Honor Act, 1925) [48]. Вместе с тем значительная часть антикоррупционных правил не прописана и представляет собой неформальный кодекс, который, несмотря на неписанный характер, является весьма устойчивым.

Вероятно, поэтому английская антикоррупционная политика долгое время не имела характера установленной сверху централизованной системы. Национальная Стратегия в этой сфере сформулирована лишь в последнее десятилетие на волне усиления нетерпимости общества к злоупотреблениям политической элиты [97]. Например, в Лондоне помимо Национальной действует собственная Стратегия по борьбе с мошенничеством и коррупцией [20], что свидетельствует о повышенном запросе со стороны жителей столицы на более активную борьбу со злоупотреблениями.

В Англии отсутствует единый орган по борьбе с коррупцией, а функции в рамках этой деятельности распределены между несколькими институтами. Один из ключевых — Управление по борьбе с мошенничеством в особо крупных размерах (Serious Fraud Office), которое подчиняется прокуратуре и фокусируется на британском бизнесе. Другой институт — Национальное агентство по преступности (National Crime Agency — NCA), в ведении которого находится предупреждение и расследование коррупции в государственных структурах с фокусом на крупных нарушениях и высших должностных лицах. Ряд органов специализируется на расследованиях злоупотреблений в финансовом секторе (например, Joint Money Laundering Intelligence Taskforce). Отдельно существует Независимое бюро по вопросам поведения полиции (Independent Office for Police Conduct), отвечающее за один из самых проблемных секторов в борьбе с коррупцией.

Характерной чертой английской политики является высокое значение общественных и профессиональных ассоциаций, в том числе и в антикоррупционной сфере. Также в стране действует большое количество квазиавтономных негосударственных организаций (quangos), уделяющих серьезное внимание борьбе со взяточничеством. В последние годы они стали столь многочисленны, что правительство объявило о планах по сокращению их поддержки.

Центральным элементом политической системы Англии является Парламент, черта, которую восприняли, хотя и в разной степени, и другие страны англосаксонской традиции. Парламентские партии в Англии — главные инициаторы законодательных изменений в сфере антикоррупционной политики. Традиционно Парламент и местные советы пользуются высоким общественным доверием. Однако в последнее время внимание общества и СМИ обратилось в сторону расходов представительных органов власти [43]. Были вскрыты злоупотребления депутатов, связанные с расходами на обеспечение текущей деятельности (оплата за госсчет женщинами-депутатами нянь для детей [49], аренда жилья рядом

с работой при наличии собственной квартиры в городе [30; 91] и пр.). На волне разоблачений депутатских злоупотреблений был создан Independent Parliamentary Standards Authority [71]. Интересным эпизодом его деятельности стало отстранение представителей палаты пэров от участия в заседаниях после сомнительных переговоров с лоббистами (подобная мера последний раз принималась в XVII веке).

Серьезное внимание уделяется борьбе с коррупцией в международном бизнесе. В Лондоне базируется большое количество транснациональных корпораций, что определяет глобальный характер английской антикоррупционной политики. Так, именно в Англии одной из первых в мире был принят The Bribery Act, который предусматривает жесткие меры наказания за коррупцию в иностранных юрисдикциях.

Лондон, являясь мировым финансовым центром, часто рассматривает коррупцию через призму отмывания криминальных денег. За последние годы были приняты такие акты, как Proceeds of Crime Act, The Criminal Finances Act, которые в том числе направлены против нечистоплотных чиновников из развивающихся стран. Кроме того, после событий в арабских странах и Украине большое внимание уделяется возвращению криминальных активов, чем занимается сразу несколько ведомств (например, Агентство Recovering Criminal Assets). Они нацелены на поиск криминальных состояний как в Британии, так и за рубежом.

Во внутренней антикоррупционной политике необходимо выделить работу с полицией. Это одна из наиболее чувствительных к коррупции сфер жизни Англии, так как полицейские подвержены наибольшим рискам, общаясь ежедневно с преступным миром [46]. В стране в последние годы было несколько скандалов, связанных с сокрытием полицией фактов некомпетентности сотрудников и излишним применением насилия. Большинство из них признаны частными случаями, а не системными проблемами. Исключением оказалась просочившаяся в прессу информация об операции «Тиберий», в ходе которой была выявлена связь нескольких криминальных авторитетов Лондона с рядом полицейских офицеров через масонские ложи [78].

В рамках борьбы с коррупцией в полиции правительство регулярно инициирует новые реформы, на постоянной основе работают общественные и профессиональные организации, следящие за соблюдением закона. Сама полиция много работает с прессой, обеспечивая прозрачность и публичность своей деятельности, стремясь строить свою работу как корпорация, предоставляющая гражданам услуги. В этой связи выпускается много разъяснительных материалов, полиция подписывает «публичные соглашения», которыми гарантирует качество своих услуг. Интересна серия обучающих видеороликов на тему борьбы с коррупцией, подготовленная по заказу полиции и выложенная в свободном доступе для учебных учреждений и частных компаний [19].

Другая коррупциогенная сфера в Англии — это лоббизм. В городе работает множество лоббистских компаний, которые обеспечивают взаимодействие бизнеса с органами власти и регулирующими институтами. За последние годы случилось несколько крупных скандалов, связанных с финансированием лоббистами государственных чиновников, депутатов и политиков. Один из самых ярких приме-

ров — случай с подкупом нескольких депутатов в интересах миллиардера Аль-Файеда, отца Доди Аль-Файеда, погибшего с принцессой Дианой [92]. Сложности в регулировании лоббизма добавляет практика «вращающихся дверей», когда чиновники перемещаются со своих должностей на ответственные позиции в коммерческих структурах, что заставляет подозревать их в предвзятости во время работы на государство. Для контроля в этой сфере создан, например, Реестр лоббистов, требующий фиксации их активности, вплоть до точного времени посещения лоббистами госорганов, списка встреч и обсуждаемых тем. Также введен ряд ограничений на карьеры бывших чиновников.

В последние годы в Англии растет активность граждан, озабоченных проблемой коррупции. Как уже упоминалось, в 2000 г. был принят Freedom of Information Act, который закрепил обязательные ответы государственных структур на запросы граждан (раскрытие информации).

Совсем свежей темой стала активизация борьбы с коррумпированными политическими режимами и соблюдение международных санкций: в 2018 г. был принят Sanctions and Anti-Money-Laundering Act. Органы правопорядка совместно с финансовой разведкой стали активно использовать концепцию «необоснованных расходов». Так, в июле 2018 г. в Англии была арестована супруга бывшего главы Международного банка Азербайджана, потратившая в магазинах Лондона десятки миллионов фунтов «необъяснимого происхождения» [44].

Индия

Предпосылки неформальных связей в политике и госуправлении отчасти заложены «отцами» индийской независимости, которые в борьбе с отсталостью и из внешнеполитических соображений стремились максимально укрепить государство, передавая ему контроль над экономикой и социальной сферой [66]. В итоге сложился так называемый License Raj, при котором бизнес и общество зависят от власти, а система управления больше ориентирована на разрешительный порядок через выдачу подрядов и лицензий [103]. Данный тренд укреплялся и патриархальными установками большинства населения. В итоге более 90% жителей страны сегодня признаются, что так или иначе участвовали в коррупционных отношениях.

Однако последние годы государство активно меняется, ломая старый административный режим и освобождая место для общественной и экономической активности. В немалой степени этому способствует рост среднего класса в крупных городах, прежде всего в Дели. Представители городских образованных слоев отвергают кастовые и клановые порядки, выбирая в органы власти тех политиков, которые обещают бороться с ними. Так, в Дели избиратели «смели» весь старый политический класс, избрав в Законодательное собрание представителей новой партии AAP (Aam Aadmi Party — «партия простого человека»), программа которой в основном ориентирована на борьбу с коррупцией.

Антикоррупционная политика в Дели характеризуется двумя важными особенностями. С одной стороны, уровень коррупции во власти очень высок, и значительная часть традиционного общества толерантна к такому положению вещей.

С другой стороны, активная столичная общественность все более жестко противостоит коррупции и подталкивает политиков к реальным действиям по ее искоренению.

Говоря о структуре антикоррупционных институтов, можно отметить, что все базовые стандарты в борьбе с коррупцией в Индии реализуются. Важным фактором стало наследование традиций английской системы управления. Например, многие назначения, в том числе и в антикоррупционные структуры, проходят с обязательным участием представителей парламентской оппозиции. Существует централизованный орган по надзору за чиновниками — Central Vigilance Commission (CVC) [26], который координирует деятельность специальных инспекторов в государственных структурах — Chief Vigilance Officers (CVO). CVO не могут быть назначены или сняты с должности без согласования с CVC, которая ежегодно выставляет им оценку, попадающую в их личное дело и влияющую на их дальнейшую карьеру.

Кроме надзирающего органа существует и бюро расследований, входящее в структуру МВД, но относительно независимое, — Central Bureau of Investigation (CBI) [25]. Особенно сильны позиции этого агентства в Дели, где сосредоточен центральный государственный аппарат и где изначально было создано само агентство.

Систему антикоррупционных институтов дополняет народный защитник Локаюкта, своего рода омбудсмен [87]. При создании данного института индусы исходили из традиционной практики народных представителей и западного опыта омбудсменов. Локаюкта упрощает гражданам возможность пожаловаться на чиновников и имеет широкие полномочия для привлечения их к ответственности. Именно усиление позиций Локаюкты и его полномочий стало камнем преткновения на выборах в Дели. Этому упорно сопротивлялись городские власти, в итоге чего избиратели полностью сменили состав Заксобрания, избрав представителей ААР.

Прогрессивным институтам по борьбе с коррупцией в Индии часто противостоит государственная бюрократия, которая блокирует или извращает многие начинания в этой сфере [37]. Интересным свидетельством этого является публикация CVC списков ведомств, в отношении сотрудников которых Комиссия пытается провести расследование. Вероятно, тем самым борцы с коррупцией, устав противостоять чиновникам, пытаются привлечь внимание общественности и надавить на госаппарат.

Роль общества в борьбе с коррупцией в Индии возрастает, и политики зачастую сами обращаются к нему за помощью. Так, ими, по аналогии с Англией, был принят Закон о доступе к информации (Right to Information Act), который узаконил штрафы чиновникам за задержку ответов гражданам. Этот закон стал мощным оружием в борьбе общественных активистов и НПО с бюрократами. Кроме того, он дал возможность рядовым гражданам добиваться положенных им государственных услуг без взяток. Выше упоминалось исследование профессоров Йельского института о том, что использование запросов в госорганы в соответствии с Законом о доступе к информации дает гражданам эффект ускорения решения вопроса, близкий к эффекту от традиционной взятки [68].

Прочность бюрократического аппарата и исторические традиции часто препятствуют реализации антикоррупционной повестки, поэтому общество, с одной стороны, и политики, с другой, ищут пути изменения ситуации. Из таких инициатив можно отметить массовое написание Гражданских Хартий министерствами и ведомствами. В них чиновники декларируют стандарты своей деятельности, по которым граждане потом могут спрашивать о соответствии их работы взятым в рамках хартии обязательствам [29]. Другие инициативы — Неделя бдительности, которую проводят каждый год, и Клятва добропорядочности, которую можно подписать в электронном виде и получить именной сертификат. Текст клятвы с обязательством не брать и не давать взятки подписали миллионы жителей Индии [27].

Сингапур

Характерной особенностью антикоррупционной политики Сингапура является то, что она разрабатывалась в условиях «молодого» государства параллельно с быстрыми и эффективными экономическими реформами. Когда в конце 50-х годов прошлого века Британия начала уходить из своих колоний, Сингапур в результате удачного стечения обстоятельств получил независимость и сильную команду политических лидеров, успешно реализовавшую масштабные преобразования. Такая ситуация позволила государству имплементировать наиболее эффективные методы и институты антикоррупционной политики, взяв за основу английскую модель (вместе с языком, левосторонним движением и массой других бытовых аспектов). Кроме того, в Сингапуре отсутствовала старая политическая и бизнес-элита, которая бы сопротивлялась реформам. Поэтому идеи, которые закладывались в антикоррупционную политику, удалось реализовать достаточно последовательно и эффективно.

Важнейшим постулатом антикоррупционных реформ в Сингапуре стало создание «нулевой толерантности» к коррупции, прежде всего в органах власти, что было закреплено специальным Законом о предотвращении коррупции (*Prevention of Corruption Act*) [69]. Политику нового государства определяла команда единомышленников, для которой в тот исторический период патриотический подъем, вызванный обретением независимости, подразумевал честность и служение отечеству. При этом тех, кто не соблюдал эти правила, ждало суровое наказание, которое в ходе реформ лишь ужесточалось. В противовес «кнутому» был создан и «пряник» — разносторонняя система поощрений для тех государственных служащих, кто придерживается принципов честности и неподкупности [73].

Преобразовав прежнюю колониальную службу борьбы с коррупцией, реформаторы организовали единое Бюро по расследованию коррупции (*Corrupt Practices Investigation Bureau — CPIB*) [31]. Это Бюро занимается не только контролем и реализацией антикоррупционной политики, но и расследованиями с достаточно широкими полномочиями, а именно: сотрудники Бюро имеют право проводить обыски, требовать предоставления любых документов, арестовывать, карать за неподчинение, привлекать свидетелей к допросам. Им также разрешено изучать деятельность родственников и поручителей подозреваемого, проверять любые их банковские, долевы и расчетные счета и финансовые документы.

Важно отметить, что Бюро подчиняется лишь офису Премьер-министра и ни прокуратура, ни МВД не могут на него влиять. Определенную независимость глава Бюро имеет даже от Премьер-министра, так как Президент СРІВ — должность выборная и может санкционировать расследования по собственной инициативе. Чиновничья элита несколько раз предпринимала усилия для того, чтобы взять Бюро под контроль, для чего создавались специальные комиссии для контроля расследований СРІВ. Но все эти попытки оказались неудачными, так как руководство страны проявило политическую волю и не дало ограничивать работу Бюро.

В антикоррупционной политике Сингапура реализован принцип неотвратимости и суровости наказания за злоупотребления. Виновные получают большие сроки заключения, высокие штрафы, а также требования компенсации всей суммы ущерба. Причем с течением времени наказания только ужесточались. Например, в 1989 году штраф за взятки был увеличен в 10 раз [86]. Расследование может вестись не только против непосредственно подозреваемого, но и против его близких, конфискация также может применяться к окружению виновного. В случае смерти обвиняемого обязательство выплачивать штрафы и компенсации может быть возложено на его наследников. Также в Сингапуре для коррупционных преступлений реализован принцип презумпции виновности, то есть при наличии обоснованных подозрений бремя доказывания невинности ложится на подозреваемого [77].

Противовесом всех репрессивных мер является система поощрений. В Сингапуре установили одни из самых высоких зарплат для чиновников в мире. Госслужащие имеют 13-й оклад и бонусные выплаты. Существует система продвижения перспективных сотрудников по службе через механизмы экзаменов, зарубежных стажировок и т.п. Но работает эта система только в отношении тех, у кого нет нареканий с коррупционной точки зрения. Для воспитания и развития государственных служащих существует несколько структур, одна из которых — Public Service Division (PSD), также находится в ведении офиса Премьер-министра. В состав PSD входит специальное высшее учебное заведение, своего рода университет госслужбы [70]. Один из последних проектов, созданный в рамках этой структуры, — программа «Госслужба 21 века». Она предполагает максимальное содействие развитию не только рабочего, но и творческого потенциала чиновников, создание комфортной психологической среды на госслужбе.

В отличие от развитых западных демократий, в антикоррупционной политике Сингапура правительство существенно меньше опирается на СМИ и гражданское общество. С одной стороны, это позволяет быстро и эффективно реализовывать любые изменения, а с другой — создает ряд трудностей в вовлечении населения в процесс реформ.

Политика государства в отношении СМИ, реализованная в законах Newspaper and Printing Presses Act и Broadcasting Act, имеет ограничительный характер [64]. Крайне затруднена работа иностранных СМИ: иностранцы не могут владеть масс-медиа, публикации иностранных СМИ на тему политики Сингапура должны проходить согласования, наличие нескольких экземпляров иностранного

издания у человека может быть приравнено к преступлению. Для национальных СМИ ограничений меньше, но и для них есть разрешительная процедура регистрации, возможность отзыва лицензии и т.д. Также существует довольно жесткий закон о диффамации, за что международные правозащитные организации критикуют Сингапур.

Слабость гражданского общества вынуждает правительство искать дополнительные механизмы взаимодействия с ним. Для этой цели создано специальное подразделение в аппарате правительства — Feedback Unit, позже преобразованное в программу REACH (reaching everyone for active citizenry @ home), направленную на изучение общественного мнения и получение реакции от граждан [61].

При этом в области экономической политики правительство Сингапура является максимально открытым и создает режим благоприятствования для международного бизнеса. Это выражается в том, что государство участвует практически во всех международных антикоррупционных соглашениях, самым жестким образом преследует злоупотребления в частном секторе, так же как и в государственном, имеет специализированные службы в министерствах и ведомствах для помощи иностранным инвесторам [59]. Такая политика позволяет Сингапуру занимать лидирующие позиции в международных рейтингах борьбы с коррупцией [32].

США

Спецификой антикоррупционной политики США является наличие многочисленных институтов для профилактики и борьбы с коррупцией, а также детальная проработанность процедур и механизмов в этой сфере. Так, например, среди антикоррупционных институтов Нью-Йорка можно отметить Департамент расследований, Совет по конфликту интересов, Комиссию по добропорядочности бизнеса, Совет по финансированию кампаний, несколько специальных подразделений в Департаменте полиции и др. А выпускаемые этими органами правила и рекомендации затрагивают мельчайшие нюансы деятельности городских чиновников, политиков и бизнесменов. Кроме местных учреждений большую роль в борьбе с коррупцией играют федеральные органы, прежде всего ФБР.

Центральным антикоррупционным институтом во многих штатах является аналог единого бюро по борьбе с коррупцией, обладающий широкими полномочиями и значительными ресурсами, в Нью-Йорке это Департамент Расследований (Department of Investigation — DOI). В каждом городском ведомстве работает Генеральный инспектор, подчиняющийся DOI. Ранее данный сотрудник подчинялся руководителю своего ведомства, но после нескольких громких расследований было признано целесообразным вывести его из ведения прямого начальства и подчинить DOI. Также в Нью-Йорке действует требование ко всем государственным служащим сотрудничать с DOI при первом же обращении и докладывать туда о нарушениях под угрозой увольнения. И наоборот, DOI может защитить служащего от увольнения, если оно связано с информированием о злоупотреблениях [63].

Важно отметить, что DOI не просто расследует и наказывает, он проводит огромную работу на опережение: обучает, мониторит, дает рекомендации, выполнение которых проверяет в течение последующих 5 лет. DOI систематически проверяет все городские службы, разрабатывает совместно с ними регламенты и процедуры по предотвращению коррупции, а затем проверяет их выполнение. Эта работа настолько регулярна, что стала уже повседневной для всех ведомств Нью-Йорка. Более того, ряд из них из своего же бюджета оплачивают содержание сотрудников DOI (эта доля доходит до 25% штатного состава DOI).

Как на федеральном, так и на местном уровне существует целый ряд антикоррупционных институтов. Например, вторым городским антикоррупционным институтом Нью-Йорка является Совет по конфликту интересов. Вообще мониторинг и профилактика возможных конфликтов интересов — одна из ключевых тем в предотвращении коррупции в США [90]. В 2009 г. Совет по конфликту интересов обязал всех городских служащих проходить обучение нормам конфликта интересов, а все агентства — каждые 2 года составлять и реализовывать план такого обучения.

Примером другого влиятельного местного органа является созданный в 80-х гг. в Нью-Йорке Совет по финансированию избирательных кампаний и политических партий, который борется с коррупцией политиков в их отношениях со спонсорами [88]. Помимо регулирующих и контрольных функций данный Совет занимается финансированием кампаний тех политиков, чьими спонсорами являются рядовые граждане (а не крупные бизнесмены и финансово-промышленные группы). Для этого предусмотрены фонды Совета, из которых он добавляет в несколько раз большую сумму к каждому мелкому пожертвованию в фонд кандидата.

Ожидается высокую роль играют НКО и СМИ, причем первые часто не просто исследуют и раскрывают проблемы (этим занимаются СМИ), а активно участвуют в их решении, привлекая для этого весьма существенные финансовые средства от спонсоров и государства.

Важно отметить всеобъемлющий характер регламентации деятельности государственных чиновников. Существуют правила, как использовать рабочие ресурсы (компьютер, телефон, электронную почту), рабочее время чиновника, а также репутацию и влияние организации. Например, бонусы в виде миль, начисляемых авиакомпаниями за перелеты в командировках, разрешено использовать в личных целях, а компенсацию за отмену авиабилетов при овербукинге — нельзя. Нельзя направлять письмо на бланке организации, связанное с решением личных проблем служащего, однако если письмо подписано его начальником — можно. Чиновник может получать вознаграждение за консультирование для политической кампании, но действует правило нулевой терпимости к малейшему использованию государственных ресурсов в целях ведения собственной политической деятельности или бизнеса (даже для распечатывания документов и телефонных звонков).

Столь масштабная система институтов и регуляций, а также общественная нетерпимость привела к маргинализации коррупционных связей в структурах власти. Коррупционные скандалы, конечно, случаются, но они быстро расследуются и скорее носят характер одиночных преступлений, а не организованной сети.

Сферами, где коррупция встречается чаще всего, являются службы, соприкасающиеся с социально неблагополучными группами.

Наиболее часто в коррупционные скандалы попадает полиция, вероятно, из-за своей многочисленности, а также из-за специфики работы с социальными слоями, склонными к преступной деятельности. В этой связи самые значительные усилия по искоренению коррупции в последние годы направляются на работу с полицейскими. Существует несколько подразделений, занимающихся профилактикой и пресечением коррупции в полиции. Помимо этого создана специальная Комиссия по борьбе с полицейской коррупцией и регулярно создаются рабочие группы для исследования отдельных проблем или проведения конкретных реформ [89].

Сигналы о нарушениях полицейских тщательно исследуются, и помимо решений по частным кейсам разрабатываются рекомендации для предотвращения подобных инцидентов. Так, было принято решение обязать полицейских носить на одежде включенные видеокамеры, сотрудников исправительных учреждений — зашивать карманы и проходить досмотр с собаками на выходе с места работы и многое другое. В борьбе за чистоту рядов полицейские службы могут пойти на провокации, например, подбросить на улице кошелек, чтобы проверить сдаст ли его патрульный в участок.

Сравнение антикоррупционной политики изучаемых стран

Проведенный анализ показывает, что антикоррупционная политика рассмотренных стран имеет множество сходных черт, обусловленных весьма похожими идейными основаниями, положенными в основу борьбы со злоупотреблениями чиновников. Представляется, что эти базовые ценностные подходы в определенной степени связаны с англосаксонской политико-правовой традицией. При этом наблюдаются и существенные различия в реализации антикоррупционной политики в целом ряде важных аспектов, которые, как будет показано ниже, в значительной степени объясняются историко-культурными особенностями каждого государства. Также серьезно различается эффективность принимаемых странами мер, что выражается в измеряемых в них уровнях коррупции. Рассмотрим описанные особенности, начав с оценки эффективности.

Оценка эффективности антикоррупционных мер. Для иллюстрации этого можно обратиться к исследованиям, которые проводит Transparency International и которые для данных целей подходят тем, что проводятся по одинаковой методике по всем четырем странам. Известно, что методики TI часто подвергаются критике (см., например, [56]), однако в отношении изучаемых стран или хотя бы того, что касается их соотношения друг с другом, серьезных возражений пока не высказано.

Итак, по итогам 2018 г. в Corruption Perception Index Великобритания заняла 11-е место с 80 баллами. США получили 71 балл и оказались на 22-м месте [93]. Правда, это самый низкий показатель страны за последние годы, который, возможно, является временным колебанием. Наилучшие показатели продемонстри-

ровал Сингапур, заняв 3-е место с 85 баллами и в очередной раз поставив под сомнение прочность взаимосвязи между уровнем демократии и коррупцией [94].

Наиболее неблагоприятная ситуация с коррупцией наблюдается в Индии, занявшей 78-е место из 180 государств с 41 баллом. При этом, согласно другому исследованию — *Global Corruption Barometer*, Индия имеет один из самых высоких уровней взяточничества в мире: почти 70% опрошенных сообщили, что, обратившись за государственными услугами, вынуждены были заплатить взятку [95].

Сходство антикоррупционной политики стран англосаксонской традиции. Несмотря на различия в конечных результатах, все четыре страны применяли во многом схожие подходы в антикоррупционной политике, что, по всей видимости, обусловлено англосаксонской политико-правовой традицией.

Во-первых, в каждой стране существует комплекс детально проработанных документов в виде законов, национальных и локальных программ, а также других законодательных актов и формализованных правительственных инициатив в сфере борьбы с коррупцией. В Великобритании — это национальная Антикоррупционная Стратегия и местные программы вкупе с обширным сводом законов, берущим начало еще в XIX в. В США национальное законодательство и более детализованные программы штатов. В Индии в роли национальной программы выступает объемное Руководство по бдительности (*Vigilance Manual*), которое с 1968 г. выпускается Центральной комиссией бдительности (CVC) и в 2017 г. вышло уже в седьмом издании. Наконец, в Сингапуре — это принятый еще в 1937 г. и несколько раз уже обновлявшийся *Prevention of corruption ordinance* (а с 1960 — act) и последовавший за ним целый ряд законодательных актов.

Во-вторых, следует указать на наличие в изучаемых странах сильных и максимально независимых антикоррупционных органов. Причем их функции не обязательно централизованы в едином институте с широкими полномочиями таким, как сингапурское СРІВ, но могут быть рассредоточены среди целого ряда специализированных ведомств, как в США, Англии и Индии. Однако обязательным является самостоятельность, активность и обеспеченность ресурсами антикоррупционных ведомств. Так, в Англии и Индии в назначении глав антикоррупционных ведомств принимают участие представители парламентской оппозиции. В США специальными полномочиями по расследованию злоупотреблений обладают Сенат и Конгресс. То есть везде борьба со взяточничеством ведется не в рамках внутриведомственных структур, а под прямым контролем высших органов власти, что дает главам антикоррупционных бюро значительную независимость и полномочия. Даже в менее демократическом Сингапуре СРІВ выведена из-под влияния министерств и подчиняется напрямую офису премьер-министра.

В-третьих, характерной чертой рассмотренных стран, за исключением Сингапура, выступает сильная роль гражданского общества и СМИ в вопросах борьбы с коррупцией. Сюда же следует добавить требования по повышению прозрачности и информационной открытости в деятельности органов власти. Для внедрения таких принципов в США, Великобритании и Индии были приняты специальные нормативно-правовые акты. Также необходимо обратить внимание на наличие

в данных странах сильного антикоррупционного выборного законодательства, которое призвано минимизировать возможность злоупотреблений со стороны участников избирательного процесса и тем самым поддержать демократические открытые процедуры.

Наконец, следует указать на детализированные и проработанные правила поведения государственных служащих. Показательно, что в Англии, где сильную роль в предотвращении коррупции традиционно играли неписанные нормы и правила, в последние годы прилагаются значительные усилия по формализации процесса продвижения и поддержке высоких этических стандартов в государственных органах власти, а также в органах местного самоуправления. Для этого, в частности, создаются соответствующие контролирующие комитеты, разрабатываются специальные кодексы поведения и т.д.

Таким образом, применительно к анализируемым в статье четырем странам можно говорить о сходстве идеологии в государственном управлении в области борьбы с коррупцией и наличии определенных общих подходов. Это, по всей видимости, как раз обусловлено англосаксонскими традициями. Вместе с тем имеются и заметные отличия в результатах антикоррупционной политики, что вызвано, вероятно, изначальными различиями в том культурном базисе, на который внедрялись англосаксонские элементы.

Различия в борьбе с коррупцией в изучаемых странах. Одним из ключевых факторов, определяющим национальные подходы к борьбе с коррупцией, выступает отношение общества к данной проблематике. От этого в очень существенной степени зависят и результаты антикоррупционной политики. Так, в Англии и США общество крайне негативно относится даже к незначительным проявлениям неформальных связей, клановости и кумовства. Справедливая конкуренция и равенство прав — базовые ценности этих сообществ, которые берут начало еще в английской Хартии Вольностей и американском Билле о правах. Это объясняет, почему граждане с таким упорством требуют отчета чиновников об их доходах и с большим возмущением реагируют даже на незначительные злоупотребления. Именно отсюда проистекают всесторонние регуляции деятельности госслужащих в США и создание Independent Parliamentary Standards Authority, а также других многочисленных комиссий по этике в Англии.

В азиатских культурах Индии и Сингапура отношение к неформальным связям изначально иное. При этом в Сингапуре, власти сумели приблизиться к низкой толерантности к злоупотреблениям, нивелируя давлением «сверху» культурно-исторические предпосылки мздоимства. В Индии же ситуация оказалась иной. Влиятельные элитные группы после ухода английских колониальных властей активно включились в борьбу за лидерство и в итоге поделили государственные структуры и финансовые потоки сверху до низу, что для рядовых граждан не является секретом и часто воспринимается как норма, о чем говорит, например, известный индийский активист Anna Hazare [28]. В борьбе с неформальными связями Сингапур сделал ставку на репрессивный подход в деятельности СРІВ, а Индия попыталась сочетать действия правоохранителей с общественным контролем, что не всегда было эффективным при пассивной роли основной массы индийского населения.

Важным аспектом национальной культуры является отношение к государственной службе. В Англии и США эта деятельность считается неразрывно связанной с более высоким уровнем ответственности, что негласно подразумевает и определенные моральные обязательства. Через призму подобного восприятия госслужащий на своей должности не просто выполняет некий набор функциональных обязанностей, но несет при этом важную общественную миссию. В этом плане его работа имеет в глазах общества более благородный характер, что одновременно предъявляет и повышенные морально-этические требования. Отсюда в США и Англии множество преимуществ чиновничьей карьеры (часто нематериальных), но вместе с тем и множество ограничений и максимальная прозрачность.

В Сингапуре подобного рода психологические установки исторически не были характерны для населения. Поэтому власти сделали ставку на материальное стимулирование чиновников и, с другой стороны, на жесткое антикоррупционное законодательство. Об остроте проблемы говорит то, что, несмотря на первоначальную бедность госбюджета, Сингапур установил одни из самых высоких вознаграждений в мире для своих чиновников.

В Индии же при слабых общественно-культурных ограничениях коррупции материальное вознаграждение чиновников также находится на невысоком уровне. Во многом это связано с тем, что государство сочло слишком обременительным платить достойное вознаграждение многочисленной армии госслужащих. Это, в свою очередь, фактически принуждает их искать возможности дополнительного заработка, в том числе посредством использования своего служебного положения. Дело доходит до того, что низшие чиновники в сельской местности фактически приватизируют свои должности, ведя дела прямо из собственного дома. Однако традиционное общество, за исключением крупных городов, в целом относительно спокойно относится к этому [18].

Влияние историко-культурных факторов на имплементацию антикоррупционных практик. Таким образом, рассмотренные страны демонстрируют сходство в подходах в борьбе с коррупцией, но существующие национальные реалии привели к разной организации этой борьбы и к разным ее результатам. Это подтверждает тезис о значительном влиянии изначального культурно-исторического базиса как на эффективность, так и на особенности антикоррупционной политики. Тем самым она отражает своего рода неповторимость и уникальность той или иной национальной культуры.

Среди анализируемых в работе четырех стран, прежде всего, следует выделить Англию, которая является первоисточником англосаксонских традиций. Для нее характерны высокие морально-этические стандарты поведения чиновничества, которые опираются как на исторические традиции, так и на нормы новых этических кодексов, а также подкрепляются пристальным вниманием СМИ и общества к работе госаппарата. Также важнейшими элементами борьбы со злоупотреблениями власти выступают несколько сильных и независимых антикоррупционных органов и обширное законодательство в этой сфере вкупе с национальной антикоррупционной Стратегией.

Близким к Англии примером являются США. Заимствованные американским обществом английские институты и культурные паттерны попали хотя и на новую, но, тем не менее, близкую по ментальности почву. В результате они смогли здесь органично развиваться естественным и последовательным путем. Тем не менее, в случае с США уже имеется заметный отход от английского первоисточника, что во многом связано с особенностями исторического развития этой страны. В частности, заметна высокая степень децентрализации антикоррупционной политики с национального на уровень штатов. Большое значение имеют именно местные законы, программы и институты. Также первоначальный дефицит исторических традиций обусловил высокую степень детализации антикоррупционных процедур и наличие многочисленных контролирующих структур, как государственных, так и общественных, не говоря уже о СМИ. А история становления американского государства обусловила критическое отношение общества к власти и любому расширению ее полномочий и привилегий.

Тем не менее, в американском и английском сценарии конечные результаты в сфере становления антикоррупционной политики, несмотря на определенные различия, оказались схожими из-за родственных культурных и исторических оснований. Совершенно иная ситуация наблюдалась при переносе англосаксонских элементов в страны с принципиально другой культурно-исторической матрицей. При этом можно описать два варианта развития событий.

В первом из них происходил трансфер внешних элементов в сложившуюся зрелую культуру со своей многовековой историей и традицией. Такой пример представляет собой Индия. Одной из причин широкого распространения коррупции в этой стране выступают культурные предпосылки, которые снижают эффективность антикоррупционных мер. К примеру, и в Великобритании, и в Индии имеются схожие законы о доступе к информации, однако результаты получились разные. Вместе с тем имеется вероятность, что со временем элементы старой культурной системы, тормозящие укоренение модернистских установок и моделей поведения, будут преодолены. В частности, процессы урбанизации и рост численности среднего класса, для которого характерна ориентация на западные ценности, начинают менять привычное для индийского общества лояльное отношение к коррупции и усиливают требования по повышению прозрачности процесса принятия решений в секторе государственного и муниципального управления.

Другой сценарий складывается в «молодых» государствах, где по каким-либо причинам оказались не сформированы устойчивые группы и влиятельные институты. В этом случае минимизируется противостояние между старыми культурными основаниями и новыми ценностями и моделями поведения. Примером такого государства является Сингапур. Однако надо помнить, что и здесь, хотя государству в значительной степени удалось подавить традиционные неформальные связи на госслужбе, нет уверенности, что общество органично приняло английские ценности и правила игры. Об этом говорит, например, пассивность НКО и слабость местных СМИ, фактически контролируемых властью.

Выводы

Данное исследование призвано ответить на вопрос о наличии сходных элементов в антикоррупционной политике стран, унаследовавших англосаксонскую политико-правовую традицию. Как уже отмечалось, в некоторых работах (например, [96]) опыт английского правления входит в число факторов, которые позитивно воздействуют на снижение уровня злоупотреблений в обществе. Настоящее исследование должно было подтвердить, а также уточнить данный вывод через рассмотрение конкретных административно-правовых инструментов, которые применяются в разных странах для борьбы с коррупцией. При этом предполагалось, что действенность подобных инструментов в значительной степени зависит от культурных предпосылок [34]. Они могут быть выражены в исторически сложившихся моделях поведения, в отношении общества и элит к злоупотреблениям во власти и т.д.

Проведенный анализ показал, что действительно имеется схожесть в подходах к борьбе с коррупцией в рассмотренных странах, которая, по всей видимости, в немалой степени обусловлена англосаксонским фактором. Среди таких общих черт можно выделить:

- ◆ наличие специального антикоррупционного законодательства, национальных и местных стратегий или программ и других формализованных документов в области борьбы со злоупотреблениями;
- ◆ формирование независимого антикоррупционного органа или органов с широкими полномочиями;
- ◆ активность гражданского общества и СМИ в повышении прозрачности власти;
- ◆ внедрение и поддержку высоких этических стандартов в сфере государственной службы.

В то же время исследование показало и наличие существенных различий в антикоррупционной политике рассматриваемых стран. Такие различия, как представляется, в первую очередь связаны с культурно-исторической спецификой государств и могут серьезно видоизменять или искажать первоначальные принципы, которые закладывались в основу борьбы с коррупцией.

В заключение хотелось бы отметить, что применяемые в англосаксонских странах антикоррупционные практики и подходы могут быть востребованы и для нашей страны. Это, в частности, создание атмосферы нулевой толерантности к коррупции, формирование независимых антикоррупционных органов, повышение прозрачности и подотчетности государственного аппарата и т.д.

Кроме того, в качестве дискуссионного утверждения можно предложить вывод о том, что при переносе удачного опыта антикоррупционной политики в иную социокультурную среду успех зависит от того, имеются ли общественные институты, которые будут сопротивляться этому. Чем их меньше, тем больше шансов, что новые нормы и правила будут усвоены. Но даже в случае с пропитанной коррупцией Индией нельзя сказать, что имплементация положений английского законодательства, базирующихся на иных, нежели традиционная культура,

ценностных основаниях, закончится неудачно. Правда, такой процесс может занять долгое время. Важную роль при этом может сыграть повышенное внимание к данным вопросам в общественно-политической дискуссии. Кроме того, очевидно, что конечная результирующая конфигурация антикоррупционной политики будет отличаться от английского образца, приобретя собственные национально-культурные особенности.

Библиографический список

- [1] *Астафьева Е.М.* Борьба с коррупцией в Сингапуре: стратегия и практика // *Азия и Африка сегодня*. 2016. № 1 (702). С. 52—59.
- [2] *Баумик С.К.* Сложность контроля над коррупцией в условиях политической демократии // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2015. № 4 (36). С. 26—35.
- [3] *Громыко А.А.* Коррупция в верхних эшелонах власти Великобритании // *Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer*. 2010. № 10 (249). С. 117—128.
- [4] *Дроздова О.А., Литовка А.Б.* Некоторые вопросы правового регулирования противодействия коррупции: российский и зарубежный опыт // *Отечественная юриспруденция*. 2017. № 6 (20). С. 10—13.
- [5] *Ефимов Г.В.* Борьба с коррупцией в Сингапуре // *Россия и АТР*. 2008. № 2 (60). С. 125—127.
- [6] *Лазарев Е.А.* Политическая коррупция: объясняя природу постсоветских трансформаций // *Полис. Политические исследования*. 2010. № 2. С. 106—121.
- [7] *Лунев С.И.* Индийская цивилизация в глобализирующемся мире // *Мировая экономика и международные отношения*. 2003. № 3. С. 74—83.
- [8] *Слонская М.С.* Коррупция в Индии: масштабы и методы борьбы с ней // *Азия и Африка сегодня*. 2015. № 7 (696). С. 28—33.
- [9] *Смирнова Л.Н.* Борьба с коррупцией в Китае: Конвенция ООН против коррупции и «особая китайская модель» // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. 2015. № 2. С. 71—90.
- [10] *Суворин Э.В.* Коррупция и демократия: парадоксы взаимосвязи // *Социология власти*. 2008. № 3. С. 113—121.
- [11] *Харичева М.С.* Сингапур: история и опыт борьбы с коррупцией // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2011. № 10. С. 98—102.
- [12] *Чехлатова Е.А.* Развитие антикоррупционного противодействия в Великобритании // *Правовестник*. 2016. № 1 (1). С. 44—45.
- [13] *Шатохин А.В.* Сравнительно-правовой анализ опыта борьбы с коррупцией в США // *Экономика, управление и право: инновационное решение проблем: сборник статей под редакцией Г.Ю. Гуляева*. 2016. С. 173—175.
- [14] *Юнченко Е., Мохорова А.* Сравнение методов борьбы с коррупцией в Китае и Сингапуре // *Актуальные проблемы науки и практики*. 2015. № 1 (001). С. 65—71.
- [15] *Agrawal C.* Right to Information: A Tool for Combating Corruption in India // *Journal of Management and Public Policy*. 2012. 3 (2). P. 26.
- [16] *Alt J.E., Lassen D.D.* The Political Economy of Institutions and Corruption in American States // *Journal of Theoretical Politics*. 2003. 15 (3). P. 341—365.
- [17] *Andvig J.C., Moene K.O.* How Corruption May Corrupt // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 1990. 13 (1). P. 63—76.
- [18] *Anjaria J.S.* Ordinary States: Everyday Corruption and the Politics of Space in Mumbai // *American Ethnologist*. 2011. 38 (1). P. 58—72.
- [19] *Anti-bribery and corruption training videos* // *City of London Police*. Режим доступа: cityoflondon.police.uk/advice-and-support/fraud-and-economic-crime/oacu/0780345890-fgldkemdDLdfdfkKWQ-03451980-cpvideo/Pages/default.aspx. Дата обращения: 15.03.2019.

- [20] Anti-Fraud and Corruption Policy & Response Plan // Greater London Authority. 2017. Режим доступа: london.gov.uk/sites/default/files/anti-fraud_corruption_framework_-_jul_17.pdf. Дата обращения: 15.03.2019.
- [21] *Bardhan P.* Corruption and Development: A Review of Issues // *Journal of Economic Literature*. 1997. 35 (3). P. 1320—1346.
- [22] *Barr A., Serra D.* Corruption and Culture: An Experimental Analysis // *Journal of Public Economics*. 2010. 94 (11, 12). P. 862—869.
- [23] *Berg L.L., Hahn H., Schmidhauser J.R.* Corruption in the American Political System // General Learning Press, 1976. 250 p.
- [24] *Bussell J.L.* Why Get Technical? Corruption and the Politics of Public Service. Reform in the Indian States // *Comparative Political Studies*. 2010. 43 (10). P. 1230—1257.
- [25] Central Bureau of Investigation. Режим доступа: cbi.gov.in/. Дата обращения: 15.03.2019.
- [26] Central Vigilance Commission. Режим доступа: cvc.nic.in/. Дата обращения: 11.03.2019.
- [27] Central Vigilance Commission: Eradicate Corruption — Build a New India. Режим доступа: pledge.cvc.nic.in/. Дата обращения: 13.03.2019.
- [28] *Chowdhury R., Banerjee S., Nagarkoti D.S.* Anna Hazare: A Corruption Crusader and His Grassroots Wisdom // *Journal of Management Inquiry*. 2017. № 26 (4). P. 383—389.
- [29] Citizen's Charter // Government of India. Режим доступа: goicharters.nic.in/. Дата обращения: 15.03.2019.
- [30] Conservative MPs Sir Nicholas and Ann Winterton Broke Commons Expenses Rules // *The Telegraph*. 18.06.2008. Режим доступа: telegraph.co.uk/news/politics/2151611/Conservative-MPs-Sir-Nicholas-and-Ann-Winterton-broke-Commons-expenses-rules.html. Дата обращения: 15.03.2019.
- [31] Corrupt Practices Investigation Bureau (CPIB). Режим доступа: cpib.gov.sg/about-cpib/our-heritage. Дата обращения: 12.03.2019.
- [32] Corruption Perceptions Index (CPI) — Transparency International. Режим доступа: <https://www.transparency.org/research/cpi>. Дата обращения: 15.03.2019.
- [33] *Davis H.* Ethics and Standards of Conduct // *Public Management and Government*. Т. Bovaird, E. Löffler (Eds.). New York: Routledge, 2009. P. 213—223.
- [34] *Dimant E., Schulte T.* The Nature of Corruption: An Interdisciplinary Perspective // *German LJ*. 2016. 17 (1). P. 53—72.
- [35] *Doig A.* From Lynskey to Nolan: The Corruption of British Politics and Public Service // *JL & Soc'y*. 1996. № 23. P. 36.
- [36] *Ekhtator E.O.* Public Sector Ethics in the United Kingdom: An Overview // *Inkanyiso: Journal of Humanities and Social Sciences*. 2012. 4 (2). P. 91—100.
- [37] Freedom in the World — India 2016 // Freedom House. Режим доступа: freedomhouse.org/report/freedom-world/2016/india. Дата обращения: 15.03.2019.
- [38] *Glaeser E.L., Saks R.E.* Corruption in America // *Journal of Public Economics*. 2006. 90 (6—7). P. 1053—1072.
- [39] *Gordon C.* Costing and Curing Corruption in Public Transit Agencies: A Preliminary Assessment of New York and Los Angeles // *Journal of Financial Crime*. 2006. 13 (4). P. 442—455.
- [40] *Gowda M.R., Sridharan E.* Reforming India's Party Financing and Election Expenditure Laws // *Election Law Journal*. 2012. 11 (2). P. 226—240.
- [41] *Grabova P.* Corruption Impact on Economic Growth: An Empirical Analysis // *Journal of Economic Development, Management, IT, Finance, and Marketing*. 2014. 6 (2). P. 57.
- [42] *Hager L.M.* Bureaucratic Corruption in India: Legal Control of Maladministration // *Comparative Political Studies*. 1973. 6 (2). P. 197—219.
- [43] Half of Conservative Party MEPs Ignoring Expenses Rules // *The Telegraph*. 08.06.2008. Режим доступа: telegraph.co.uk/news/politics/conservative/2096020/Half-of-Conservative-Party-MEPs-ignoring-expenses-rules.html. Дата обращения: 10.03.2019.

- [44] Harrods Big Spender Fights to Keep Mansion // BBC News. 25.07.2018. Режим доступа: bbc.co.uk/rhb/news/world-44954587. Дата обращения: 12.03.2019.
- [45] *Hazell R., Bourke G., Worthy B.* Open House? Freedom of Information and Its Impact on the UK Parliament // *Public Administration*. 2012. 90 (4). P. 901—921.
- [46] An Inspection of Arrangements to Ensure Integrity and to Provide the Capability to Tackle Corruption in Policing. Her Majesty's Inspectorate of Constabulary (HMIC). 2015. Режим доступа: justiceinspectors.gov.uk/hmicfrs/wp-content/uploads/police-integrity-and-corruption-2015.pdf. Дата обращения: 15.03.2019.
- [47] *Heumann P.B.* Democracy and Corruption // *Fordham Int'l LJ*. 1996. 20. P. 323.
- [48] Honours (Prevention of Abuses) Act 1925. Режим доступа: legislation.gov.uk/ukpga/1925/72/pdfs/ukpga_19250072_en.pdf. Дата обращения: 10.03.2019.
- [49] House of Commons. Committee on Standards and Privileges. Mrs Caroline Spelman, Sixth Report of Session 2008—09. Режим доступа: publications.parliament.uk/pa/cm200809/cmselect/cmstnprv/316/9780215528964.pdf. Дата обращения: 10.03.2019.
- [50] *Jacobs J.B.* Is Labor Union Corruption Special? // *Social research*. 2013. 80 (4). P. 1057—1086.
- [51] *Jain A.K.* Corruption: A Review // *Journal of Economic Surveys*. 2001. 15 (1). P. 71—121.
- [52] *Jauregui B.* Provisional Agency in India: Jugaad and Legitimation of Corruption // *American Ethnologist*. 2014. 41 (1). P. 76—91.
- [53] *Johnston M.* Corruption and Political Culture in Britain and the United States // *Innovation: The European Journal of Social Science Research*. 1989. 2 (4). P. 417—436.
- [54] *Johnston M.* Corruption and Democratic Consolidation. Prepared for a Conference on “Democracy and Corruption”, Shelby Cullom Davis Center for Historical Studies. Princeton University March 12, 1999. Режим доступа: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.203.1955&rep=rep1&type=pdf>. Дата обращения: 15.03.2019.
- [55] *Johnstone P., Brown G.* International Controls of Corruption: Recent Responses from the USA and the UK // *Journal of Financial Crime*. 2004. 11 (3). P. 217—248.
- [56] *Ko K., Samajdar A.* Evaluation of International Corruption Indexes: Should We Believe Them or Not? // *The Social Science Journal*. 2010. 47 (3). P. 508—540.
- [57] *Lawton A., Macaulay M.* From Birth to Death: The Life of the Standards Board for England // *Public Administration Review*. 2017. 77 (5). P. 720—729.
- [58] *Levitt S.D.* Understanding why Crime Fell in the 1990s: Four Factors that Explain the Decline and Six that Do not // *Journal of Economic perspectives*. 2004. 18 (1). P. 163—190.
- [59] *Mastruzzi M., Kraay A., Kaufmann D.* Governance Matters VI: Aggregate and Individual Governance Indicators, 1996—2006. Washington, DC: World Bank, 2007. 94 p.
- [60] *Mauro P.* Corruption and Growth // *The Quarterly Journal of Economics*. 1995. 110 (3). P. 681—712.
- [61] Ministry of Communications and Information of Singapore. Режим доступа: reach.gov.sg/about-us/about-reach. Дата обращения: 15.03.2019.
- [62] *Mohamed Nasir K., Turner B.S.* Governing as Gardening: Reflections on Soft Authoritarianism in Singapore // *Citizenship Studies*. 2013. 17 (3—4). P. 339—352.
- [63] New York City Charter (Chapter 34). Department of Investigation. Режим доступа: 1.nyc.gov/html/records/pdf/section%201133_citycharter.pdf. Дата обращения: 12.03.2019.
- [64] Newspaper and Printing Presses Act. Режим доступа: singaporepress.pbworks.com/w/page/11489282/Newspaper%20and%20Printing%20Presses%20Act. Дата обращения: 15.03.2019.
- [65] The Global: Programme Against Corruption. UN Anti-Corruption Toolkit. United Nations Office on Drugs and Crime. 2nd edition. Vienna; 2004. 655 p. Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/corruption/Toolkit_ed2.pdf. Дата обращения: 15.03.2019.
- [66] OECD Economic Surveys: India 2017 // OECD. Режим доступа: oecd.org/eco/surveys/INDIA-2017-OECD-economic-survey-overview.pdf. Дата обращения: 15.03.2019.
- [67] *Olken B.A., Pande R.* Corruption in Developing Countries // *Annu. Rev. Econ.* 2012. 4 (1). P. 479—509.

- [68] *Peisakhin L., Pinto P.* Is Transparency an Effective Anti-corruption Strategy? Evidence from a Field Experiment in India // *Regulation & Governance*. 2010. 4 (3). P. 261—280.
- [69] Prevention of Corruption Act // Singapore Statutes Online Plus. Режим доступа: sso.agc.gov.sg/Act/PCA1960?ProvIds=legis#legis. Дата обращения: 12.03.2019.
- [70] Public Service Division. Режим доступа: psd.gov.sg/. Дата обращения: 13.03.2019.
- [71] Q&A: MP Expenses Row Explained // BBC News. 14.03.2010. Режим доступа: news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/8301443.stm. Дата обращения: 11.03.2019.
- [72] *Quah J.S.* Police Corruption in Singapore: An Analysis of Its Forms, Extent and Causes // *Singapore Police Journal*. 1979. 10 (1). P. 7—43.
- [73] *Quah J.S.* Combating Corruption in Singapore: What Can be Learned? // *Journal of Contingencies and Crisis Management*. 2001. 9 (1). P. 29—35.
- [74] *Quah J.S.* Anti-corruption Agencies in Four Asian Countries: A Comparative Analysis // *Comparative Governance Reform in Asia: Democracy, Corruption, and Government Trust*. 2008. P. 85—109.
- [75] *Quah J.S.* Singapore's Corrupt Practices Investigation Bureau: Four Suggestions for Enhancing Its Effectiveness // *Asian Education and Development Studies*. 2015. 4 (1). P. 76—100.
- [76] *Quah J.S.* Singapore's Success in Combating Corruption: Lessons for Policy Makers // *Asian Education and Development Studies*. 2017. 6 (3). P. 263—274.
- [77] Republic of Singapore, Government Gazette Acts Supplement. Singapore: Singapore National Printers, 1989. № 13.
- [78] Revealed: How Gangs Used the Freemasons to Corrupt Police // *The Independent*. 13.01.2014. Режим доступа: russian.rt.com/article/20834. Дата обращения: 15.03.2019.
- [79] *Riley P., Roy R.K.* Corruption and Anticorruption: The Case of India // *Journal of Developing Societies*. 2016. 32 (1). P. 73—99.
- [80] *Rose-Ackerman S.* The Political Economy of Corruption // *Corruption and the Global Economy*. 1997. 31. 60 p.
- [81] *Rose-Ackerman S., Truex R.* Corruption and Policy Reform // *Yale Law & Economics Research Paper*. 2012. 444 p.
- [82] *Salmon T.C., Serra D.* Corruption, Social Judgment and Culture: An Experiment // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2017. № 142. P. 64—78.
- [83] *Sproat P.A.* To What Extent is the UK's Anti-money Laundering and Asset Recovery Regime Used against Organised Crime? // *Journal of Money Laundering Control*. 2009. 12 (2). P. 134—150.
- [84] *Sun T.W.* Governing Singapore: The Group Representation Constituency (GRC) System and Its Effect on Inclusiveness and Electoral Participation // *Asian Education and Development Studies*. 2015. 4 (3). P. 282—298.
- [85] *Tanzi V.* Corruption around the World: Causes, Consequences, Scope, and Cures // *Staff Papers*. 1998. 45 (4). P. 559—594.
- [86] The Corruption (Confiscation of Benefits). Bill № 7/1989 // Singapore Statutes Online Plus. Режим доступа: sso.agc.gov.sg/Bills-Supp/7-1989/Published/19890116?DocDate=19890116. Дата обращения: 14.03.2019.
- [87] The Lokpal and Lokayuktas Act, 2013. Режим доступа: prsindia.org/uploads/media/Lok%20Pal%20Bill%202011/Lokpal_Bill_as_passed_by_both_Houses.pdf. Дата обращения: 15.03.2019.
- [88] The NYC Campaign Finance Board. Режим доступа: nyscfb.info/. Дата обращения: 18.03.2019.
- [89] The NYC Commission to Combat Police Corruption. Режим доступа: 1.nyc.gov/site/ccrc/index.page. Дата обращения: 18.03.2019.
- [90] The NYC Conflicts of Interest Board. Режим доступа: 1.nyc.gov/site/coib/index.page. Дата обращения: 18.03.2019.

- [91] Tony McNulty, Benefit Cheat // *The Spectator*. 26.03.2009. Режим доступа: blogs.spectator.co.uk/2009/03/tony-mcnulty-benefit-cheat. Accessed: 15.03.2019.
- [92] Tory MPs Were Paid to Plant Questions Says Harrods Chief // *The Guardian*. 20.10.1994. Режим доступа: [theguardian.com/politics/1994/oct/20/conservatives.uk](https://www.theguardian.com/politics/1994/oct/20/conservatives.uk). Дата обращения: 16.03.2019.
- [93] Corruption Perceptions Index 2018 // Transparency International. Режим доступа: [transparency.org/cpi2018](https://www.transparency.org/cpi2018). Дата обращения: 27.03.2019.
- [94] How Corruption Weakens Democracy // Transparency International. 29.01.2019. Режим доступа: [transparency.org/news/feature/cpi_2018_global_analysis](https://www.transparency.org/news/feature/cpi_2018_global_analysis). Дата обращения: 25.03.2019.
- [95] People and Corruption: Asia Pacific (2017) // Transparency International. Режим доступа: [transparency.org/whatwedo/publication/people_and_corruption_asia_pacific_global_corruption_barometer](https://www.transparency.org/whatwedo/publication/people_and_corruption_asia_pacific_global_corruption_barometer). Дата обращения: 25.03.2019.
- [96] *Treisman D.* The Causes of Corruption: A Cross-national Study // *Journal of Public Economics*. 2000. 76 (3). P. 399—457.
- [97] United Kingdom Anti-Corruption Strategy 2017. Режим доступа: assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/667221/6_3323_Anti-Corruption_Strategy_WEB.pdf. Дата обращения: 13.03.2019.
- [98] *Verma R.K., Kumar S., Ilavarasan P.V.* Government Portals, Social Media Platforms and Citizen Engagement in India: Some Insights // *Procedia Computer Science*. 2017. № 122. P. 842—849.
- [99] *Vijayalakshmi V.* Rent-seeking and Gender in Local Governance // *The Journal of Development Studies*. 2008. 44 (9). P. 1262—1288.
- [100] *Weschle S.* Punishing Personal and Electoral Corruption: Experimental Evidence from India // *Research & Politics*. 2016. 3 (2). P. 1—6.
- [101] *Weyland K.G.* The Politics of Corruption in Latin America // *Journal of Democracy*. 1998. № 9 (2). P. 108—121.
- [102] *Whyte D.* *How Corrupt is Britain?* London: Pluto Press, 2015. 198 p.
- [103] Will Growth Slow Corruption in India? // *Forbes*. 15.08.2007. Режим доступа: [forbes.com/2007/08/15/wipro-tata-corruption-ent-law-cx_kw_0814whartonindia.html#64b86a3d203f](https://www.forbes.com/2007/08/15/wipro-tata-corruption-ent-law-cx_kw_0814whartonindia.html#64b86a3d203f). Дата обращения: 15.03.2019.

История статьи:

Статья поступила в редакцию 15.05.2019.

Статья принята к публикации 25.06.2019.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-470-502

Research article

Combating Corruption in the Countries of Anglo-Saxon Tradition (Using Examples of Great Britain, India, Singapore and the USA)

A.P. Strakhov

Open Society Center

Spiridonovka str., 22/2, 123001, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article examines the experience of combating corruption in Great Britain, India, Singapore and the US. Despite all the differences, these countries have a common trait that was formed in the course of their historical development: they all share certain elements of the Anglo-Saxon tradition

in the cultural, political and legal spheres. The purpose of the research is to examine the influence of these elements on anti-corruption policies. The analysis has revealed that the countries under review apply similar approaches, institutional mechanisms and ideologies to counter and eliminate corrupt behavior, which can be attributed to the shared factor of the Anglo-Saxon tradition. At the same time, the effectiveness of the measures used to eradicate corruption largely depends on economic conditions, behavioral attitudes, behavior patterns that are historically rooted in society, etc. In this context, the cultural component is of particular importance. The aforementioned countries' analogous anti-corruption practices and tools can substantially vary under the influence of historically established national and cultural characteristics, significantly deviating from their original British roots. In addition, success in the fight against corruption directly depends on whether certain public institutions, whose cultural and behavioral nature dictates them to resist the introduction of new anti-corruption measures, remain present.

Keywords: English-speaking countries, Anglo-Saxon tradition, combating corruption, national culture, institutions and legislation

References

- [1] Astafieva E.M. Combating Corruption in Singapore: Strategy and Practice. *Asia and Africa Today*. 2016; 1 (702): 52—59 (In Russ.).
- [2] Baumik S.K. The Difficulty of Controlling Corruption in Political Democracy. *Trending Issues of Economy and Law*. 2015; 4 (36): 26—35 (In Russ.).
- [3] Gromyko A.A. Corruption in the Upper Echelons of Power in the UK. *Scientific and Analytical Journal Observer*. 2010; 10 (249): 117—128 (In Russ.).
- [4] Drozdova O.A., Litovka A.B. Some Issues of Legal Regulation of Countering Corruption: Russian and Foreign Experience. *Domestic Jurisprudence*. 2017; 6 (20): 10—13 (In Russ.).
- [5] Efimov G.V. Fighting Corruption in Singapore. *Russia and the APR*. 2008; 2 (60): 125—127 (In Russ.).
- [6] Lazarev E.A. Political Corruption: Explaining the Nature of Post-Soviet Transformations. *Polis. Political studies*. 2010; 2: 106—121 (In Russ.).
- [7] Lunev S.I. Indian Civilization in a Globalizing World. *World Economy and International Relations*. 2003; 3: 74—83 (In Russ.).
- [8] Slonskaya M.S. Corruption in India: Scales and Methods of Dealing with It. *Asia and Africa Today*. 2015; 7 (696): 28—33 (In Russ.).
- [9] Smirnova L.N. Combating Corruption in China: The UN Convention against Corruption and the “Special Chinese Model”. *Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Science*. 2015; 2: 71—90 (In Russ.).
- [10] Suvorin E.V. Corruption and Democracy: The Paradoxes of the Relationship. *Sociology of Power*. 2008; 3: 113—121 (In Russ.).
- [11] Kharicheva M.S. Singapore: History and Experience in the Fight against Corruption. *The Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2011; 10: 98—102 (In Russ.).
- [12] Chekhlatova E.A. The Development of Anti-corruption Counteractions in the UK. *Pravovestnik*. 2016; 1 (1): 44—45 (In Russ.).
- [13] Shatokhin A.V. Comparative Legal Analysis of the Experience of Combating Corruption in the United States. *Economics, Management and Law: Innovative Problem Solving*. Digest of articles under the editorship of Gulyaev G. 2016: 173—175 (In Russ.).
- [14] Yunchenko E., Mohorova A. Comparison of Methods of Fighting Corruption in China and Singapore. *Actual Problems of Science and Practice*. 2015; 1 (001): 65—71 (In Russ.).
- [15] Agrawal C. Right to Information: A Tool for Combating Corruption in India. *Journal of Management and Public Policy*. 2012; 3 (2): 26.
- [16] Alt J.E., Lassen D.D. The Political Economy of Institutions and Corruption in American States. *Journal of Theoretical Politics*. 2003; 15 (3): 341—365.
- [17] Andvig J.C., Moene K.O. How Corruption May Corrupt. *Journal of Economic Behavior & Organization*. 1990; 13 (1): 63—76.

- [18] Anjaria J.S. Ordinary States: Everyday Corruption and the Politics of Space in Mumbai. *American Ethnologist*. 2011; 38 (1): 58—72.
- [19] Anti-bribery and corruption training videos. *City of London Police*. Available from: cityoflondon.police.uk/advice-and-support/fraud-and-economic-crime/oacu/0780345890-fgldkemdDLdfdfdKWQ-03451980-cpvideo/Pages/default.aspx. Accessed: 15.03.2019.
- [20] Anti-Fraud and Corruption Policy & Response Plan. *Greater London Authority*. Available from: london.gov.uk/sites/default/files/anti-fraud_corruption_framework_-_jul_17.pdf. Accessed: 15.03.2019.
- [21] Bardhan P. Corruption and Development: A Review of Issues. *Journal of Economic Literature*. 1997; 35 (3): 1320—1346.
- [22] Barr A., Serra D. Corruption and Culture: An Experimental Analysis. *Journal of Public Economics*. 2010; 94 (11, 12): 862—869.
- [23] Berg L.L., Hahn H., Schmidhauser J.R. *Corruption in the American Political System*. General Learning Press; 1976. 250 p.
- [24] Bussell J.L. Why Get Technical? Corruption and the Politics of Public Service. Reform in the Indian States. *Comparative Political Studies*. 2010; 43 (10): 1230—1257.
- [25] *Central Bureau of Investigation*. Available from: cbi.gov.in/. Accessed: 15.03.2019.
- [26] *Central Vigilance Commission*. Available from: cvc.nic.in/. Accessed: 11.03.2019.
- [27] Central Vigilance Commission: Eradicate Corruption — Build a New India. Available from: pledge.cvc.nic.in/. Accessed: 13.03.2019.
- [28] Chowdhury R., Banerjee S., Nagarkoti D.S. Anna Hazare: A Corruption Crusader and His Grassroots Wisdom. *Journal of Management Inquiry*. 2017; 26 (4): 383—389.
- [29] Citizen's Charter. *Government of India*. Available from: goicharters.nic.in/ Accessed: 15.03.2019.
- [30] Conservative MPs Sir Nicholas and Ann Winterton Broke Commons Expenses Rules. *The Telegraph*. 18.06.2008. Available from: telegraph.co.uk/news/politics/2151611/Conservative-MPs-Sir-Nicholas-and-Ann-Winterton-broke-Commons-expenses-rules.html. Accessed: 15.03.2019.
- [31] *Corrupt Practices Investigation Bureau (CPIB)*. Available from: cpib.gov.sg/about-cpib/our-heritage. Accessed: 12.03.2019.
- [32] Corruption Perceptions Index (CPI). *Transparency International*. Available from: <https://www.transparency.org/research/cpi>. Accessed: 15.03.2019.
- [33] Davis H. Ethics and Standards of Conduct. *Public Management and Government*. T. Bovaird, E. Loffler (Eds.). New York: Routledge; 2009: 213—223.
- [34] Dimant E., Schulte T. The Nature of Corruption: An Interdisciplinary Perspective. *German LJ*. 2016; 17 (1): 53—72.
- [35] Doig A. From Lynskey to Nolan: The Corruption of British Politics and Public Service. *JL & Soc'y*. 1996; 23: 36.
- [36] Ekhaton E.O. Public Sector Ethics in the United Kingdom: An Overview. *Inkanyiso: Journal of Humanities and Social Sciences*. 2012; 4 (2): 91—100.
- [37] Freedom in the World—India 2016. *Freedom House*. Available from: freedomhouse.org/report/freedom-world/2016/india. Accessed: 15.03.2019.
- [38] Glaeser E.L., Saks R.E. Corruption in America. *Journal of Public Economics*. 2006; 90 (6—7): 1053—1072.
- [39] Gordon C. Costing and Curing Corruption in Public Transit Agencies: A Preliminary Assessment of New York and Los Angeles. *Journal of Financial Crime*. 2006; 13 (4): 442—455.
- [40] Gowda M.R., Sridharan E. Reforming India's Party Financing and Election Expenditure Laws. *Election Law Journal*. 2012; 11 (2): 226—240.
- [41] Grabova P. Corruption Impact on Economic Growth: An Empirical Analysis. *Journal of Economic Development, Management, IT, Finance, and Marketing*. 2014; 6 (2): 57.
- [42] Hager L.M. Bureaucratic Corruption in India: Legal Control of Maladministration. *Comparative Political Studies*. 1973; 6 (2): 197—219.

- [43] Half of Conservative Party MEPs Ignoring Expenses Rules. *The Telegraph*. 08.06.2008. Available from: telegraph.co.uk/news/politics/conservative/2096020/Half-of-Conservative-Party-MEPs-ignoring-expenses-rules.html. Accessed: 10.03.2019.
- [44] Harrods Big Spender Fights to Keep Mansion. *BBC News*. 25.07.2018. Available from: bbc.co.uk/rh/news/world-44954587. Accessed: 12.03.2019.
- [45] Hazell R., Bourke G., Worthy B. Open House? Freedom of Information and Its Impact on the UK Parliament. *Public Administration*. 2012; 90 (4): 901—921.
- [46] An Inspection of Arrangements to Ensure Integrity and to Provide the Capability to Tackle Corruption in Policing. *Her Majesty's Inspectorate of Constabulary (HMIC)*. 2015. Available from: justiceinspectors.gov.uk/hmicfrs/wp-content/uploads/police-integrity-and-corruption-2015.pdf. Accessed: 15.03.2019.
- [47] Heymann P.B. Democracy and Corruption. *Fordham Int'l LJ*. 1996; 20: 323.
- [48] Honours (Prevention of Abuses) Act 1925. Available from: legislation.gov.uk/ukpga/1925/72/pdfs/ukpga_19250072_en.pdf. Accessed: 10.03.2019.
- [49] Mrs Caroline Spelman, Sixth Report of Session 2008—09. *House of Commons. Committee on Standards and Privileges*. 2009. Available from: publications.parliament.uk/pa/cm200809/cmselect/cmstnprv/316/9780215528964.pdf. Accessed: 10.03.2019.
- [50] Jacobs J.B. Is Labor Union Corruption Special? *Social Research*. 2013; 80 (4): 1057—1086.
- [51] Jain A.K. Corruption: A Review. *Journal of Economic Surveys*. 2001; 15 (1): 71—121.
- [52] Jauregui B. Provisional Agency in India: Jugaad and Legitimation of Corruption. *American Ethnologist*. 2014; 41 (1): 76—91.
- [53] Johnston M. Corruption and Political Culture in Britain and the United States. *Innovation: The European Journal of Social Science Research*. 1989; 2 (4): 417—436.
- [54] Johnston M. Corruption and Democratic Consolidation. Prepared for a Conference on “Democracy and Corruption”, Shelby Cullom Davis Center for Historical Studies, Princeton University March 12, 1999. Available from: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.203.1955&rep=rep1&type=pdf>. Accessed: 15.03.2019.
- [55] Johnstone P., Brown G. International Controls of Corruption: Recent Responses from the USA and the UK. *Journal of Financial Crime*. 2004; 11 (3): 217—248.
- [56] Ko K., Samajdar A. Evaluation of International Corruption Indexes: Should We Believe Them or not? *The Social Science Journal*. 2010; 47 (3): 508—540.
- [57] Lawton A., Macaulay M. From Birth to Death: The Life of the Standards Board for England. *Public Administration Review*. 2017; 77 (5): 720—729.
- [58] Levitt S.D. Understanding why Crime Fell in the 1990s: Four Factors that Explain the Decline and Six that Do not. *Journal of Economic perspectives*. 2004; 18 (1): 163—190.
- [59] Mastruzzi M., Kraay A., Kaufmann D. *Governance Matters VI: Aggregate and Individual Governance Indicators, 1996—2006*. Washington, DC: World Bank; 2007. 94 p.
- [60] Mauro P. Corruption and Growth. *The Quarterly Journal of Economics*. 1995; 110 (3): 681—712.
- [61] *Ministry of Communications and Information of Singapore*. Available from: reach.gov.sg/about-us/about-reach. Accessed: 15.03.2019.
- [62] Mohamed Nasir K., Turner B.S. Governing as Gardening: Reflections on Soft Authoritarianism in Singapore. *Citizenship Studies*. 2013; 17 (3—4): 339—352.
- [63] *New York City Charter (Chapter 34)*. *Department of Investigation*. Available from: 1.nyc.gov/html/records/pdf/section%201133_citycharter.pdf. Accessed: 12.03.2019.
- [64] *Newspaper and Printing Presses Act*. Available from: singaporepress.pbworks.com/w/page/11489282/Newspaper%20and%20Printing%20Presses%20Act. Accessed: 15.03.2019.
- [65] The Global: Programme Against Corruption. UN Anti-Corruption Toolkit. *United Nations Office on Drugs and Crime*. 2nd edition. Vienna; 2004. 655 p. Available from: https://www.unodc.org/documents/corruption/Toolkit_ed2.pdf. Accessed: 15.03.2019.
- [66] OECD Economic Surveys: India 2017. *OECD*. Available from: oecd.org/eeco/surveys/INDIA-2017-OECD-economic-survey-overview.pdf. Accessed: 15.03.2019.

- [67] Olken B.A., Pande R. Corruption in Developing Countries. *Annu. Rev. Econ.* 2012; 4 (1): 479—509.
- [68] Peisakhin L., Pinto P. Is Transparency an Effective Anti-corruption Strategy? Evidence from a Field Experiment in India. *Regulation & Governance*. 2010; 4 (3): 261—280.
- [69] Prevention of Corruption Act. *Singapore Statutes Online Plus*. Available from: sso.agc.gov.sg/Act/PCA1960?ProvIds=legis#legis. Accessed: 12.03.2019.
- [70] *Public Service Division*. Available from: psd.gov.sg/. Accessed: 13.03.2019.
- [71] Q&A: MP Expenses Row Explained. *BBC News*. 14.03.2010. Available from: news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/8301443.stm. Accessed: 11.03.2019.
- [72] Quah J.S. Police Corruption in Singapore: An Analysis of Its Forms, Extent and Causes. *Singapore Police Journal*. 1979; 10 (1): 7—43.
- [73] Quah J.S. Combating Corruption in Singapore: What Can be Learned? *Journal of Contingencies and Crisis Management*. 2001; 9 (1): 29—35.
- [74] Quah J.S. Anti-corruption Agencies in Four Asian Countries: A Comparative Analysis. *Comparative Governance Reform in Asia: Democracy, Corruption, and Government Trust*. 2008: 85—109.
- [75] Quah J.S. Singapore's Corrupt Practices Investigation Bureau: Four Suggestions for Enhancing Its Effectiveness. *Asian Education and Development Studies*. 2015; 4 (1): 76—100.
- [76] Quah J.S. Singapore's Success in Combating Corruption: Lessons for Policy Makers. *Asian Education and Development Studies*. 2017; 6 (3): 263—274.
- [77] Republic of Singapore, Government Gazette Acts Supplement. Singapore: Singapore National Printers; 1989; 13.
- [78] Revealed: How Gangs Used the Freemasons to Corrupt Police. *The Independent*. 13.01.2014. Available from: russian.rt.com/article/20834. Accessed: 15.03.2019.
- [79] Riley P., Roy R.K. Corruption and Anticorruption: The Case of India. *Journal of Developing Societies*. 2016; 32 (1): 73—99.
- [80] Rose-Ackerman S. The Political Economy of Corruption. *Corruption and the Global Economy*. 1997; 31. 60 p.
- [81] Rose-Ackerman S., Truex R. *Corruption and Policy Reform*. Yale Law & Economics Research Paper; 2012. 444 p.
- [82] Salmon T.C., Serra D. Corruption, Social Judgment and Culture: An Experiment. *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2017; 142: 64—78.
- [83] Sproat P.A. To what Extent is the UK's Anti-money Laundering and Asset Recovery Regime Used against Organised Crime? *Journal of Money Laundering Control*. 2009; 12 (2): 134—150.
- [84] Sun T.W. Governing Singapore: The Group Representation Constituency (GRC) System and Its Effect on Inclusiveness and Electoral Participation. *Asian Education and Development Studies*. 2015; 4 (3): 282—298.
- [85] Tanzi V. Corruption around the World: Causes, Consequences, Scope, and Cures. *Staff Papers*. 1998; 45 (4): 559—594.
- [86] The Corruption (Confiscation of Benefits). Bill No. 7/1989. *Singapore Statutes Online Plus*. Available from: sso.agc.gov.sg/Bills-Supp/7-1989/Published/19890116?DocDate=19890116. Accessed: 14.03.2019.
- [87] *The Lokpal and Lokayuktas Act, 2013*. Available from: prsindia.org/uploads/media/Lok%20Pal%20Bill%202011/Lokpal_Bill_as_passed_by_both_Houses.pdf. Accessed: 15.03.2019.
- [88] *The NYC Campaign Finance Board*. Available from: nyccfb.info/. Accessed: 18.03.2019.
- [89] *The NYC Commission to Combat Police Corruption*. Available from: 1.nyc.gov/site/ccpc/index.page. Accessed: 18.03.2019.
- [90] *The NYC Conflicts of Interest Board*. Available from: 1.nyc.gov/site/coib/index.page. Accessed: 18.03.2019.
- [91] Tony McNulty, Benefit Cheat. *The Spectator*. 26.03.2009. Available from: blogs.spectator.co.uk/2009/03/tony-mcnulty-benefit-cheat. Accessed: 15.03.2019.

- [92] Tory MPs Were Paid to Plant Questions Says Harrods Chief. *The Guardian*. 20.10.1994. Available from: theguardian.com/politics/1994/oct/20/conservatives.uk. Accessed: 16.03.2019.
- [93] Corruption Perceptions Index 2018. *Transparency International*. Available from: transparency.org/cpi2018. Accessed: 27.03.2019.
- [94] How Corruption Weakens Democracy. *Transparency International*. 29.01.2019. Available from: transparency.org/news/feature/cpi_2018_global_analysis. Accessed: 25.03.2019.
- [95] People and Corruption: Asia Pacific (2017). *Transparency International*. Available from: transparency.org/whatwedo/publication/people_and_corruption_asia_pacific_global_corruption_barometer. Accessed: 25.03.2019.
- [96] Treisman D. The Causes of Corruption: A Cross-national Study. *Journal of Public Economics*. 2000; 76 (3): 399—457.
- [97] *United Kingdom Anti-Corruption Strategy 2017*. Available from: assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/667221/6_3323_Anti-Corruption_Strategy_WEB.pdf. Accessed: 13.03.2019.
- [98] Verma R.K., Kumar S., Ilavarasan P.V. Government Portals, Social Media Platforms and Citizen Engagement in India: Some Insights. *Procedia Computer Science*. 2017; 122: 842—849.
- [99] Vijayalakshmi V. Rent-seeking and Gender in Local Governance. *The Journal of Development Studies*. 2008; 44 (9): 1262—1288.
- [100] Weschle S. Punishing Personal and Electoral Corruption: Experimental Evidence from India. *Research & Politics*. 2016; 3 (2): 1—6.
- [101] Weyland K.G. The Politics of Corruption in Latin America. *Journal of Democracy*. 1998; 9 (2): 108—121.
- [102] Whyte D. *How Corrupt is Britain?* London: Pluto Press; 2015. 198 p.
- [103] Will Growth Slow Corruption in India? *Forbes*. 15.08.2007. Available from: forbes.com/2007/08/15/wipro-tata-corruption-ent-law-cx_kw_0814whartonindia.html#64b86a3d203f. Accessed: 15.03.2019.

Article history:

The article was submitted on 15.05.2019.

The article was accepted on 25.06.2019.

Информация об авторе:

Страхов Александр Петрович — кандидат политических наук, директор «Центра открытости общества» (Россия), докторант программы DBA Instituto de Empresa (Испания) (ORCID ID 0000-0002-2800-7437) (e-mail: alex50108@gmail.com).

Information about the author:

Alexander P. Strakhov — PhD in Political Science, Director of Open Society Center (Russian Federation), Doctoral Student of DBA Program, Instituto de Empresa (Spain) (ORCID ID 0000-0002-2800-7437) (e-mail: alex50108@gmail.com).

Для цитирования:

Страхов А.П. Борьба с коррупцией в странах англосаксонской традиции (на примере Великобритании, Индии, Сингапура и США) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 3. С. 470—502. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-470-502.

For citation:

Strakhov A.P. Combating Corruption in the Countries of Anglo-Saxon Tradition (Using Examples of Great Britain, India, Singapore and the USA). *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21 (3): 470—502. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-470-502.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-503-512

Научная статья

Теория революции Теда Скокпол

Э.Э. Шульц

Московский государственный областной университет (МГОУ)
Ул. Радио 10а, Москва, Россия, 105005

Аннотация. Статья посвящена анализу ряда ключевых положений в концепции теории революции американского политолога Теда Скокпол. С точки зрения автора, рассматриваемые положения являются значимыми и знаковыми для теории революции как с точки зрения изучения истории политологической науки, так и с точки зрения понимания современного состояния «теории революции» как научного направления. Автор критически относится к классификации «поколений исследователей теории революции», предложенной Д. Голдстоуном, согласно которой Т. Скокпол принадлежит к «третьему поколению», при этом ключевые положения концепции продолжают идеи первого и второго поколений по Голдстоуну. Особое внимание в статье уделяется именно этим концептуальным положениям, связанным с вопросами дисфункции социальной системы, причин и последствий революций в свете революционной модернизации.

Ключевые слова: Теда Скокпол, теория революции, модернизация в революции, Д. Голдстоун, Ш. Эйзенштадт

Введение

Теоретические разработки американского политолога Теда Скокпол (Скокпол, Скокпол, Скоцпол в русских переводах и транслитерациях) рассматриваются во всех работах, посвященных теории революции, во многих работах по национальным революциям и имеют отдельных самостоятельных исследователей [2; 3]. Однако из поля зрения анализа постоянно ускользают несколько важнейших аспектов концепции Т. Скокпол, в том числе в их связи с общим развитием теории революции как научного направления. В данной статье мы хотели бы рассмотреть ряд положений исследователя, которые цитируются, используются, но не подвергались детальному анализу, а между тем являются значимыми и знаковыми для теории революции как в ее исторической ретроспективе, так и для понимания современного состояния.

Результаты

Для того чтобы понять подходы и в целом концепцию Т. Скокпол, необходимо отчетливо представлять себе время и среду возникновения, в данном случае — исследовательское состояние и процесс развития теории революции.

© Шульц Э.Э., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Коллега Теда Скокпол — американский политолог Джек Голдстоун в 80-х гг. XX в. предложил систематизировать все исследования по теории революции в три поколения (за которыми в 90-е гг. должно появиться четвертое поколение) [1; 18]. Этот подход Голдстоуна, пожалуй, на сегодняшний день является самым популярным среди исследователей (особенно среди представителей политических наук) [15. Р. 3917—3918]. Определение этих поколений исследователей теории революции, согласно Голдстоуну, происходит не по временному принципу, а исходя из неких методологических принципов, которые приписываются авторам. Так, первое поколение связывается с историческим подходом и философско-исторической интерпретацией. Второе — с модернизационной теорией и структурно-функциональным анализом. Третье поколение отличает государственно-центричные модели [4; 18].

Первым поколением — «поколение естественной истории революции» — Д. Голдстоун назвал исследователей 1920—1930-х гг. (кроме П. Сорокина, которого Голдстоун считал представителем 2-го поколения) Л. Эдвардса, К. Бринтона и Д. Петти. Второе и третье «поколения», с точки зрения Голдстоуна, охватили 60—70-е гг. XX в., переходя в 80-е, и ко второму были отнесены Тэд Гарр, Чалмерс Джонсон, Самуэль Хантингтон, Чарльз Тилли, а к третьему — Гарри Экштейн («Этиология внутренней войны» (1965)), Энтони Обершаль («Растущие экспектации и политический беспорядок» (1967)), Эдвард Муллер («Применимость теории возможности к анализу политического насилия» (1972)), Барбара Салерт («Революции и революционеры» (1976)) и Теда Скокпол [1; 19; 16; 20].

Данная классификация представляется нам далекой от совершенства. Во-первых, она существенно сокращает границы зарождения и развития теории революции начиная с 20—30-х гг. XX в. — на столетие позже зарождения этого научно-исследовательского направления [6. С. 11—24]. Во-вторых, классифицирующие признаки неоднородны: для «первого поколения» — это принцип анализа и изложения, для второго и третьего — комплексы вопросов, которые исследователь считает ключевыми в теории революции. Идентифицирующие признаки трех поколений в принципе сложны для четкого определения:

1) в связи с тем, что все исследователи в теории революции в принципе рассматривают одни и те же проблемы и вопросы;

2) авторы, причисленные к определенному «поколению», могут концентрировать большое внимание на определенном блоке проблем, не выдвигая их в качестве ключевых, и если «второе поколение» можно связать модернизационной теорией (она так или иначе будет встречаться), то «государственно-центричные модели» представляют большие сложности в точной идентификации в качестве отличительного признака. Так, например, «модернизационная теория» в теории революции может рассматриваться в качестве отличительного признака поколения исследователей, только если под этой теорией понимать процесс ее развития, характерный для 50—60-х гг. XX в., так как принцип, что революция производит модернизацию — переход в иное общественное состояние, связанное с Новым временем (модерн) — был характерен и для исследователей XIX в., и для большинства исследователей XX и XXI вв. Исследователи, акцентирующие внимание

на государственно-центричных моделях (как это определил Голдстоун), — это скорее не «поколение», а «школа» или «направление», так как данный принцип ограничивается не временем, а подходом — подходом, характерным для представителей политических наук (в отличие от историков и социологов).

Указанные критические замечания важны для понимания разбираемой здесь темы, так как должны помочь в понимании подходов Т. Скокпол.

Труд Теда Скокпол появился на излете самой мощной волны исследовательского интереса к революциям, по крайней мере — в Западном полушарии. Эта волна охватывает 60-е и 70-е гг. XX в. и дала миру такие исследования, как: «О революции» (1963) Ханны Арендт, «Революция и социальная система» (1964) Чалмерса Джонсона, «Контрреволюция: как умирает революция» (1966) Джеймса Майзеля, «Политический порядок в меняющихся обществах» (1968) Самуэля Хантингтона, «Революция» и «Изучение революции» (1970) Питера Калверта, «Почему люди бунтуют?» (1970) Тэда Гарра, «Аутопсия революции» (1971) Жака Эллюля, «Современные революции» (1972) Джона Данна, «Стратегия политической революции» (1973) и «Сравнительное изучение революционной стратегии» (1977) Мостафы Реджаи, «Феномен революции» (1975) Марка Хэгопиана, «Революция и преобразование обществ» (1978) Шмуэля Эйзенштадта, коллективные труды «Революция» (1966) (К. Фридрих), «Бунташный век, 1830—1930» (1975) Чарльза Тилли и многие другие [8; 10—14; 21—23; 26; 29—32; 35; 37].

Именно в этой творческой среде появилась и вышла в свет в 1979 г. книга Теда Скокпол «Государства и социальные революции» Теда Скокпол [33]. Джек Голдстоун назвал концепцию Т. Скокпол венцом «третьего поколения революционного анализа» [1. С. 59] и предложил для следующего поколения исследователей пересмотреть все ключевые допущения Т. Скокпол [1. С. 103; 7]. Перед нами не стоит задача разобрать все заключения Т. Скокпол, рассмотрим лишь те из них, которые, на наш взгляд, представляют наибольший интерес, с точки зрения своей структурной основы, как в концепции американского автора, так и для теории революции в целом, и наименее проанализированы в литературе.

Начнем с Чалмерса Джонсона, которого, как уже упоминалось, Д. Голдстоун отнес ко второму поколению исследователей теории революции. Во-первых, дело в том, что основа систематизации поколений исследователей теории революции Голдстоуна берет свои истоки именно у Чалмерса Джонсона [25. Р. 170, 176]. Во-вторых, концепция Ч. Джонсона и Л. Стоуна легла одним из краеугольных камней в теорию революции Т. Скокпол.

Чалмерс Джонсон и Лоуренс Стоун поставили во главу угла понятие дисфункции системы. Нормальное состояние — это сбалансированная социальная система, которая пребывает в равновесии; однако это равновесие нарушается, если один из компонентов системы перестает это равновесие поддерживать. Это условие авторы назвали «дисфункцией системы», которая требует исправляющих действий. Одна из критических дисфункций системы — это дисгармония между политической и социальной системами государства. Революции, по мнению авторов, вносят необходимые изменения в том случае, если дисфункции превосходят способности системы приспосабливаться (что случается, если господствующая элита противится изменениям) [26. Р. 4—5; 35. Р. 9—11; 36].

Это положение стало одним из ключевых в концепции Т. Скокпол [33. Р. 24, 291—292], и именно его Д. Голдстоун вывел в качестве отличительной черты «третьего поколения» теории революции [1. С. 98]. При этом, напомним, что Ч. Джонсон, для Голдстоуна, — представитель «второго поколения». Следует отметить и другое замечание Д. Голдстоуна, касающееся концепции Т. Скокпол в этой части: «Двадцать лет и примерно два десятка революций спустя этот взгляд пора перевернуть с головы на ноги». Свои выводы он основывает на том, что «крах авторитарных режимов в Иране, Никарагуа, на Филиппинах и в Югославии, а также крушение однопартийных государств Восточной Европы и Советского Союза продемонстрировали, насколько масштабной и внезапной может стать потеря стабильности» [1. С. 98]. Однако следует заметить, что масштабность и внезапность не опровергают базового постулата о стабильности и дисфункции системы, поэтому «поворот с головы на ноги», который предлагает Д. Голдстоун, остается не совсем понятным.

Вторым краеугольным камнем концепции Т. Скокпол стала модернизационная теория в революции, которую Д. Голдстоун называл отличительной чертой «второго поколения» (от которого концепция Т. Скокпол должна принципиально отличаться). Отличительная черта «второго поколения исследователей теории революции», которую выводит Д. Голдстоун, и ряд ключевых положений представителей этого «поколения» становятся системообразующими у самого яркого, с точки зрения Д. Голдстоуна, представителя «третьего поколения».

Считается, и вполне справедливо, что модернизационная теория берет свое начало с Карла Маркса, Эмиля Дюркгейма и Макса Вебера [17. Р. 5; 24. Р. 1, 16]. При этом Карл Маркс фактически положил ее в основу своей теории революции:

1) революции нужны для перехода к более прогрессивным общественным формациям;

2) буржуазные революции привели общества к принципиально иным состояниям, которое характерно для периода капитализма Нового времени [6. С. 39—42].

Эти представления о модернизации стали характерными для так называемых «стран социализма и народных демократий». В 50—60-е гг. XX в. в «Западном мире» получили повышенную популярность различные теории модернизации (Т. Парсонс, Э. Шилз, У. Ростоу и др.): сущность модернизации виделась в урбанизации, технологическом развитии, росте доходов и уровня грамотности населения, увеличении количества средств массовой информации [17. Р. 3, 5]. Именно эта популярность дала основание Д. Голдстоуну причислить большинство исследователей 60—70-х гг. к поколению «модернизационной теории» («второму поколению исследователей теории революции») [18].

В 1970-е гг. начался спад популярности этих концепций [17. Р. 17], однако они не исчезли (и не могли исчезнуть) из теории революции. Так, одна из самых сильных и влиятельных концепций в современной теории революции принадлежит Шмуэлю Эйзенштадту, сформированной во второй половине 70-х гг. на основе авторского представления о модернизации и модернизационных процессах: революции, по мнению Эйзенштадта, приносят социальную, экономическую, политическую и культурную модернизацию и осуществляют таким образом переход цивилизации в состояние «нововременности» (modernity) [7. С. 27, 45, 51, 229].

Теда Скокпол дала свое понимание модернизационных процессов в революциях. Исследователь считала, что революция требуется для модернизации государства, на повестке дня которого стоит конкуренция на международной арене, с которой оно не справляется. Примеры России и Китая, с точки зрения Скокпол, демонстрировали, что эти преобразования не могли быть реализованы без активного вмешательства государства и политического контроля во многих аспектах социальной и экономической жизни [33. Р. 286]. Отсюда и столь большое значение государства в этих модернизационных процессах и в последствиях революций.

Еще в конце 30-х гг. XX в. Крэйн Бринтон в качестве ключевого последствия революций предложил идею появления более эффективных и более централизованных правительств [9. Р. 253]. Этот вывод приобрел значительное влияние среди исследователей 60—70-х гг. [23. Р. 313; 27. Р. 218]. Например, в своем труде, вышедшем на английском языке в 1978 г., Шмуэль Эйзенштадт в качестве причин революций называет сочетание внешних факторов и внутреннего конфликта в государствах. «Во всех обществах, где произошли революции Нового времени, — писал Эйзенштадт, — к упадку режима привело, с одной стороны, сочетание внешнего давления, которое возникало в первую очередь в результате формирования современной системы межгосударственных отношений и международной капиталистической экономики, а с другой — внутреннего воздействия и конфликтов, к которым приводило такое давление» [7. С. 246].

В интерпретации Скокпол причина революций лежит в неспособности государства мобилизовать ресурсы для того, чтобы справиться с международной конкуренцией из-за существующей экономической системы и сопротивления политически значимых сил внутри страны [33. Р. 286; 34. Р. 122]. Согласно Скокпол, после революций поднимаются более централизованные и бюрократические государства, сильные во внутренних делах и влиятельные в международных отношениях [33. Р. 285].

Следует отметить, что после работ Ш. Эйзенштадта и Т. Скокпол влияние внешних факторов на революцию в качестве основополагающих стало достаточно популярным среди исследователей последней трети XX — начала XXI в. [16. Р. 11; 28. Р. 7, 217].

В своей работе «Государства и социальные революции» Т. Скокпол объединила три великие революции — Французскую, Русскую и Китайскую — в одну группу. По мнению Скокпол, все эти революции случились в богатых аграрных странах, и эти страны отличали: 1) слабость системы управления, 2) распространение акций протеста среди низших классов, 3) попытки политических лидеров установить революционную власть с помощью массовой мобилизации. Во всех указанных странах внутренние структурные противоречия, с точки зрения исследователя, дополнялись кризисом в международных отношениях, а после революций появились централизованные бюрократические государства, которые получили возможность вырасти в супердержавы. Причины политической напряженности во Франции, России и Китае лежали не в разногласиях торговых и промышленных элит с классом землевладельцев, а в противоречиях между производящим (доминирующим) классом и государством, с одной стороны, и между классом землевладельцев и государством — с другой [33. Р. 41, 47—48].

Необходимо подчеркнуть, что кроме претензий на статус сверхдержав, все остальные указанные исследователем характеристики были присущи большинству революций. Конфликт с государством, т.е. с властью, представляющей интересы узких социальных групп, — это также ключевая характеристика всех революций. Разногласия торгово-промышленного класса, т.е. капиталистического элемента, с землевладельцами, т.е. классом феодалов, — это вполне Марксова причина революций. При этом американский политолог использует элементы конструкции из теории революции Маркса [5], но слабо увязывает их как сами по себе, так и с собственной концепцией. Например, кого считать «основным производящим классом»? По количественным показателям населения и по объему производства до революций основное население — крестьянство. И это справедливо не только по отношению к Франции, России и Китаю, но и к большинству случаев революций XVII—XX вв. [6. С. 218—244]. Пролетариат, если его подразумевает исследователь, не был доминирующим классом в революциях, возможно, за несколькими исключениями (1848 г. во Франции, Испания 30-х гг. XX в., ряд революций в Восточной Европе конца XX в.).

Что касается «возможности стать сверхдержавами», то выводы о таких последствиях революций сделаны исключительно на примерах Английской, Великой Французской, Русской и Китайской революций. В первых двух примерах положение сверхдержавы уже было у этих стран и до революций. Россия с революцией положение такой державы утратила, а затем снова восстановила и даже усилила, но через значительный срок после революции. Революция не сделала Китай ни мировым, ни даже региональным лидером, такие изменения произошли только через полвека после самой последней Китайской революции. Следует также отметить, что на уровень «мировых держав», а часто и региональных лидеров не вышли после революций ни государства Латинской Америки, ни Юго-Восточной Азии или Африки. И даже больше — революции в странах Южной Америки и Юго-Восточной Азии не сделали эти страны ни ведущими индустриальными, ни державами с сильным международным влиянием. Таким образом, одно из ключевых положений Т. Скокпол, которое получило многих приверженцев, кажется как минимум не бесспорным.

Т. Скокпол полагала, что урбанизация не может считаться определяющим признаком модернизации в революции, так как Франция и Китай и после революций остались аграрными (или преимущественно аграрными) государствами, а ускоренная индустриализация (которая вела к высоким темпам урбанизации) была характерна только для Русской революции [33. Р. 282]. Однако в среднесрочной перспективе процессы значительной урбанизации произошли и во Франции, и в Китае, и, следует добавить, во всех других странах, где произошли революции.

Заключение

В завершение отметим тот факт, что Теда Скокпол — один из самых цитируемых исследователей теории революции. Так, из двух наиболее популярных у большинства авторов последней трети XX в. и начала XXI в. определений революции одно принадлежит именно ее перу. Второе — другому американскому

политологу Самюэлю Хантингтону (один из немногих, кто может посоревноваться с Т. Скокпол в цитируемости). С точки зрения Т. Скокпол, «социальные революции — это быстрые, фундаментальные трансформации общественного состояния и классовых структур; и они сопровождаются и частично проводятся через классовые восстания снизу» [33. Р. 4]. «Социальные революции, — считает Скокпол, — отличаются от других конфликтов и трансформирующих процессов, прежде всего, комбинацией двух условий: совпадением изменений в общественной структуре и классовыми восстаниями; и совпадением политической и общественной трансформаций» [33. Р. 4]. «В отличие от революций, восстания, даже успешные, могут вовлекать подчиненные классы, но они не заканчиваются структурными изменениями» [33. Р. 4].

Учитывая тот факт, что определение революции — один из самых сложных вопросов в современной науке, следует отметить, что при всех критических вопросах к определению Скокпол эта составляющая теории революции американского политолога является, пожалуй, самой сильной, и столь частая апелляция именно к этому определению служит тому подтверждением.

Библиографический список

- [1] *Голдстоун Д.* К теории революции четвертого поколения // *Логос*. 2006. 5 (56). С. 58—103.
- [2] *Грязнова О.С.* Теда Скокпол: феномен революции в структуралистской перспективе // *Человек. Сообщество. Управление*. 2007. № 4. С. 21—38.
- [3] *Грязнова О.С.* Теоретические подходы в социологии революции: сравнительный анализ концепций П. Сорокина, Л. Эдвардса и Т. Скокпол: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М.: Альянс Документ Центр, 2009. 186 с.
- [4] *Шульц Э.Э.* Теория революции Джека Голдстоуна // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. 2018. № 3. С. 171—182.
- [5] *Шульц Э.Э.* Теория революции Маркса в контексте общественной мысли XIX в. в Европе // *Вопросы управления*. 2014. № 2. С. 39—42.
- [6] *Шульц Э.Э.* Теория революции: революции и современные цивилизации. М.: ЛЕНАНД, 2016. 400 с.
- [7] *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 1999. 416 с.
- [8] *Arendt H.* *On Revolution*. N.Y.: Viking Press, 1963. 350 p.
- [9] *Brinton C.* *The Anatomy of Revolution*. Revised and Expanded Edition. N.Y., 1965. 310 p.
- [10] *Calvert P.* *A Study of Revolution*. Oxford: Clarendon P., 1970. 249 p.
- [11] *Calvert P.* *Revolution*. London: Praeger, 1970. 174 p.
- [12] *Dunn J.* *Modern Revolutions: An Introduction to the Analysis of a Political Phenomenon*. Cambridge University Press, 1972. 350 p.
- [13] *Eisenstadt S.N.* *Revolution and the Transformation of Societies: A Comparative Study of Civilizations*. N.Y.: Free Press, 1978. 348 p.
- [14] *Ellul J.* *Autopsy of Revolution*. N.Y.: Knopf, 1971. 300 p.
- [15] *Foran J.* *Revolutions* // *The Blackwell Encyclopedia of Sociology* / ed. by George Ritzer. Blackwell Publishing, 2007. P. 3914—3923.
- [16] *Foran J.* *Taking Power. On the Origins of Third World Revolutions*. Cambridge University Press, 2005. 395 p.
- [17] *Gilman N.* *Mandarins of the Future: Modernization Theory in Cold War America*. Baltimore—London: The Johns Hopkins University Press, 2003. 329 p.

- [18] *Goldstone J.A.* The Comparative and Historical Study of Revolutions // *Annual Review of Sociology*. 1982. Vol. 8. P. 187—207.
- [19] *Goldstone J.A.* Theories of Revolution: The Third Generation // *World Politics*. 1980. Vol. 32. № 3. P. 425—453.
- [20] *Goldstone J.A.* Towards a Fourth Generation of Revolutionary Theory // *Annual Review of Political Science*. 2001. Vol. 4. P. 139—187.
- [21] *Gurr T.R.* Why Men Rebel? Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1970. 421 p.
- [22] *Hagopian M.N.* The Phenomenon of Revolution. N. Y.: Dodd, Mead, 1975. 402 p.
- [23] *Huntington S.P.* Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 1968. 488 p.
- [24] *Inglehart R., Welzel C.* Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. Cambridge University Press, 2005. 333 p.
- [25] *Johnson Ch.* Revolutionary Change. Stanford University Press, 1982. 217 p.
- [26] *Johnson Ch.* Revolution and the Social System. The Hoover Institute of War, Revolution and Peace. Stanford University Press, 1964. 69 p.
- [27] *Jouvenel B.* On Power. Its Nature and the History of Its Growth. Boston: Beacon Press, 1962. 421 p.
- [28] *Kimmel M.S.* Revolution. A Sociological Interpretation. Philadelphia: Temple University Press, 1990. 252 p.
- [29] *Meisel J.H.* Counterrevolution: How Revolution Die. N.Y.: Atherton Press, 1966. 237 p.
- [30] *Rejai M.* The Comparative Study of Revolutionary Strategy. N.Y.: McKay, 1977. 194 p.
- [31] *Rejai M.* The Strategy of Political Revolution. N.Y.: Doubleday & Company, 1973. 189 p.
- [32] Revolution: Yearbook of the American Society for Political and Legal Philosophy / ed. by C.J. Friedrich. N.Y.: Atherton Press, 1966. 246 p.
- [33] *Skocpol T.* States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge University Press, 1979. 407 p.
- [34] *Skocpol T., Trimberger E.K.* Revolutions and the World-historical Development of Capitalism // *Skocpol T.* Social Revolutions in the Modern World. Cambridge University Press, 1994. P. 120—132.
- [35] *Stone L.* The Causes of the English Revolution, 1529—1642. London — NY: Routledge, 2005. 185 p.
- [36] *Stone L.* Theories of Revolution // *World Politics*. 1966. Vol. XVIII. № 2. P. 159—176.
- [37] *Tilly C., Tilly L., Tilly R.H.* The Rebellious Century, 1830—1930. Harvard University Press, 1975. 354 p.

История статьи:

Статья поступила в редакцию 10.04.2019.

Статья принята к публикации 25.06.2019.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-503-512

Research article

Theda Skocpol's Theory of Revolution

E.E. Shults

Moscow State Regional University
Radio Str., 10a, Moscow, Russian Federation, 105005

Abstract. The article analyzes several ideas suggested by American political scientist Theda Skocpol in regards to the theory of revolution. From the author's point of view, Skocpol's attitudes are noteworthy both in terms of studying the history of political science and understanding the current state of "the theory

of revolution” as a scientific direction. The author critically examines the classification of “generations of the theory of the revolution contributors” offered by J. Goldstone, according to which T. Skocpol belongs to “the third generation”. At the same time, the key provisions of Skocpol’s concept continue the ideas of the first and second generations, as is suggested by Goldstone. The author highlights the importance of the conceptual provisions related to the questions of social system failures and the reasons and consequences of revolutions in the context of revolutionary modernization.

Keywords: Theda Skocpol, theory of revolution, modernization in revolution, J. Goldstone, S. Eisenstadt

References

- [1] Goldstone J. To the Theory of Revolution of the Fourth Generation. *Logos*. 2006; 5: 58—103 (In Russ.).
- [2] Gryaznova O.S. Theda Skocpol: A Revolution Phenomenon in Structuralist Prospect. *Person. Community. Management*. 2007; 4: 21—38 (In Russ.).
- [3] Gryaznova O.S. *Theoretical Approaches in Sociology of Revolution: Comparative Analysis of Concepts of P. Sorokin, L. Edwards and T. Skocpol*. Dissertation, PhD in Social Sciences. Moscow; 2009. 186 p. (In Russ.).
- [4] Shults E.E. Theory of Revolution of Jack Goldstone. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and political sciences*. 2018; 3: 171—182 (In Russ.).
- [5] Shults E.E. The Theory of Revolution of Marx in the Context of Social Thought of the 19th Century in Europe. *Management Issues*. 2014; 2: 32—42 (In Russ.).
- [6] Shults E.E. *Theory of Revolution: Revolutions and Modern Civilizations*. Moscow: LENAND; 2016. 400 p. (In Russ.).
- [7] Eisenstadt S.N. *Revolution and the Transformation of Societies: A Comparative Study of Civilizations*. Moscow: Aspekt Press; 1999. 416 p. (In Russ.).
- [8] Arendt H. *On Revolution*. N.Y.: Viking Press; 1963. 350 p.
- [9] Brinton C. *The Anatomy of Revolution*. Revised and Expanded Edition. N.Y.: Vintage Books; 1965. 310 p.
- [10] Calvert P. *A Study of Revolution*. Oxford: Clarendon Press; 1970. 249 p.
- [11] Calvert P. *Revolution*. London: Praeger; 1970. 174 p.
- [12] Dunn J. *Modern Revolutions: An Introduction to the Analysis of a Political Phenomenon*. Cambridge University Press; 1972. 350 p.
- [13] Eisenstadt S.N. *Revolution and the Transformation of Societies: A Comparative Study of Civilizations*. N.Y.: Free Press; 1978. 348 p.
- [14] Ellul J. *Autopsy of Revolution*. N.Y.: Knopf; 1971. 300 p.
- [15] Foran J. Revolutions. *The Blackwell Encyclopedia of Sociology*. Ed. by G. Ritzer. Blackwell Publishing; 2007: 3914—3923.
- [16] Foran J. *Taking Power. On the Origins of Third World Revolutions*. Cambridge University Press; 2005. 395 p.
- [17] Gilman N. *Mandarins of the Future: Modernization Theory in Cold War America*. Baltimore — London: The Johns Hopkins University Press; 2003. 329 p.
- [18] Goldstone J.A. The Comparative and Historical Study of Revolutions. *Annual Review of Sociology*. 1982; 8: 187—207.
- [19] Goldstone J.A. Theories of Revolution: The Third Generation. *World Politics*. 1980; 32 (3): 425—453.
- [20] Goldstone J.A. Towards a Fourth Generation of Revolutionary Theory. *Annual Review of Political Science*. 2001; 4: 139—187.
- [21] Gurr T.R. *Why Men Rebel?* Princeton, N.J.: Princeton University Press; 1970. 421 p.
- [22] Hagopian M.N. *The Phenomenon of Revolution*. N.Y.: Dodd, Mead; 1975. 402 p.

- [23] Huntington S.P. *Political Order in Changing Societies*. New Haven: Yale University Press; 1968. 488 p.
- [24] Inglehart R., Welzel C. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge University Press; 2005. 333 p.
- [25] Johnson C. *Revolutionary Change*. Stanford University Press; 1982. 217 p.
- [26] Johnson Ch. Revolution and the Social System. *The Hoover Institute of War, Revolution and Peace*. Stanford University Press; 1964. 69 p.
- [27] Jouvenel B. *On Power. Its Nature and the History of Its Growth*. Boston: Beacon Press; 1962. 421 p.
- [28] Kimmel M.S. *Revolution. A Sociological Interpretation*. Philadelphia: Temple University Press; 1990. 252 p.
- [29] Meisel J.H. *Counterrevolution: How Revolution Die*. N.Y.: Atherton Press; 1966. 237 p.
- [30] Rejai M. *The Comparative Study of Revolutionary Strategy*. N.Y.: McKay; 1977. 194 p.
- [31] Rejai M. *The Strategy of Political Revolution*. N.Y.: Doubleday & Company; 1973. 189 p.
- [32] *Revolution: Yearbook of the American Society for Political and Legal Philosophy*. Ed. by C.J. Friedrich. N.Y.: Atherton Press; 1966. 246 p.
- [33] Skocpol T. *States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China*. Cambridge University Press; 1979. 407 p.
- [34] Skocpol T., Trimberger E.K. Revolutions and the World-historical Development of Capitalism. *Social Revolutions in the Modern World*. Cambridge University Press; 1994: 120—132.
- [35] Stone L. *The Causes of the English Revolution, 1529—1642*. London — NY: Routledge; 2005. 185 p.
- [36] Stone L. Theories of Revolution. *World Politics*. 1966; Vol. XVIII; 2: 159—176.
- [37] Tilly C., Tilly L., Tilly R.H. *The Rebellious Century, 1830—1930*. Harvard University Press; 1975. 354 p.

Article history:

The article was submitted on 10.04.2019.

The article was accepted on 25.06.2019.

Сведения об авторе:

Шульц Эдуард Эдуардович — кандидат исторических наук, директор Центра политических и социальных технологий (ORCID ID: 0000-0002-9067-6228) (e-mail: nuap1@yandex.ru).

Information about the author:

Eduard E. Shults — PhD in History, Director of the Center for Political and Social Technologies (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-9067-6228) (e-mail: nuap1@yandex.ru).

Для цитирования:

Шульц Э.Э. Теория революции Теды Скокпол // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 3. С. 503—512. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-503-512.

For citation:

Shults E.E. Theda Skocpol's Theory of Revolution. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21 (3): 503—512. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-503-512.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-513-524

Научная статья

Формальная и реальная эффективность политики памяти (на материалах исторического кинематографа периода «холодной войны»)

С.И. Белов

Центральный музей Великой Отечественной войны 1941—1945 годов
Ул. Братьев Фонченко, 10, Москва, Россия, 121170

Аннотация. В статье предпринята попытка зафиксировать и оценить формальные критерии определения эффективности исторических советских фильмов (кассовые сборы в СССР, кассовые сборы в странах социалистического лагеря, валютная выручка, количество зрителей, количество положительных писем во властные инстанции, количество положительных рецензий профессионального сообщества, премии и награды, положительное заключение художественного совета киностудии) в годы «холодной войны» как инструмента реализации политики памяти в Советском Союзе. В рассматриваемый период в СССР отсутствовала адекватная система оценки идеологической работы. Формальные критерии отображали преимущественно охват аудитории. При этом качество усвоения гражданами транслируемого им идеологического посыла не оценивалось. В статье на примере советских исторических фильмов анализируется практика конструирования коллективной и культурной памяти в контексте решения политических задач. Также предлагается авторский перечень критериев для оценки кинематографа как инструмента формирования долгосрочных представлений о прошлом, образа врага, эффективности реализации государственной политики памяти.

Ключевые слова: кинематограф, «холодная война», политика памяти, историческая память, образ врага, идентичность

Введение

Политика памяти представляет собой не просто создание нарратива, посвященного событиям прошлого. Вторым ее базовым элементом является трансляция сформулированного месседжа целевой аудитории. Особое внимание при этом уделяется выстраиванию коммуникации с широкой аудиторией, формирующей ядро конкретной макросоциальной группы, выступающей в качестве объекта воздействия. Специфика массового сознания и необходимость воздействовать в том числе на аудиторию с низким уровнем образования и ограниченным кругом интересов вынуждают акторов мемориальной политики концентрироваться на использовании каналов коммуникации, связанных с массовой культурой. И в первую очередь в данном случае идет о кинематографе и телевидении. Широта охвата

© Белов С.И., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

аудитории, одновременное использование средств воздействия на несколько органов чувств, возможность использования эмоционально насыщенной символики — все это обуславливает повышенный интерес мнемонических акторов к использованию кинематографа как инструмента формирования коллективной и культурной памяти.

Однако использование данного ресурса сопряжено с определенными ограничениями. И главное из них заключается в отсутствии адекватной системы оценки эффективности кинокартин с точки зрения политики памяти. Оценивая эффективность кинематографа как инструмента формирования образа внешнего врага, эксперты зачастую используют формальные критерии определения данного показателя. Как следствие, оценку эффективности интеграции образа в общественное сознание подменяет определение степени успешности фильма.

Как следствие, исчезает возможность определить результативность мемориальной политики. Последнее подразумевает не только проблемы с контролем за расходованием ресурсов, но и наличие проблем с диагностикой развития нежелательных тенденций в трансформации коллективной и культурной памяти.

Наглядным примером в данном случае может служить советский кинематограф периода «холодной войны». Несмотря на очевидные достижения данного периода развития отечественного кинематографа, следует признать, что созданные на протяжении этого хронологического отрезка исторические фильмы зачастую транслировали нарратив, прямо противоположный стратегическим целям мемориальной политики СССР, что не умаляет художественных достоинств и коммерческой привлекательности данных кинолент.

Целью изучения обозначенной темы является определение эффективности формальных методов оценки кинопродукции и представление варианты реальных критериев оценки кинематографа как инструмента реализации политики памяти Советского Союза в годы «холодной войны».

Материалы и методы

В статье автор опирается как на работы российских исследователей, таких как: С.И. Белов, Ю.М. Карушева, А.Г. Колесникова, В.М. Магидов, В.О. Руковишников, Т.В. Рябова, О.В. Рябов, Д.Г. Смирнов, Е. Стишова и Н. Сиривля, А. Талал, А.В. Фатеев, А.В. Федоров, В.О. Чистякова, К.А. Юдин, А. Якобидзе-Гитман [1—17], так и на труды англоязычных авторов: P. Babitsky и J. Rimberg, N. Condee, S. Davies, P. Kenez, W. La Feber, J.R. Parish и M.R. Pitts, R.T. Robin, T. Shaw и D. Youngblood, D. Shlapentokh, M. Small [18—29]. Эмпирическую базу исследования формирует пул 36 исторических кинофильмов, мини-сериалов и телеспектаклей, снятых в СССР в годы «холодной войны». Методология исследования построена на использовании дескриптивного и компаративного анализа.

Обсуждение

В качестве формальных критериев эффективности в разные годы рассматриваемого периода могли выступать: кассовые сборы в СССР, кассовые сборы в странах социалистического лагеря, валютная выручка, количество зрителей,

количество положительных писем во властные инстанции, количество положительных рецензий профессионального сообщества, премии и награды, положительное заключение художественного совета киностудии.

Необходимо понимать, что цель создания фильма (с точки зрения режиссера и иных представителей возглавляемого им творческого коллектива) и цель советского государства в контексте реализуемой им символической политики могли заметно отличаться. Кинематографисты были заинтересованы в коммерческом успехе фильма и росте его популярности в рамках массовой культуры и отчасти в сегменте «высокого кино». Успех кинокартины подразумевал не только получение материальных благ. Он также обеспечивал укрепление профессиональной репутации, рост авторитета внутри профильных структур, курирующих развитие кинематографа по линии партийных и советских структур. Последнее давало не просто гарантии стабильно высокого заработка, но и его увеличения в ближайшей перспективе. Равным образом это гарантировало возможность частично формализованной кооптации в ряды интеллектуальной элиты и успешное продвижение в рамках номенклатурной иерархии. В перспективе это могло обеспечить включение кинематографиста в число людей, которым политическое руководство доверяло формирование советской «мягкой силы» за рубежом. Что фактически были равнозначны включению в ряды мирового культурного истеблишмента. Таким образом, мотивация кинематографистов к созданию популярных картин была весьма существенной.

В то же время перед ними не были поставлены конкретные формальные показатели, которые в количественном выражении отображали бы эффективность реализации политических задач. Плановые показатели, которые необходимо выполнить кинематографистам, имели отношение к популярности фильма. Никто не пытался поставить перед ним задачу добиться определенного политического эффекта, изменив сознание масс. По крайней мере, такого рода задачи не были артикулированы в виде формальных количественных показателей.

Таким образом нарушалась классическая (идеальная) структура трансляции смыслов и убеждений: 1) стимул — 2) целевая аудитория — 3) реакция целевой аудитории на стимул — 4) анализ реакции целевой аудитории на стимул — 5) корректировка стимула с целью достигнуть более точных результатов — далее — 6) повтор структуры. Специально не поставлена точка в череде из шести пунктов, чтобы подчеркнуть, что эта структура является цикличной. Это приводило к тому, что порой ошибки при производстве фильмов с целью сформировать определенную позицию у советских граждан повторялись от фильма к фильму.

Подход к оценке эффективности кино со стороны советских режиссеров и представителей органов государственного контроля был вполне понятен: данную работу не могли отразить формальные критерии эффективности символической политики. Для выявления реальной эффективности кино необходимо было проводить как минимум масштабные социологические исследования, включающие в себя применение как количественных, так и качественных методов. Реализация на практике такого рода программ также потребовала бы разработки сложного инструментария, обеспечивающего минимизацию влияния такого фактора, как получение социально одобряемых ответов.

Важно отметить и тот факт, что советская идеология содержала в себе ряд противоречивых и взаимоисключающих элементов. Так, например, ликвидация Русской православной церкви в 1920—1930-е гг. и сотрудничество с ней же в годы Великой Отечественной войны с элементами публичной благодарности вызывало ряд вопросов о том, как дальше будут сочетаться заветы В.И. Ленина и послевоенная повседневность. Это приводило к эффекту под названием «Окно Овертона» — ранее запрещенные и порицаемые образы постепенно становились допустимыми, а еще позже нормальными и желаемыми. К разрушению четкого образа будущего привело и выступление Н.С. Хрущева, в рамках которого он пообещал советским гражданам построить коммунизм к 1980 г. Приближение к этой дате приводило к осознанию недостижимости образа будущего, соответственно, к его разрушению без других альтернатив. Все это приводило к тому, что вся работа системы советской кинопропаганды сводилась к нулю или полностью проигрывала при появлении ярких фильмов из США.

Нужно понимать и то, что в рассматриваемый период в СССР в принципе отсутствовала адекватная система оценки идеологической работы. Формальные критерии отображали преимущественно охват аудитории. При этом качество усвоения гражданами транслируемого им идеологического посыла оценивалось слабо. Как минимум, в структуре РАН, КПСС и спецслужб имелся аналитический аппарат, способный решить данную задачу. Однако этот потенциал не использовался полноценно. Данный вывод делается в том числе на основе официального ответа заместителя начальника Центрального архива ФСБ России А.И. Шишкина от 23.07.2019 № 10/А/Б-3051. Официальный ответ об отсутствии в данном ведомстве материалов об оценке общественного мнения в СССР (в части оценки эффективности реализации кинополитики) при помощи методов социологии был получен автором в ходе проведения данного исследования.

Полноценные проявления инакомыслия или даже умеренная критика официальной идеологии объяснялись при помощи разных версий (в первую очередь речь шла о внешнем влиянии), однако вариант дефектов в идеологическом курсе не рассматривался в принципе. По крайней мере, этот тезис справедлив в отношении публичной политики в период, предшествовавший «перестройке». В кулуарах, в неформальной обстановке, возможно, имела место критика. Однако в рамках открытых источников предметом осуждения становились лишь отклонения от спущенных сверху рекомендаций или формальное их выполнение.

Как следствие, в работе политической пропаганды посредством кинематографа начинали возникать сбои. Выходящие на экран кинофильмы пользовались популярностью. Однако при этом они не решали политические задачи, поставленные перед их создателями, а в отдельных случаях и прямо противоречили им. Лучшим примером в данном случае могут служить экранизации литературных произведений американских классиков — киноленты «Деловые люди» (1962 г.), «Всадник без головы» (1973 г.), «Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна» (1981 г.) и т.д. Формируемый ими имидж американцев в большинстве случаев был предельно далек от образа врага и скорее вызывал симпатию. В определенной степени в данном случае можно говорить о влиянии американской

«мягкой силы» на советское общество. При этом данный потенциал был реализован за счет собственных ресурсов СССР.

Необходимо подчеркнуть: такого рода тенденции были характерны для советского кинематографа в целом, а не только для исторических кинофильмов, моделирующих культурную и коллективную память. Характерным примером в данном случае могут служить последние две части киноэпопеи «Неуловимые». Согласно официальным идеологическим установкам, белогвардейцы и представители политической эмиграции являлись врагами советской власти, однозначно негативными персонажами. Однако Э. Кеосаян в своих кинолентах создал целую галерею привлекательных персонажей из числа противников советского строя (не разрушая при этом харизмы главных героев своих кинолент). Им была создана «линейка» действительно качественных и коммерчески успешных кинолент, пользовавшихся популярностью у зрителя. Однако при этом они во многом способствовали деструкции официальной идеологии, разрушая антиобраз белогвардейцев и в целом «старорежимной России», т.е. один из ключевых элементов советского исторического нарратива, на котором во многом выстраивалась идентичность советских граждан.

С точки зрения политики памяти, их задача заключалась в формировании образа коллективного прошлого как жителей СССР, так и США (основного «значимого другого» в реалиях «холодной войны») в рамках «канона», заданного официальной идеологией в стратегическом плане. Фактически речь шла о формировании образа врага, который если и не является историческим противником Советского Союза/России, то выступает в роли их приемника, покровителя или союзника. Равным образом, посредством негативации прошлого «потенциального противника», нужно было повысить восприимчивость массового сознания к сообщениям относительно деструктивной деятельности США в настоящем.

В случае с советскими кинолентами, формировавшими образ американского врага посредством исторического дискурса, мы наблюдаем иную картину. Нами было выявлено 36 исторических кинофильмов, мини-сериалов и телеспектаклей, снятых в СССР на протяжении обозначенного хронологического отрезка и содержащих в себе образы американцев. 27 из 36 кинокартин содержат в себе противоречивые, неоднозначные образы граждан США. После просмотра этих кинокартин у зрителя, в лучшем случае, могло сложиться впечатление, что часть американцев (в первую очередь — представители политической элиты) являются врагами СССР, однако большая часть жителей Соединенных Штатов не наделяется какими-либо девиациями. Такой подход к демонстрации американцев, безусловно, был более реалистичным и гуманным. Но нужно понимать, что речь идет о периоде острой политической и идеологической конфронтации между Советским Союзом и США. Сопоставим доминировавший в советском кино месседж с системой символов, транслируемых параллельно Голливудом американской аудитории.

Обратимся к галерее отрицательных советских персонажей, сформированных, например, в американских фильмах 1980-х гг. («Рэмбо 3», «Рокки 4», «Красный рассвет», «Америка», «Парк Горького»), и попытаемся найти их аналоги среди образов американцев в кинематографе СССР. Таковые отсутствуют. Даже наибо-

лее отталкивающие образы граждан США, например, Акула Додсон («Деловые люди»), Аксель Джордах («Богач, бедняк», 1981 г., М. Гендрис) и Энтони Старкунтер («Пусть он выступит», 1981 г., О. Бийма; «Кража», 1982 г., Л. Пчелкин) не содержат столь выраженного негатива.

Таким образом, в то время как образ американцев постепенно гуманизировался в глазах граждан СССР, американскому зрителю транслировали преимущественно стереотипный образ «угрозы с Востока».

Соответственно, на экраны советских кинотеатров регулярно выходили фильмы, содержащие образ американского врага, сконструированный посредством исторического дискурса. Кинокартины «собирали кассу», обеспечивали своим создателям популярность и карьерное продвижение и формально считались успешными. Последнее было вполне объяснимо. В отличие от классических кинолент пропагандистского толка они были более реалистичны. Наличие противоречивых образов американцев открывало широкие возможности для развития драматургической линии. Сам по себе привлекательный визуальный ряд, демонстрирующий условия быта американского истеблишмента, обеспечивал повышенное внимание зрителей к соответствующим кинокартинам.

Однако несмотря на высокое качество этих кинокартин и их заслуженную популярность среди зрителей, они плохо выполняли политическую функцию. Более того, они давали обратный эффект, так или иначе формируя во многом положительный или привлекательный образ американца.

Ответственность за это лежит не только и не столько на кинематографистах. Политическое руководство СССР в целом, представители идеологического аппарата и структур, курировавших развитие киноотрасли, не уделяли должного внимания изменениям в структуре советского общества и связанной с ними трансформации системы ценностей и модели восприятия.

Наконец, произошел отказ от доказавшей свою эффективность технологии формирования образа врага посредством кинематографа. Эксплуатация негативных стереотипов, формирование фантомных страхов, приписывание культуре противника аномийности и противоестественности (например, через смешение или подмену гендерных ролей) — все перечисленные методы могут показаться примитивными и аморальными. Однако их применение обеспечивает необходимую эффективность, и потому их активно используют даже в современный период. Причем речь идет не о кинематографе авторитарных режимов, а голливудских блокбастерах. В качестве наглядного примера в данном случае можно привести, в частности, относительно недавно вышедшую на экраны киноленту «Красный воробей».

Сама система оценки качества кинокартин не была рассчитана на определение степени политического воздействия. Использовались такие критерии измерения формальной эффективности, как: кассовые сборы, охват аудитории, оценка кинокартины со стороны представителей идеологического аппарата и кинокритиков. Единственным каналом получения обратной связи от аудитории были письма, эпизодически поступающие от зрителей. Однако этот канал обладал рядом врожденных недостатков.

Во-первых, далеко не все зрители обладали достаточной смелостью, чтобы критически отозваться об официальном курсе относительно позиционирования США в кинематографе.

Во-вторых, немалая часть советских граждан были банально не осведомлены о наличии такого рода возможности.

В-третьих, у значительной части граждан не было уверенности, что это как-либо повлияет на работу киноиндустрии.

Также, необходимо помнить, что в своих письмах зрители чаще всего оценивали сами киноленты, а не степень их соответствия политической задаче по формированию образа врага. Фильмы, в которых Америка и ее жители демонстрировались некорректно (с точки зрения задач идеологии), вполне могли оказаться хорошо проработанными и потому популярными художественными произведениями. «Совсем пропащий» (1973 г.), «Смок и Малыш» (1975 г.), «Время не ждет» (1975 г.), телеспектакль «Мартин Иден» (1976 г.) — вот далеко не полный перечень работ данного плана.

Возникает закономерный вопрос: почему мы заявляем о низкой политической эффективности упомянутых кинолент, если система оценки данного показателя отсутствовала? Необходимо понимать, что влияние советского кинематографа на формирование образа американского врага в сознании населения как никогда лучше проявилось в период «перестройки». Гипотетически советские кинематографисты к тому моменту уже более 40 лет работали над созданием образа врага из США, в том числе в рамках реализации политики памяти. Сам процесс «перестройки» проходил во внешнеполитическом ключе в рамках двух тенденций: стратегических односторонних уступок СССР в пользу США и их союзников и кардинальной смены официальной риторики в адрес Соединенных Штатов. Если ранее Америка на официальном уровне демонизировалась, то теперь ее позиционировали в качестве главного союзника и едва ли не эталона для подражания. Если предположить, что в массовом сознании на тот момент существовал яркий и устойчивый образ американского врага, такого рода перемены вызвали бы ошутимое неприятие, вплоть до возникновения протестного движения. Однако массы не только не отреагировали в выраженном ключе. Значительная их часть начала охотно приобщаться к американской культуре. Многие граждане СССР даже попытались воспринять «американские ценности» (естественно, в той форме, в которой они отображались в экспортируемой в СССР культурной продукции).

Можно было бы возразить, что, помимо кинематографа, на восприятие Америки в СССР влияли иные институты. Однако необходимо признать, что их воздействие на целевую аудиторию несопоставимо с кинематографом. Последний обеспечивал не просто широчайший охват аудитории, но и возможность продвижения меседжа посредством косвенной рекламы. В случае, когда речь идет о политической и социальной рекламе, именно косвенное продвижение контента (или так называемая «джинса») всегда эффективнее прямых попыток донести послание до аудитории. Соответственно, в СССР в рассматриваемый период существовала система оценки эффективности кинопроизведений, отображающая их коммерческую успешность и художественное качество. Но в то же время она

не позволяла оценить политическую эффективность кинолент, формировавших коллективную и культурную память. Произведение могло быть во всех смыслах удачным, но транслируемый им образ «значимого другого» мог носить не отталкивающий, а, напротив, привлекательный характер.

Результаты

Означает ли это, что мы не можем напрямую оценить эффективность политики памяти?

Нет, однако для этого необходимо выделить критерии, которые позволяют оценить эту переменную, и предложить релевантную систему методов получения информации.

По нашему мнению, критериями реальной эффективности являются: динамика восприятия месседжа; цельность, однозначность транслируемого образа; степень соответствия транслируемого образа системе стереотипов, доминировавших в массовом сознании в период после выхода картины (в краткосрочной и среднесрочной перспективе); динамика реакции населения на транслируемый официальной идеологией образ врага; устойчивость успешно продвигаемых образов врага в долгосрочной ретроспективе.

Получить информацию для отображения соответствующих показателей можно при помощи таких методов, как вторичная обработка социологических и статистических данных, глубинные интервью и фокус-группы, дескриптивный анализ делопроизводственных документов, источников личного происхождения, баз данных кинофильмов, онлайн-кинотеатров и торрент-ресурсов. Важно подчеркнуть: в силу высокой временной удаленности соответствующего периода будет крайне сложно реконструировать позицию респондентов и реципиентов на момент ознакомления с кинолентами. Последнее потребует разработки сложного социологического инструментария, позволяющего определить, каким образом мог исказить позицию информанта полученный позднее опыт. Также будет необходимо использовать передовой опыт источниковедческой критики материалов личного происхождения и методические наработки психологов, в том числе специалистов в области возрастной психологии.

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках поддержанного Российским научным фондом научного проекта № 18-18-00233 «Кинообразы советского и американского врагов в символической политике Холодной войны: Компаративный анализ».

Библиографический список

- [1] *Белов С.И.* Антисоветские фильмы с Запада: секрет популярности среди россиян (на материалах американского кинематографа 1980-х гг.) // *Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов*. Москва, 6—8 декабря 2018 г. С. 62—63.
- [2] *Карушева Ю.М.* Актуальные фильмы Холодной войны: компаративный анализ // *Социальная компетентность*. 2018. № 12. С. 76—83.
- [3] *Колесникова А.Г.* Игровой кинематограф середины 1950-х — середины 1980-х гг. как инструмент советской пропаганды: формирование и актуализация образа врага // *Былые годы*. 2011. № 1. С. 68—76.

- [4] Колесникова А.Г. «Бой после победы»: образ врага в советском игровом кино периода холодной войны. М.: РГГУ, 2015. 230 с.
- [5] Колесникова А.Г. Образ врага периода холодной войны в детективно-приключенческих фильмах 1950—1980-х гг.: зрительская аудитория и проблема исторической памяти // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2009. № 3. С. 144—153.
- [6] Магидов В.М. Кинофотодокументы в контексте исторического знания. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2005. 394 с.
- [7] Рукавишников В.О. Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в США и Европе о СССР / России, внешней политике и безопасности Запада. М.: Академический Проспект, 2005. 864 с.
- [8] Рябова Т.Б., Рябов О.В. Стереотипизация как механизм символической политики // Герценовские чтения 2018. Актуальные вопросы политического знания: сборник научных трудов. Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, факультет социальных наук. Санкт-Петербург, 2018. Т. 1. С. 23—28.
- [9] Смирнов Д.Г. Война образов в символической политике Холодной войны: семиологические аспекты // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 2. С. 60—68.
- [10] Стишова Е., Сириля Н. Соловьи на 17-й улице [Материалы дискуссии об антиамериканизме в советском кинематографе, Pittsburg University, май 2003] // Искусство кино. 2003. № 10. С. 5—21.
- [11] Талал А. Миф и жизнь в кино: смыслы и инструменты драматургического языка. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 394 с.
- [12] Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде 1945—1954 гг. М.: ИРИ РАН, 1999. 261 с.
- [13] Федоров А.В. Отражения: Запад о России // Россия о Западе. Кинообразы стран и людей. М.: Изд-во МОО «Информация для всех», 2017. 389 с.
- [14] Федоров А.В. Сравнительный анализ медийных стереотипов времен «холодной войны» и идеологической конфронтации (1946—1991) // Медиаобразование. 2009. № 4. С. 62—85.
- [15] Чистякова В.О. Отечественное военное кино 1911—2011 годов: медиатизация памяти // Культурологический журнал. 2012. № 3. С. 1—14.
- [16] Юдин К.А. «Образ врага» и атмосфера «холодного противостояния» в зарубежном кинематографе 1960-х — 1970-х гг. // Диалог со временем. 2019. Вып. 67. С. 178—194.
- [17] Якобидзе-Гитман А. Восстание фантазмов: Сталинская эпоха в постсоветском кино. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 312 с.
- [18] Babitsky P., Rimberg J. *The Soviet Film Industry*. N.Y.: Praeger, 1955. 377 p.
- [19] Condee N. *The Imperial Trace: Recent Russian Cinema*. New York: Oxford University Press, 2009. 360 p.
- [20] Davies S. *Soviet Cinema in the Early Cold War: Pudovkin's Admiral Nakhimov in Context // Across the Blocs: Cold War Cultural and Social History / ed. by P. Major and R. Mitter*. L., 2004. P. 39—55.
- [21] Kenz P. *Cinema and Soviet Society, 1917—1953*. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 1992. 281 p.
- [22] Kenz P. *The Picture of the Enemy in Stalinist Films // Insiders and Outsiders in Russian Cinema / S.M. Norris, Z.M. Torlone (eds.)*. Indiana University Press, 2008. P. 96—112.
- [23] La Feber W. *America, Russia and Cold War*. New York: Alfred A. Knopf, 1990. 512 p.
- [24] Parish J.R., Pitts M.R. *The Great Spy Pictures*. Metuchen, N.J.: The Scarecrow Press, 1974. 585 p.
- [25] Robin R.T. *The Making of the Cold War Enemy*. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2001. 277 p.

- [26] Shaw T., Youngblood D. Cold War Sport, Film, and Propaganda: A Comparative Analysis of the Superpowers // *Journal of Cold War Studies*. 2017. Vol. 19. № 1. P. 160—192.
- [27] Shaw T., Youngblood D.J. *Cinematic Cold War: The American and Soviet Struggle for Heart and Minds*. Lawrence: University Press of Kansas, 2010. 301 p.
- [28] Shlapentokh D. *Soviet Cinematography 1918—1991: Ideological Conflict and Social Reality*. N.Y.: Aldine de Gruyter, 1993. 278 p.
- [29] Small M. Hollywood and Teaching About Russian-American Relations // *Film and History*. 1980. № 10. P. 1—8.

История статьи:

Статья поступила в редакцию 14.03.2019.

Статья принята к публикации 28.06.2019.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-513-524

Research article

Formal and Real Efficiency of Memory Policy (as Exemplified by Historical Cinematography of the Cold War Period)

S.I. Belov

Central Museum of the Great Patriotic War 1941—1945
10, Bratiev Fonchenko str., 121170, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article attempts to record and evaluate formal criteria for determining the effectiveness of the Cold War era Soviet films (box office revenue in the USSR, box office sales in the socialist countries, foreign currency take, number of viewers, number of positive letters from the audience to the authorities, number of professional favorable reviews, prizes and awards, positive evaluation of the Cinema Arts Council) as a tool for implementation of “memory policy” in the Soviet Union. During the period in question, there was no adequate system for assessing ideological work in the USSR. Formal criteria mainly focused on the number of viewers, ignoring the quality of message assimilation by the audience. Through the example of Soviet historical films, the article examines the practice of building collective and cultural memory in the context of pursuing a political objective. The author also proposes a list of criteria for assessing cinema as a tool for forming long-term ideas about the past, shaping an enemy’s image, and implementing the national memory policy.

Keywords: cinema, Cold War, memory policy, historical memory, image of enemy, identity

Acknowledgments: The publication was prepared in the framework of the research project No. 18-18-00233 entitled “Cinema images of Soviet and American enemies in the symbolic policy of the Cold War: Comparative analysis” supported by the Russian Science Foundation.

References

- [1] Belov S.I. Anti-Soviet Films from the West: The Secret of Popularity Among Russians (On the Materials of American Cinema of the 1980-s). *Materials of the VIII All-Russian Congress of Political Scientists*. Moscow; 6—8 December 2018: 62—63 (In Russ.).
- [2] Karusheva Yu.M. Current Films of the Cold War: A Comparative Analysis. *Social Competence*. 2018; 12: 76—83 (In Russ.).

- [3] Kolesnikova A.G. Game Cinema of the mid-1950s — mid-1980s as a Means of Soviet Propaganda: The Create and Actualization of the Image of the Enemy. *Old Years*. 2011; 1: 68—76 (In Russ.).
- [4] Kolesnikova A.G. “*Fight After Victory*”: *The Image of the Enemy in the Soviet Game Cinema of the Cold War Period*. Moscow: RSUH; 2015. 230 p. (In Russ.).
- [5] Kolesnikova A.G. The Image of the Enemy of the Cold War Period in Detective-Adventure Films of the 1950s—1980s: Audience and the Problem of Historical Memory. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia*. 2009; 3: 144—153 (In Russ.).
- [6] Magidov V.M. *Film and Photo Documents in the Context of Historical Knowledge*. Moscow: RSUH; 2005. 394 p. (In Russ.).
- [7] Rukavishnikov V.O. *Cold War, Cold Peace. Public Opinion in the USA and Europe about the USSR/Russia, Foreign Policy and Security of the West*. Moscow: Akademicheskii Prospekt; 2005. 864 p. (In Russ.).
- [8] Ryabova T.B., Ryabov O.V. Stereotyping as a Mechanism of Symbolic Politics. *Herzen's Readings 2018. Actual Issues of Political Knowledge*. Collection of Scientific Papers. A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Faculty of Social Sciences. St. Petersburg; 2018; Vol. 1: 23—28 (In Russ.).
- [9] Smirnov D.G. The War of Forms in the Symbolic Politics of the Cold War: Semiological Aspects. *Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities*. 2019; 2: 60—68 (In Russ.).
- [10] Stishova E., Sirivlya N. Nightingales on 17th Street [Scientific Research about Anti-Americanism in Soviet Cinema, Pittsburg University, May 2003]. *Art of Cinema*. 2003; 10: 5—21 (In Russ.).
- [11] Talal A. *Myth and Life in the Cinema: Meanings and Instruments of Dramatic Language*. Moscow: Al'pina non-fikshn; 2018. 394 p. (In Russ.).
- [12] Fateev A.V. *The Image of the Enemy in the Soviet Propaganda of 1945—1954*. Moscow: Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; 1999. 261 p. (In Russ.).
- [13] Fedorov A.V. *Reflections: The West about Russia / Russia about the West. Movie Images of Countries and People*. Moscow: Publishing house “Information for All”; 2017. 389 p. (In Russ.).
- [14] Fedorov A.V. Comparative Analysis of Media Stereotypes of the Cold War and Ideological Confrontation (1946—1991). *Media Education*. 2009; 4: 62—85 (In Russ.).
- [15] Chistyakova V.O. National Military Cinema of 1911—2011: Media of Memory. *Cultural Journal*. 2012; 3: 1—14 (In Russ.).
- [16] Yudin K.A. “The Image of the Enemy” and the Atmosphere of “Cold Opposition” in Foreign Cinema of the 1960s — 1970s. *Dialogue with Time*. 2019; Vol. 67: 178—194 (In Russ.).
- [17] Yakobidze-Gitman A. *Rise of Phantasms: The Stalin Era in Post-Soviet Cinema*. Moscow: New Literary Review; 2015. 312 p. (In Russ.).
- [18] Babitsky P., Rimberg J. *The Soviet Film Industry*. N.Y.: Praeger; 1955. 377 p.
- [19] Condee N. *The Imperial Trace: Recent Russian Cinema*. New York: Oxford University Press; 2009. 360 p.
- [20] Davies S. Soviet Cinema in the Early Cold War: Pudovkin's Admiral Nakhimov in Context. *Across the Blocs: Cold War Cultural and Social History*. Ed. by P. Major and R. Mitter. L.; 2004: 39—55.
- [21] Kenez P. *Cinema and Soviet Society, 1917—1953*. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press; 1992. 281 p.
- [22] Kenez P. The Picture of the Enemy in Stalinist Films. *Insiders and Outsiders in Russian Cinema*. Ed. by S.M. Norris, Z.M. Torlone. Indiana University Press; 2008: 96—112.
- [23] La Feber W. *America, Russia and Cold War*. New York: Alfred A. Knopf; 1990. 512 p.
- [24] Parish J.R., Pitts M.R. *The Great Spy Pictures*. Metuchen, N.J.: The Scarecrow Press; 1974. 585 p.
- [25] Robin R.T. *The Making of the Cold War Enemy*. Princeton, Oxford: Princeton University Press; 2001. 277 p.

- [26] Shaw T., Youngblood D. Cold War Sport, Film, and Propaganda: A Comparative Analysis of the Superpowers. *Journal of Cold War Studies*. 2017; Vol. 19; 1: 160—192.
- [27] Shaw T., Youngblood D.J. *Cinematic Cold War: The American and Soviet Struggle for Heart and Minds*. Lawrence: University Press of Kansas; 2010. 301 p.
- [28] Shlapentokh D. *Soviet Cinematography 1918—1991: Ideological Conflict and Social Reality*. N.Y.: Aldine de Gruyter; 1993. 278 p.
- [29] Small M. Hollywood and Teaching about Russian-American Relations. *Film and History*. 1980; 10: 1—8.

Article history:

The article was submitted on 14.03.2019.

The article was accepted on 28.06.2019.

Сведения об авторе:

Белов Сергей Игоревич — кандидат исторических наук, ученый секретарь Центрального музея Великой Отечественной войны 1941—1945 годов (ORCID ID: 0000-0002-1464-040X) (e-mail: belov2006s@yandex.ru).

Information about the author:

Sergey I. Belov — PhD in History, Scientific Secretary of Central Museum of the Great Patriotic War 1941—1945 (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-1464-040X) (e-mail: belov2006s@yandex.ru).

Для цитирования:

Белов С.И. Формальная и реальная эффективность политики памяти (на материалах исторического кинематографа периода «холодной войны») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 3. С. 513—524. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-513-524.

For citation:

Belov S.I. Formal and Real Efficiency of Memory Policy (as Exemplified by Historical Cinematography of the Cold War Period). *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21 (3): 513—524. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-513-524.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-525-537

Научная статья

Электронное правительство на пути к созданию ответственного и эффективного государственного управления

С.Л. Сергеева, А.С. Денисов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Проспект Вернадского, д. 84, Москва, Россия, 119571

Аннотация. В статье рассматриваются современные направления развития электронного правительства и его значение для создания открытых и подотчетных общественных институтов, участвующих в процессах управления. Цель исследования заключается в том, чтобы раскрыть потенциал электронного правительства в создании ответственного и эффективного государственного управления. Использовались аналитические методы, системный и сетевой подходы, социологические, статистические, эмпирические методы (рейтингование и шкалирование). Работа опирается на основополагающие концептуальные документы и стратегические решения, принятые в России, структурах Евросоюза и фундаментальные исследования, проведенные в институтах ООН. Новационность работы заключается в обобщении результатов мониторинга развития электронного правительства и определении его роли в совершенствовании процессов государственного управления. На основе анализа эмпирических материалов в статье показано, что электронное правительство способствует реализации и трансформации концепции «качественного управления» (good governance) в концепцию «совместного публичного правления» (collaborative public governance). В этой связи центральным вопросом становится создание все более открытого правительства, которое стремится повысить прозрачность государственных процессов и решений, сделать документы и данные более доступными, облегчив общественный контроль и надзор. Инструментом повышения прозрачности и участия может стать платформа открытых государственных данных, создаваемая в рамках электронного правительства и способная также привести к более эффективному использованию ресурсов и улучшению предоставления государственных услуг. Делается вывод о том, что подход, основанный на данных, можно предложить в качестве обновленной концепции государственного управления, соответствующей таким принципам, как эффективность, включенность, ответственность, надежность и открытость, ведущей в конечном итоге к созданию ответственного и эффективного государственного управления. Именно эти принципы управления должны направлять технологии, а не наоборот; аналогичным образом функциональные возможности должны определять используемую технологию. Государствам необходимо пересмотреть свои модели управления так, чтобы они соответствовали указанным принципам и отвечали потребностям людей в более отзывчивых и инклюзивных услугах. Для получения положительного эффекта электронные технологии следует внедрять в конкретные социальные условия и обеспечить их надлежащее регулирование.

Ключевые слова: электронное правительство, государственное управление, открытые данные, совместное публичное правление, платформа открытых государственных данных, государственные услуги

© Сергеева С.Л., Денисов А.С., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Введение

Генеральной Ассамблеей ООН 21 октября 2015 г. был принят стратегический документ «Трансформация нашего мира: Повестка дня устойчивого развития до 2030 г.» (“Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development») [1]. Концепция предусматривает построение мира, в котором главенствуют «демократия, качественное управление («good governance») и право, а также создаются благоприятные условия на национальном и международном уровнях, имеющие важнейшее значение для устойчивого развития, включая устойчивый и всесторонний экономический рост, социальное развитие, охрану окружающей среды и искоренение нищеты и голода» [1]. Данное видение сосредотачивается на необходимости построения мирных, справедливых и инклюзивных обществ, которые обеспечивают равный доступ к правосудию и основаны на уважении прав человека (в том числе права на развитие), эффективном правопорядке и качественном управлении на всех уровнях, прозрачные, эффективные и подотчетные учреждения.

В мировой Повестке Дня на период до 2030 г. также подчеркиваются стратегические преимущества, которые дает технологическая революция: «Распространение информационных и коммуникационных технологий и глобальная взаимосвязанность имеют большой потенциал для ускорения прогресса человечества в преодолении цифрового разрыва и развития общества знаний, равно как и научно-технические инновации в разных областях...» [1].

Электронное правительство в достижении «качественного управления»

Среди развитых стран мира существует единое мнение, что электронное правительство способствует реализации «good governance» и имеет важное значение для создания эффективных, подотчетных общественных институтов на всех уровнях. Однако для того, чтобы это произошло, необходимо выполнить ряд предварительных условий, как это было указано Всемирным Банком в его Докладе «Цифровые Дивиденды» 2016 г. [2]. А именно правительствам рекомендуется использовать потенциал информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) посредством согласованной политики в государственном секторе, тесно связанной с более широким национальным политическим курсом, направленным на достижение целей устойчивого развития. Чтобы добиться успеха, необходим общегосударственный межведомственный подход, а также партнерские отношения с неправительственными организациями. Этот подход должен поддерживаться политической волей высшего руководства, выражением которой может стать эффективная межправительственная структура с четко определенными финансовыми ресурсами и полномочиями принимать решения. Максимальное использование потенциала ИКТ также потребует соответствующей инфраструктуры для взаимодействия и осуществления цифровых транзакций в государственном секторе, а также высококвалифицированного персонала и широких организационных полномочий.

Формирование доверия общественности к результатам работы на основе применения ИКТ, а также технологий электронного правительства является еще

одним фундаментальным шагом на пути к достижению целей устойчивого развития в широком его понимании. Это во многом будет зависеть от государственной политики, направленной, прежде всего, на реализацию потребностей людей и их равного доступа к качественным государственным услугам. Для эффективного предоставления услуг приложения электронного правительства должны разрабатываться с учетом этих потребностей и способствовать активному участию граждан в их формировании. Роль местных органов власти будет все более важной для охвата наиболее уязвимых слоев населения. Работа на местном уровне со всеми сообществами с помощью инновационных механизмов электронного участия является обязательным условием выполнения указанной Повестки. Таким образом, возникает потребность в разработке целостного подхода, который устраняет межсетевые экраны между министерствами и создает возможности правительству для усовершенствования процесса выработки политики с помощью новой структуры управления и высокоэффективных государственных служб. Этот подход также охватывает различные формы вовлечения негосударственных заинтересованных сторон в процессы принятия решений посредством участия, партнерских отношений, сотрудничества и совместной работы. Вообще говоря, такая интеграция подразумевает нахождение путей развития сотрудничества между учреждениями, решающими общие задачи на всех уровнях. Это может повлечь за собой создание соответствующих институциональных механизмов или оптимизацию практик, механизмов, возможностей, бюджетов и ресурсов государственного управления [3; 8].

Технологии электронного правительства в муниципальном управлении

Расширение сотрудничества и взаимодействия между государственными учреждениями (как между секторами, так и уровнями) имеет значение для обмена данными, который осуществляется с использованием технологий электронного правительства.

Исследование ООН 2018 г. (United Nations E-Government Survey 2018) [4] по развитию электронного правительства представляет результаты пилотного исследования, проводившегося в 40 муниципалитетах по всему миру. В нем проблемы и возможности внедрения принципов и приемов «электронного правления» («e-governance») в органах местного самоуправления представлены через рассмотрение конкретных случаев. Цель исследования заключалась в продвижении технологий электронного правительства на местном (городском) уровне. Каждый город анализировался по 60 показателям Индекса локальных онлайн услуг (LOSI), охватывающим технические и содержательные аспекты веб-сайта муниципалитета (города), а также инициативы по предоставлению электронных услуг и электронному участию, реализуемые через соответствующий портал.

Исследование показало, что применение технологий электронного правительства улучшает оказание общественных услуг, вовлекая граждан в этот процесс, повышает прозрачность и подотчетность местных властей. Применение технологий электронного правительства улучшает согласованность «цифровизации» местных органов власти с национальными цифровыми стратегиями.

Таблица 1

Ранжирование вебсайтов городов мира

Рейтинг	Город	Общие показатели	Технологические показатели	Показатели предоставления контента	Показатели оказания услуг	Показатели участия и вовлечения	Группа
1	Москва	55	10	26	11	9	Очень высокий
2	Кейптаун	53	10	26	11	7	(более 75% показателей)
2	Таллин	53	11	26	12	5	
4	Лондон	51	10	25	11	6	
4	Париж	51	11	24	8	9	
6	Сидней	50	11	21	12	7	
7	Амстердам	49	9	25	10	6	
7	Сеул	49	11	25	6	8	
9	Рим	48	11	25	8	5	
9	Варшава	48	11	25	7	6	
11	Хельсинки	47	10	24	7	7	
11	Стамбул	47	6	24	12	6	
11	Шанхай	47	10	24	5	9	
14	Мадрид	46	10	22	8	7	
14	Нью-Йорк	46	10	21	10	6	
16	Дубай	44	10	21	10	4	Высокий
17	Прага	43	10	23	4	7	(50—75% показателей)
18	Аддис-Абеба	42	12	21	4	6	
19	Токио	41	12	24	3	3	
19	Торонто	41	9	22	8	3	
21	Буэнос-Айрес	40	8	22	5	6	

Источник: Обзор ООН: Электронное правительство 2018.

Table 1

Ranking of World Cities Websites

Rank	City	Total indicators	Technology indicators	Content provision indicators	Service provision indicators	Participation and engagement indicators	Cluster
1	Moscow	55	10	26	11	9	Very high
2	Cape Town	53	10	26	11	7	(more than 75% indicators)
2	Tallinn	53	11	26	12	5	
4	London	51	10	25	11	6	
4	Paris	51	11	24	8	9	
6	Sydney	50	11	21	12	7	
7	Amsterdam	49	9	25	10	6	
7	Seoul	49	11	25	6	8	
9	Rome	48	11	25	8	5	
9	Warsaw	48	11	25	7	6	
11	Helsinki	47	10	24	7	7	
11	Istanbul	47	6	24	12	6	
11	Shanghai	47	10	24	5	9	
14	Madrid	46	10	22	8	7	
14	New York City	46	10	21	10	6	
16	Dubai	44	10	21	10	4	High
17	Prague	43	10	23	4	7	(50 to 75%)
18	Addis Ababa	42	12	21	4	6	
19	Tokyo	41	12	24	3	3	
19	Toronto	41	9	22	8	3	
21	Buenos Aires	40	8	22	5	6	

Source: [4].

**Сопоставление индексов онлайн-услуг по городам (LOSI)
и странам (OSI) в 2018 г.**

Категория города / муниципалитета по индексу LOSI за 2018 год

	Низкий	Средний	Высокий	Очень высокий		
	5%		25%	37,5%		
Очень высокий	Богота Мехико		Алматы Афины Берлин Буэнос-Айрес Дубай Куала-Лумпур Мумбаи	Эр-Рияд Токио Торонто	Амстердам Кейптаун Хельсинки Стамбул Лондон Мадрид Москва Нью-Йорк	Париж Рим Сеул Шанхай Сидней Таллин Варшава
Высокий	12,5% Аккра Бангкок Коломбо Карачи Санто-Доминго		12,5% Аддис-Абеба Каир Джакарта Найроби Прага			
Средний	5% Луанда Порт Морсби					
Низкий	2,5% Абиджан					

Источник: Обзор ООН: Электронное правительство 2018.

Table 2

Comparison of Indices of Online Services by City (LOSI) and Countries (OSI) in 2018

City/Municipality classification in the LOSI 2018

	Low	Medium	High	Very high		
	5%		25%	37,5%		
Very high	Bogotá Mexico City		Almaty Athens Berlin Buenos Aires Dubai Kuala Lumpur Mumbai	Riyadh Tokyo Toronto	Amsterdam Cape Town Helsinki Istanbul London Madrid Moscow New York City	Paris Rome Seoul Shanghai Sidney Tallinn Warsaw
High	12,5% Accra Bangkok Colombo (commercial) Karachi Santo Domingo		12,5% Addis Ababa Cairo Jakarta Nairobi Prague			
Medium	5% Luanda Port Moresby					
Low	2,5% Abidjan					

Source: [4]

В табл. 1 представлен итоговый рейтинг городов. Таблица группирует города по общему количеству набранных баллов, а также рассматриваются четыре кластера уровней значений: очень высокий уровень, объединяющий города, которые соответствовали как минимум 46 показателям из 60 проанализированных (более 75% показателей); высокий уровень, группирующий города с показателями от 31 до 45 (от 50 до 75%); средний уровень, объединяющий города, удовлетворяющие 16—30 показателям (от 25 до 50%), и, наконец, низкий уровень, объединяющий города с менее 16 показателями (менее 25%). Этот кластер не представлен в таблице, поскольку ни один из городов не набрал менее 16 показателей. В этом исследовании топ-10 из 40 пилотных городов возглавляет столица нашей страны Москва, занимающая первое место, далее следуют Кейптаун, Таллинн, Лондон, Париж, Сидней и Амстердам (см. табл. 1) [4. XXVI].

Материал табл. 2 иллюстрирует взаимосвязь между уровнем оценки, получаемой городом, и уровнем развития э-правительства страны, к которой принадлежит город. Она определяется путем сравнения места в классификации, полученного городом в пилотном проекте (LOSI), со значением и классификацией OSI (Индекса онлайн-услуг), полученным в исследовании ООН развития э-правительства 2018 г. [4. Р. 96]: очень высокий (страны с $OSI \geq 0,75$), высокий (OSI от 0,5 до 0,75), средний (OSI 0,25—0,5) и низкий ($OSI \leq 0,25$). Из табл. 2 видно, что Россия и Москва попадают в кластер очень высокого уровня технического развития, контента и сервисов и индикаторов участия и включенности граждан страны и жителей столицы.

Исследование также показало, что политики, лица, принимающие решения, государственные служащие разрабатывают новую стратегию для повышения устойчивости и стабильности в различных областях общественной жизни и государственных секторах. Процессы государственного управления в настоящее время переживают реинжиниринг с целью интеграции элементов этой стратегии и усилий по местному планированию и развитию.

Кроме того, четкие, долгосрочные политические и стратегические основы необходимы в целях благоприятной среды для использования электронных технологий и на государственной службе. Способность учреждений удовлетворять ожидания в отношении компетентности и результативном предоставлении государственных услуг для всех, а также подотчетность перед обществом должны входить в число основных приоритетов государственного и муниципального управления.

Открытые государственные данные как компонент стратегии электронного правительства

В связи с этим центральным вопросом становится создание все более открытого правительства, которое стремится повысить прозрачность государственных процессов и решений, сделать документы и данные более доступными, что облегчит общественный контроль и надзор. Одним из инструментов, используемых для повышения прозрачности и участия, является платформа Открытых государственных данных (ОГД), которые могут быть определены как информация, рас-

крытая органом государственной власти и ставшая доступной онлайн для всех без ограничений. ОГД вводит новый подход к публикации государственных данных и информации и помогает устранить разрыв между государством, гражданами и другими заинтересованными сторонами. Доступ, повторное использование и обработка ОГД создают ценность не только для государственных учреждений, но и для всего общества [5], предоставляют всем заинтересованным сторонам полный и бесплатный доступ к данным и открывают возможность для людей оценить работу различных административных учреждений.

Обеспечение свободного доступа к данным предоставляет гражданам возможность участвовать в принятии обоснованных государственно-политических решений и определении перспектив развития. Следовательно, открытие государственных данных может привести к более эффективному использованию ресурсов и улучшению предоставления услуг, что является важным компонентом стратегий электронного правительства в большинстве развитых стран. Более того, наращивание усилий по публикации открытых данных усиливает стремление государств соответствовать принципам качественного управления.

Комитет экспертов по государственному управлению Экономического и социального совета ООН предложил свод международно признанных принципов ответственного и эффективного государственного управления [6]:

эффективность: компетентность профессиональной гражданской службы, эффективное предоставление государственных услуг, контроль за исполнением, продуманная государственная политика, сотрудничество, механизмы партнерства с участием государственного и частного секторов и гражданского общества;

включенность (широкое участие): социальная интеграция, социальная справедливость, равенство перед законом, недопущение дискриминации, участие, равенство возможностей, представительство, право голоса, всенародный опрос, субсидиарность, равенство между поколениями, устойчивое развитие;

подотчетность: добросовестность, соблюдение законности, отстаивание государственных интересов и этических норм, защита принципов неприкосновенности частной жизни, борьба с коррупцией, гласность, доступ к информации, открытое правительство, свобода СМИ, независимый надзор, активное гражданское общество, независимость судов.

Отдельные элементы вышеприведенных принципов управления реализуют рассматриваемый подход открытых данных, который позволяет осуществить переход к открытому управлению («open governance»). Более того, появление платформы ОГД создает условия для использования электронного правительства как платформы для устойчивого развития.

В этом контексте платформа означает открытую среду и экосистему данных с четко определенными стандартами и руководящими принципами, инструментами и ресурсами. Ее назначение состоит в том, чтобы привлечь все заинтересованные стороны сотрудничать ради создания общественных ценностей, тем самым способствуя развитию общества и повышению общественного благосостояния. Это может быть сервисная платформа с открытым исходным кодом на основе облачных технологий, предоставляющая государственные услуги, данные

и средства поддержки, используемые как строительные блоки для повышения результативности и функциональности, как это предусмотрено, например, Европейским планом действий электронного правительства (European E-Government Action Plan 2016—2020), в соответствии с которым к 2020 году государственные администрации и государственные учреждения в Европейском Союзе должны стать открытыми, эффективными и всеохватывающими, предоставляя безграничные, персонализированные, удобные для пользователя, сквозные цифровые публичные услуги для всех граждан и организаций в ЕС [7].

Электронное правительство, рассматриваемое и действующее в качестве платформы для устойчивого развития, может создавать общественные ценности и ряд ориентированных на человека преимуществ. Использование ИКТ превращает граждан, сообщества, структуры гражданского общества и предприятия из пассивных потребителей данных и знаний в их активных производителей. Например, граждане все больше делятся друг с другом информацией в социальных сетях и имеют тенденцию советоваться с другими гражданами, а не консультироваться с государственными структурами. Иными словами, они все чаще используют «социальный отклик» и «социальный поиск», чтобы организовать свою жизнь.

Государственный сектор как база для применения ИКТ также способен поддерживать экосистему заинтересованных сторон с меняющимися ролями и отношениями. Инновационные подходы используются для разработки и предоставления более качественных услуг в соответствии с потребностями граждан и организаций. Государственные структуры используют возможности, предоставляемые новой цифровой средой, для облегчения их взаимодействия с заинтересованными сторонами и друг с другом. Кроме того, необходимо учитывать возникающие как виртуальные, так и физические платформы, а также их взаимосвязи для поддержки создания общественных ценностей совместно со всеми участниками.

Таким образом, требуется углубленное понимание того, как государство — главный разработчик и поставщик государственных услуг — может адаптировать свою роль, чтобы стать посредником и организатором этой экосистемы, что повысило бы ее общественную значимость. Исполнение этих новых государственных функций, поддерживаемое соответствующими инструментами, такими как Большие Данные, Открытые и Связанные Данные и др., способно сформировать стандарты построения устойчивого общества, его технологии и нормы [8].

Проблемы кибербезопасности государства и защиты персональных данных

В то же время нельзя не отметить возникновение конкретных угроз, связанных с активным использованием ИКТ государством и обществом. В существующие правовые и нормативные рамки вопросы развития и внедрения цифровых технологий не вписываются. Государство и контролирующие органы пытаются учесть темпы изменений, но не успевают с разработкой соответствующих регулирующих решений. Что касается безопасности, конфиденциальности и контроля, то рост числа цифровых соединений приводит к усилению проблем кибербезопасности, например, в результате взлома критически важных инфраструктур,

в том числе тех, которые контролируют источники питания и транспортные сети. Становится все более важным обеспечивать защиту, хранение и безопасность использования огромного количества персональных данных, которые создаются и отправляются, а также защищать личность как отдельного гражданина, так и организаций.

Новые технологии используются не только государственными структурами, но и частными компаниями. Согласно Отчету о свободе в сети «Privacy and Information Technology» [9], опубликованному в Великобритании в 2014 г., свобода в Интернете снижается уже шестой год подряд, причем все больше правительств нацелены на контроль социальных сетей и коммуникационных приложений, чтобы иметь возможность остановить быстрое распространение информации, особенно во время антиправительственных акций протеста.

Подобные процессы имеют место и в России. Так, Государственная Дума ФС РФ в апреле 2019 г. приняла во втором чтении Закон о защите российского Интернета от внешних угроз, целью принятия которого является усиление информационной безопасности. В настоящее время в различных странах принято более 25 основных законов, регулирующих деятельность в Интернете, не считая других регулирующих нормативно-правовых актов [10].

Интернет-активизм достиг новых высот, и с 2013 г. число стран, в которых происходили аресты за публикации в Интернете, увеличилось более чем на 50%. Пользователи социальных сетей сталкиваются с беспрецедентными штрафами, поскольку государства подвергают цензуре разнообразный контент и устанавливают меры безопасности, которые угрожают свободе слова и конфиденциальности. Наблюдается также рост феномена, называемого обществом пост-правды и связанного с производством и распространением фальшивых и лишенных реальных фактов новостей, которые могут оказать влияние на политический дискурс. Хотя это неновые явления, но в настоящее время их значение достигло совершенно иных высот.

В этом вопросе социальные медиа сыграли особо важную роль. В настоящее время Facebook, Twitter, Google и другие социальные медиа работают вместе для того чтобы выяснить, могут ли они разработать алгоритмы для фильтрации ложных новостей, публикаций, разжигающих ненависть и содержащих террористическую пропаганду. В то же время повторяющиеся и часто масштабные утечки и хищения пользовательских данных, осуществляемые технологическими компаниями, ставят под угрозу процессы доверия, социальной сплоченности и управления в различных частях мира.

В сложившихся условиях особую важность приобретают вопросы укрепления доверия к властям и государственным институтам, а также повышение прозрачности и открытости в процессах управления. Подробная информация на правительственных веб-сайтах об институциональных механизмах, наличие механизмов обратной связи или подачи жалоб, возможность напрямую связываться с государственными органами, среди прочего, способствуют повышению прозрачности и открытости правительств. Доступность правовой информации и государствен-

ных нормативных актов, защищающих от неправомерного использования персональных данных и обеспечивающих информационную безопасность для всех граждан, способствует повышению подотчетности и надежности и формирует доверие к властям.

Заключение

Таким образом, рассмотренный выше подход можно предложить в качестве обновленной концепции государственного управления на основе данных, соответствующей таким принципам, как эффективность, включенность, ответственность, надежность и открытость, ведущую в конечном итоге к созданию ответственного и эффективного государственного управления. Именно эти принципы управления должны направлять технологии, а не наоборот. Аналогичным образом функциональные возможности должны определять используемую технологию. Соответственно, государствам необходимо пересмотреть свои модели управления так, чтобы они соответствовали указанным принципам и отвечали потребностям людей в более отзывчивых и инклюзивных услугах. Важно также понимать, что новые технологии следует внедрять в конкретные социальные условия и обеспечить их надлежащее регулирование для получения положительного эффекта.

Электронное правительство изначально было направлено на предоставление услуг через Интернет. Дальнейшее его развитие видится в трансформации в цифровое правительство, основанное на социальных инновациях и преобразующее государственное управление для достижения большей результативности.

И наконец, важно использовать мощь новых технологий с помощью соответствующих стратегий управления ИКТ, которые улучшают интеграцию политического курса с технологиями электронного правительства. Глобальное распространение Интернета и активное применение ИКТ в деятельности государства, а также увеличение инвестиций в инфокоммуникации в сочетании с наращиванием потенциала человеческого капитала могут создать условия для формирования ответственного и эффективного государственного управления.

Библиографический список

- [1] Transforming our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development. Режим доступа: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=E. Дата обращения: 12.03.2019.
- [2] World Development Report 2016: Digital Dividends. Режим доступа: <http://www.worldbank.org/en/publication/wdr2016>. Дата обращения: 02.04.2019.
- [3] Павлютенкова М.Ю., Гердичук Ю.В. Электронное правительство в реализации политики устойчивого развития // *PolitBook*. 2017. № 2. С. 6—21.
- [4] United Nations E-Government Survey 2018 // United Nations New York, 2018. Режим доступа: https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2018-Survey/E-Government%20Survey%202018_FINAL%20for%20web.pdf. Дата обращения: 04.04.2019.
- [5] Working Together: Integration, Institutions and the Sustainable Development Goals. World Public Sector Report 2018. Division for Public Administration and Development Management. UNDESA. New York. April 2018.

- [6] На пути к разработке свода международно признанных принципов ответственного и эффективного государственного управления. Комитет экспертов по государственному управлению. Экономический и социальный совет ООН. 16 сессия. 24—28 апреля 2017 г. Режим доступа: <http://workspace.unpan.org/sites/Internet/Documents/UNPAN96939.pdf>. Дата обращения: 15.03.2019.
- [7] European E-Government Action Plan 2016—2020. Режим доступа: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/european-egovernment-action-plan-2016-2020>. Дата обращения: 06.03.2019.
- [8] Sensornet. Режим доступа: <http://www.sensornet.nl/english>. Дата обращения: 06.04.2019.
- [9] Privacy and Information Technology // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2014. Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/entries/it-privacy/>. Дата обращения: 08.04.2019.
- [10] Топ 25 законов о регулировании Интернета на Западе // Экономика сегодня. 25.02.2019. Режим доступа: <https://rueconomics.ru/377922-top-25-zakonov-o-regulirovanii-interneta-na-zapade>. Дата обращения: 26.02.2019.

История статьи:

Статья поступила в редакцию 10.04.2019.

Статья принята к публикации 22.06.2019.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-525-537

Research article

E-Government Towards the Establishment of Responsible and Efficient Public Administration

S.L. Sergeeva, A.S. Denisov

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82 Vernadsky Prosp., Moscow, Russian Federation, 119571

Abstract. The publication analyses the current directions of development of e-government and its meaning for the formation of open and accountable public institutions involved in administration processes. The goal of the study is to reveal the potential of e-government in creating responsible and efficient government. The authors applied analytical methods such as system and network approaches, sociological, statistical, empirical methods (ranking and scaling). The research is based on the fundamental conceptual documents and strategic decisions adopted in Russia, the structures of the European Union and the basic research carried out by UN institutions. The article provides the summary of the monitoring results of the development of e-government and original analysis of its role in improving the processes of public administration. Based on the analysis of empirical materials, the article shows that e-government contributes to the implementation and transformation of the concept of “good governance” into the concept of “collaborative public governance”. In this regard, the creation of an increasingly open government that seeks to increase its transparency to make documents and data more accessible, facilitating public control and supervision, becomes a central issue. An open government data platform created through e-government is a tool to increase transparency and participation that can also lead to more efficient use of resources and improved provision of public services. The authors conclude that a data-based approach could be proposed as an updated concept of public administration based on the principles such as efficiency, inclusiveness, responsibility, reliability and openness, leading to the establishment of responsible and effective public administration. The authors suppose that contemporary states need to re-evaluate their governance models so that they comply with these principles and meet the needs of people for more responsive and inclusive public services. To achieve a positive effect, electronic technologies should be applied to specific social conditions and ensure their proper regulation.

Keywords: electronic government, public administration, open data, collaborative public governance, open public data platform, government services

References

- [1] *Transforming our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development*. Available from: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=E. Accessed: 12.03.2019.
- [2] *World Development Report 2016: Digital Dividends*. Available from: <http://www.worldbank.org/en/publication/wdr2016>. Accessed: 02.04.2019.
- [3] Pavlyutenkova M.Y., Gerdichuk Y.V. E-Government in the Implementation of Sustainable Development Policies. *PolitBook*. 2017; 2 (In Russ.).
- [4] United Nations E-Government Survey 2018. *United Nations*. New York; 2018. Available from: https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2018-Survey/E-Government%20Survey%202018_FINAL%20for%20web.pdf. Accessed: 04.04.2019.
- [5] Working Together: Integration, institutions and the Sustainable Development Goals. World Public Sector Report 2018. Division for Public Administration and Development Management. *UNDESA*. New York. April 2018.
- [6] *Towards the Development of a Code of Internationally Recognized Principles of Responsible and Effective Public Administration*. Committee of Experts on Public Administration. *United Nations Economic and Social Council*. Session 16 April 24—28, 2017. Available from: <http://workspace.unpan.org/sites/Internet/Documents/UNPAN96939.pdf>. Accessed: 15.03.2019 (In Russ.).
- [7] *European E-Government Action Plan 2016—2020*. Available from: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/european-egovernment-action-plan-2016-2020>. Accessed: 06.03.2019.
- [8] *Sensornet*. Available from: <http://www.sensornet.nl/english>. Accessed: 06.04.2019.
- [9] Privacy and Information Technology. *Stanford Encyclopaedia of Philosophy 2014*. Available from: <https://plato.stanford.edu/entries/it-privacy/>. Accessed: 08.04.2019.
- [10] Top 25 Laws Regulating the Internet in the West. *Economy Today*. 25.02.2019. Available from: <https://rueconomics.ru/377922-top-25-zakonov-o-regulirovanii-interneta-na-zapade>. Accessed: 26.02.2019 (In Russ.).

Article history:

The article was submitted on 10.04.2019.

The article was accepted on 22.06.2019.

Сведения об авторах

Сергеева Светлана Леонидовна — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политического управления Школы политических исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (e-mail: sergeevasl@mail.ru).

Денисов Антон Сергеевич — аспирант кафедры политологии и политического управления Школы политических исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (e-mail: ad@lsgroup.pro).

Information about the authors:

Svetlana L. Sergeeva — PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Political Science and Political Management, School of Political Researches of Institute of Social Sciences of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0003-1364-2873) (e-mail: sergeevasl@mail.ru).

Anton S. Denisov — PhD Student of the Department of Political Science and Political Management, School of Political Researches of Institute of Social Sciences of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation) (e-mail: ad@lsgroup.pro).

Для цитирования:

Сергеева С.Л., Денисов А.С. Электронное правительство на пути к созданию ответственного и эффективного государственного управления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 3. С. 525—537. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-525-537.

For citation:

Sergeeva S.L., Denisov A.S. E-government Towards the Establishment of Responsible and Efficient Public Administration. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21 (3): 525—537. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-525-537.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-538-548

Научная статья

Использование интернет-технологий для мобилизации электората: особенности, субъекты и перспективы

Д.Е. Антонов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
ул. Ленинские горы, 1, Москва, Россия, 119991

Аннотация. В статье анализируется роль интернет-технологий в процессе мобилизации электората. Одним из последствий реформ, проводимых в России, станет медиатизация избирательного процесса. Современные подходы к пониманию электоральной мобилизации основаны на классических элитистских концепциях и теории массового общества. Подобный ракурс не позволяет выявить отдельных субъектов мобилизационного воздействия и проанализировать их собственные стратегии. Автор предлагает взглянуть на проблему с позиций неинституционального подхода. Мобилизационное воздействие может трактоваться как форма субъект-объектных интеракций разных субъектов избирательного процесса. Автор выделяет три основные цели мобилизационных интеракций: привлечение новых сторонников, побуждение к конкретной форме политической активности, а также выбору определенной позиции в избирательном бюллетене. Второй задачей автора является оценка особенностей использования интернет-технологий в процессе электоральной мобилизации. В заключении статьи указываются возможные тенденции развития технологий интернет-мобилизации электората. Выбранный ракурс исследования позволяет сделать выводы о том, какие формы приобретет работа с избирателями в условиях развития технологий интернет-коммуникаций.

Ключевые слова: интернет-технологии, мобилизация, выборы, избирательный процесс, медиатизация

Введение

Бурное развитие интернет-технологий и постоянно растущий рост активной интернет-аудитории по всему миру делают анализ медиатизации политического процесса и его субпроцессов одной из центральных задач современной политической науки. Еще Д. Истон отмечал, что к экстрасоциетальным факторам политических изменений относится информационное пространство политической системы [4]. Влияние изменений моделей распространения информации на трансформацию общественно-политических институтов получило название медиатизации, а концептуальные рамки данной теории были сформулированы Дж. Томпсоном, Г. Иннисом, Н. Хомским, Э. Херманом, Т. Мейером, М. Кастельсом [5; 18; 19; 21; 25] и др.

© Антонов Д.Е., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

28 июля 2017 г. Правительство России утвердило Национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации». Среди основных целей обеспечение широкополосного доступа к сети Интернет 100% органов государственной власти и местного самоуправления, а также интеграция информационных систем и ресурсов органов государственной власти и местного самоуправления в государственную единую облачную платформу [9]. Подобная цифровизация не может не оказать влияния на политический процесс современной России, а также на его subprocesses, к которым относится и избирательный процесс. Соответственно, требуется анализ разных аспектов потенциального влияния медиатизации на избирательный процесс.

Кроме того, требует дополнительной концептуализации и проблема использования интернет-технологий субъектами избирательного процесса. Так, например, А. Несмашный, анализируя практику использования понятия «политические интернет-технологии», отмечает, что большинство авторов описывают только маркетинговые и рекламные технологии [8]. Соглашаясь с указанным автором, отметим, что критикуемый им подход содержит в себе серьезные эвристические ограничения. Круг субъектов избирательного процесса, использующих в своей деятельности интернет-технологии, гораздо шире, чем агитирующие партии и кандидаты. Подобное неоправданное сужение исследовательского фокуса мешает решению фундаментальной задачи, заключающейся в комплексной оценке эффектов медиатизации и цифровизации избирательного процесса.

Целью данной статьи является описание практик использования интернет-технологий для решения одной из важнейших задач целого ряда субъектов избирательного процесса: мотивации электората. Теоретико-методологическим фундаментом исследования, помимо уже указанных авторов, является неoinституциональное представление о природе избирательного процесса как системе целерациональных интеракций его субъектов. В современной социогуманитарной науке распространен подход к определению мобилизации как субъект-объектному взаимодействию элиты и электората. Неoinституциональный подход позволяет расширить список возможных субъектов мобилизационного воздействия, а также проанализировать их персональные стратегии.

Выборы, как процедура формирования органов власти, представляет собой ограниченную во времени последовательность действий субъектов избирательного процесса, каждое из которых имеет жесткую регламентацию в нормативно-правовых актах. Интернет-технологии в избирательном процессе — это используемые субъектами избирательного процесса сервисы и программное обеспечение, позволяющие решать задачи, связанные с коммуникацией в Интернете. Существующая информационная инфраструктура и уровень медиатизации политического процесса позволяют утверждать, что на самом деле все участники избирательного процесса во время выборов для решения специфических задач используют различные интернет-технологии. Мобилизация электората не является исключением.

Мобилизационные параметры электорального поведения являются объектом исследования представителей политической науки, правоведения, социологии, политической психологии. Разные авторы обращают внимание на отдельные

аспекты мобилизации электората, оставаясь при этом на схожих теоретико-методологических позициях. Мобилизацию электората предлагается понимать как управление электоральным поведением избирателей со стороны политических элит. На этом, например, делает акцент А.П. Сафронов, когда описывает популистские практики вечевых собраний в Пскове и Новгороде, а также особенности плебисцитов в итальянских торговых городах XII—XIV вв., античной Греции и Рима [11]. Указанный автор обращает внимание на популистские практики управления уровнем электоральной поддержки: представители элиты, используя доступные каналы массовой коммуникации, обращались к жителям поселений и уговаривали их проявить политическое участие.

Как и Сафронов, так и большинство остальных природу электоральной мобилизации понимают в рамках классических представлений теории элит и теорий массового общества о пассивном большинстве и активном управляющем и манипулирующем меньшинстве. Наиболее показательным примером является работа Дж. Розенау «Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity» [24]. Американский исследователь разделил электорат на три группы: массовая общественность (mass public), внимательная общественность (attentive public) и потенциально мобилизованная общественность (mobilizable public). Первая группа — самая многочисленная, но абсолютно пассивная. Размер второй, по мнению Розенау, может достигать до 15% от общего числа избирателей. Представители данной группы уже проявляют активность, но пока в форме потребления и передачи политической информации. Третья группа может достигать размера в 15—20% от числа избирателей и является способной на проявление политического участия. Мобилизационные усилия элит направлены на то, чтобы представители второй группы перешли в третью, а третьи совершили необходимые действия. Воздействие элиты осуществляют через агентов мобилизации: специалистов в области массовых коммуникаций, политических технологов, лидеров общественного мнения. Принимая за теоретическое основание модель Розенау, многие современные исследователи в основном описывают конкретные технологии электоральной мобилизации и социальные, экономические или политические факторы контекста мобилизационного воздействия. В свою очередь, подход Розенау содержит как минимум три серьезных ограничения, не позволяющих в достаточной мере описать особенности электоральной мобилизации.

Во-первых, подобный исследовательский ракурс не дает нам включить в предметную область исследования целый ряд потенциальных участников избирательного процесса, среди которых представители бюрократического аппарата, оппозиционные, а также нелегальные общественные объединения и политические акторы, которые также могут выступать субъектами воздействия.

Во-вторых, данный подход не предполагает выявления специфических задач электоральной мобилизации, которые у субъектов избирательного процесса сильно различаются.

И, в-третьих, существует достаточное количество научных работ, в которых подтверждается не только факт неоднородности элит, но и существование внутри элит фракционного деления и складывания ситуативных сетей, каждая из которых

точно так же реализует собственную стратегию, оказывая мобилизационное воздействие. Далее в статье предлагается немного иной взгляд на процесс мобилизации, основанный на неинституциональном подходе к анализу политического поведения, и предпринимается попытка.

Будем отталкиваться от того, что мобилизация электората — это деятельность индивидуальных или коллективных субъектов избирательного процесса по вовлечению широкого круга граждан, обладающих активным избирательным правом, т.е. избирателей, в процедуру голосования [6]. У такой деятельности может быть три цели: привлечение новых сторонников, мотивация электората к конкретному типу поведения и побуждение к выбору определенной позиции в избирательном бюллетене. Вне зависимости от того, кто выступает агентом мобилизации и какие каналы и средства коммуникации использует, цели остаются такими же.

Все интеракции субъектов избирательного процесса с использованием интернет-технологий происходят в информационном пространстве. Подобные интеракции бывают двух типов: субъект-субъектный обмен информацией (информирование) или субъект-объектное оказание влияния (агитация), куда входит и мобилизация электората.

Таким образом, перечень возможных субъект-объектных мобилизационных интеракций в информационном пространстве ограничивается тремя наборами: коллективные и индивидуальные субъекты, обладающие пассивным избирательным правом (партии и кандидаты) — избиратели; организаторы выборов — избиратели; внешние (нелегальные) акторы — избиратели. Рассмотрим особенности каждого из возможных вариантов подробнее.

Партии и кандидаты как субъекты интернет-мобилизации электората

Несмотря на тот факт, что политические партии и отдельные кандидаты, по сути, являются отдельными типами субъектов избирательного процесса, позволим себе небольшое исследовательское упрощение и рассмотрим их деятельность как эквивалентную.

Политические партии обладают рядом эксклюзивных прав, не просто позволяющих им и их представителям участвовать в выборах, но и закрепляющих специфические функции: формирование общественного мнения, политическое образование и воспитание граждан, выражение мнений граждан по любым вопросам общественной жизни. Политическая партия представляется в первую очередь как важнейший актор политической системы в целом, агент политической социализации. Основной целью как партий, так и индивидуальных кандидатов, как субъектов избирательного процесса, представляется получение политической власти за счет замещения выборной должности или получения мандата в коллегиальном органе власти. Вся деятельность данных субъектов по мобилизации избирателей сосредоточена вокруг привлечения новых сторонников и мотивации к политической деятельности электората.

Достижение первой цели не привязано к жестким юридическим рамкам агитационного периода. Так как основным назначением политических партий явля-

ется представительство интересов жителей государства, перед ними остро стоит задача коммуникации с потенциальными сторонниками и привлечения новых. Для этого необходимо использовать все доступные каналы коммуникации для донесения партийной идеологической позиции. У индивидуальных кандидатов схожие задачи и ограничения, и, точно так же, формирование ядерного электората начинается задолго до официального объявления выборов.

Для привлечения новых сторонников обоими субъектами избирательного процесса используются информационные интернет-сайты, собственные и независимых акторов (СМИ), форумы, блоги, wiki-энциклопедии, социальные сети, программы для мобильных телефонов.

Формой достижения второй указанной цели является агитация. Агитационное воздействие на электорат осуществляется для того, чтобы, во-первых, привести избирателей на участки в день голосования и, во-вторых, побудить их к конкретному электоральному выбору или, наоборот, демотивировать электорат.

Современные интернет-технологии управления избирательными кампаниями позволяют оптимизировать процесс работы с избирателями, используя специализированные программы для мобильных устройств или персональных компьютеров, а также облачные CRM-системы [14; 16; 22; 23]. Так, например, системы NationBuilder и Polis позволяют решить сразу несколько задач полевого направления избирательной кампании: создание сайта, организация информационных рассылок, формирование базы данных об избирателях, интегрированной с программой для мобильных телефонов, ГИС-системой и нейросетью для построения оптимальных маршрутов поквартирного обхода «от двери к двери». Подобные интернет-технологии в основном используются в избирательных кампаниях в США, что связано с запретом на торговлю персональными данными во многих других странах. В отечественной практике чаще можно встретить случаи использования маркетинговых CRM-систем, таких как Bitrix24 или amoCRM, с помощью которых получается выстроить «воронку» вовлечения электората путем построения многоступенчатой коммуникации.

Побуждение электората к конкретному электоральному выбору (за или против, голосовать или не голосовать) осуществляется теми же интернет-технологиями, что и для привлечения новых сторонников. В современных отечественных и зарубежных исследованиях данной проблеме уделяется достаточно внимания. Авторы в своих работах отмечают тот факт, что в агитации для быстрого и таргетированного распространения информации, манипулирования общественным сознанием и политической мобилизации, как правило, используются социальные медиа [12; 20].

Организаторы выборов как субъекты интернет-мобилизации электората

В организации выборов согласно избирательному законодательству в России участвуют все ветви власти. Однако основным организатором выборов являются избирательные комиссии, которые и осуществляют реализацию цели мобилизации

электората. Практики организаторов выборов по интернет-мобилизации входят в категорию информирования.

Границы информирования строго предписаны законодательством. Так, например, в отечественной практике предполагается, что организаторы выборов обязаны размещать на собственных интернет-ресурсах нормативно-правовые акты о подготовке и проведении выборов, данные о кандидатах и избирательных объединениях, участвующих в голосовании, информацию о результатах голосования, видеотрансляции с избирательных участков, финансовые отчеты кандидатов и избирательных объединений, участвующих в выборах, данные о нарезке округов, данные о распределении эфирного времени в СМИ между участниками выборов, данные о выделении помещений для агитации, информация о составе и графики работы комиссий разного уровня. Другими словами, организаторы выборов используют интернет-технологии для обеспечения соблюдения принципов прозрачности и открытости.

Однако опыт Центральной избирательной комиссии РФ по организации выборов в марте 2018 г. позволяет поставить вопрос дополнения категории информирования факультативной, не предписанной законодательством, функции обеспечения максимального участия электората в голосовании. Так, избирательными комиссиями разного уровня очень активно использовались социальные медиа (сайты, социальные сети, форумы, видеохостинги и т.д.) для мобилизации электората. Подтверждают обоснованность данного тезиса и результаты эксперимента по информированию избирателей с использованием социальных сетей во время президентских выборов в США в 2012 г. [17].

Внешние (нелегальные) акторы как субъекты интернет-мобилизации электората

Господствующий в отечественной науке юридический подход к анализу избирательного процесса не позволяет выделять внешних (нелегальных) акторов в качестве полноценных субъектов, так как они в полной мере не обладают правоспособностью, дееспособностью и деликтоспособностью. Однако если в качестве основного критерия выделения субъектности взять целерациональность и возможность осуществления интеракций с другими, полноправными участниками избирательного процесса, то появляется целый набор акторов политического процесса, непосредственно участвующих в выборах, но не имеющих активных или пассивных избирательных прав. К таким субъектам мы отнесем агентов влияния других государств, действующих в пространстве электоральных коммуникаций, индивидуальных или коллективных акторов, не допущенных или не принимающих участие в конкретных выборах, а также иных акторов, не имеющих формального правового статуса, но оказывающих влияние на поведение легальных субъектов избирательного процесса.

В публичном дискурсе деятельность внешних (нелегальных) субъектов получила определение «вмешательство в выборы». Подобное «вмешательство», с одной стороны, проявляется в виде непризнания результатов выборов, реше-

тельных осуждений недостаточной демократичности процесса и других публичных заявлений сотрудников внешнеполитических ведомств, формирующих отношение к результатам голосования как электората так и международного сообщества, публикации социологических и аналитических докладов, лоббирование регистрации или недопущения регистрации конкретных партий или кандидатов.

Другая форма более агрессивная. Так, например, согласно результатам исследований комитета по разведке Сената США «Background to “Assessing Russian Activities and Intentions in Recent US Elections”: The Analytic Process and Cyber Incident Attribution» [1], команды исследователей из университета Торонто «Russian interventions in foreign elections from 1991–2017» [10], а также Временной комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации [13] «вмешательство» в выборы проявляется в следующих формах: ведение агитационных и пропагандистских кампаний в информационно-коммуникационном пространстве; кибератаки на ресурсы организаторов выборов; распространение недостоверной информации о кандидатах или политических институтах; публичная поддержка конкретных кандидатов или призывы к участию в голосовании.

Таким образом, если принять тезис о существовании вмешательства в избирательный процесс, происходящем в интернет-пространстве, его целью можно определить информационное воздействие на легальных участников избирательного процесса для того, чтобы мотивировать к участию (неучастию) в выборах или выразить поддержку конкретному кандидату (или не поддержать его), тем самым мотивировав часть электората на выражение конкретной позиции в бюллетене. Другими словами, внешние (нелегальные) акторы избирательного процесса также принимают участие в процессе мобилизации электората. Их деятельность может оказать существенное влияние на явку или результаты голосования.

Выводы

Распространенный сегодня взгляд на природу мобилизационного воздействия как на отношение политических элит и «активной» части электората не позволяет полностью описать наблюдаемые формы электоральных интеракций.

Во-первых, политические элиты не являются монолитными. У разных типов элит или элитных групп могут быть собственные стратегии. Так, например, элита, стремящаяся к переизбранию, будет мотивировать электорат на конкретную форму голосования и политического участия, а бюрократической элите, организаторам выборов, необходимо просто обеспечить определенный уровень явки.

В целом можно выделить три основные цели использования субъектами избирательного процесса интернет-технологий для мобилизации электората: привлечение новых сторонников, мотивация посещения (или непосещения) избирательного участка в день голосования и побуждение к выбору конкретной позиции в избирательном бюллетене.

В условиях медиатизации избирательного процесса и постоянного роста интернет-аудитории можно с уверенностью утверждать, что в будущем неизбежно увеличение роли интернет-технологий в работе с избирателями. Некоторые осо-

бенности интернет-коммуникации позволяют нам сделать некоторые выводы о том, какие формы может принять указанная тенденция.

Выше уже был дан обзор конкретных технологических решений, позволяющих в значительной мере автоматизировать рутинные практики работы с электоратом в рамках избирательной кампании. Распространение подобных информационных систем во многих странах мира, в том числе и России, сегодня затрудняется невозможностью легально получить полные базы избирателей с разбивкой по избирательным округам и участкам. Однако подобного рода базы данных можно собрать самостоятельно: речь о технологиях Big Data или даже Total Data [2]. Пользователи социальных медиа своими действиями оставляют «цифровые следы». Сбор, анализ и интерпретация этих следов позволят как составлять персональные электоральные базы данных (с учетом особенностей конкретных кампаний), так и проводить более эффективную агитацию.

Хранение больших объемов цифровых данных о поведении пользователей, а также возможность их анализировать уже привели к тому, что политические технологи освоили таргетирование — подбор контента и канала коммуникации по конкретному пользователю [3]. По мнению В. Беннета и Д. Манхейма в перспективе это приведет к потере влияния лидеров общественного мнения, а также формированию индивидуальных информационных капсул у каждого пользователя — искусственно сформированного индивидуального информационного пространства, настроенного по предпочтениям пользователя на основании анализа его поисковых запросов и деятельности в интернет пространстве [15]. Подобная трансформация информационных каналов и особенностей информационного потребления избирателя приведут к изменениям принципов агитации. Так, британская консалтинговая компания Cambridge Analytica в течение нескольких лет предлагала своим клиентам разработку информационных кампаний с учетом сетевого поведения целевой аудитории. Достоверных подтверждений и верификации разработанных в Cambridge Analytica поведенческих моделей не существует, однако сам подход выглядит многообещающим.

Другими словами, дальнейший рост числа активных интернет-пользователей среди избирателей и развитие технологий интернет-коммуникаций будет способствовать активизации «слабых связей» избирателей, созданию индивидуальных таргетированных мобилизационных и агитационных кампаний.

В заключение отметим, что технологии электоральной интернет-мобилизации не являются основным фактором, определяющим участие граждан в избирательном процессе. Однако в условиях тренда снижения явки даже в странах, являющихся признанными демократиями [7], задача обеспечения возможности и мотивации участия широких слоев населения становится одной из определяющих для легитимации правящего режима.

Библиографический список

- [1] Background to “Assessing Russian Activities and Intentions in Recent US Elections”: The Analytic Process and Cyber Incident Attribution. Analytical report // Office of the Director of National Intelligence. 06.01.2017. Режим доступа: dni.gov/files/documents/ICA_2017_01.pdf. Дата обращения: 09.03.2019.

- [2] Володенков С.В. Total Data как феномен формирования политической постреальности // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 3. С. 409—415.
- [3] Ирхин Ю.В. Выборы 45-го Президента США: ключевые особенности, технологии, результаты // ARS ADMINISTRANDI. 2017. № 1. С. 111—131.
- [4] Истон Д. Категории системного анализа политики // Политология: Хрестоматия / сост.: проф. М.А. Василик, доц. М.С. Вершинин. М.: Гардарики, 2000. С. 319—331.
- [5] Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
- [6] Коммуникативные технологии в процессах политической мобилизации: колл. монография / науч. ред. В.А. Ачкасова, Г.С. Мельник. М.: ФЛИНТА; Наука, 2016. 248 с.
- [7] Майр П. Управляя пустотой: размывание западной демократии. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. 216 с.
- [8] Несмаиный А.О. Интернет-технологии в политике и политические информационные интернет-технологии: различия в сущности и содержании понятий // Социум и власть. 2017. № 2 (64). С. 59—64. DOI: 10.22394/1996-0522-2017-2-59-64.
- [9] Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Распоряжение Правительства РФ от 28.06.2017 № 1632-р. Режим доступа: static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf. Дата обращения: 09.03.19.
- [10] Way L.C., Casey A. Russian Foreign Election Interventions Since 1991 // PONARS Eurasia Policy Memo No. 520. March 2018. Режим доступа: ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Perp520_Way-Casey_March2018.pdf. Дата обращения: 09.03.2019.
- [11] Сафронов А.П. Радикальный популизм и мобилизационное участие. М.: КомКнига, 2006. 245 с.
- [12] Свишин А.А. Использование социальных сетей как интернет-технологий в избирательных кампаниях: международный опыт // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2013. № 2. С. 157—163.
- [13] Специальный доклад по итогам президентских выборов в Российской Федерации (2018 г.) с точки зрения покушений на российский электоральный суверенитет. 2018. 46 с. Режим доступа: <http://council.gov.ru/media/files/2uQuCAAwoWu0B8tiDeDEXn5x9CtBkTDV.pdf>. Дата обращения: 09.03.2019.
- [14] AmosCRM. Режим доступа: amoscrm.ru. Дата обращения: 09.03.2019.
- [15] Bennett W.L., Manheim J.B. The One-step Flow of Communication // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2006. Vol. 608. № 1. P. 213—232.
- [16] Bitrix24. Режим доступа: bitrix24.ru/features/index.php. Дата обращения: 09.03.2019.
- [17] Bond R., Fariss C., Jones J., Kramer A., Marlow C., Settle J., Fowler J. A 61-Million-Person Experiment in Social Influence and Political Mobilization // Nature. 2012. № 489. P. 295—298.
- [18] Herman E., Chomsky N. Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media. N.Y.: Pantheon books, 2002. 407 p.
- [19] Innis H. The Bias of Communication. Toronto: University of Toronto Press, 2008. 226 p.
- [20] Kwon K.H., Stefanone M.A., Barnett G.A. Social Network Influence on Online Behavioral Choices: Exploring Group Formation on Social Network Sites // American Behavioral Scientist. 2014. Vol. 58. № 10. P. 1345—1360.
- [21] Meyer T. Media Democracy. How the Media Colonize Politics. Oxford: Polity, 2002. 184 p.
- [22] NationBuilder. Режим доступа: nationbuilder.com. Дата обращения: 09.03.2019.
- [23] Polis. Режим доступа: polisinc.com. Дата обращения: 09.03.2019.
- [24] Rosenau J.N. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton: Princeton University Press, 1990. 480 p.
- [25] Thompson J.B. Media and Modernity: A Social Theory of Media. Cambridge, 1995. 328 p.

История статьи:

Статья поступила в редакцию 11.03.2019.

Статья принята к публикации 28.06.2019.

The Use of Internet Technologies for Mobilizing the Voter Base: Features, Subjects and Prospects

D.E. Antonov

Lomonosov Moscow State University
GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation, 119991

Abstract. The article analyses the role of internet technologies in the process of voter base mobilization. One of the consequences of the reforms carried out in Russia will be mediatization of the electoral process. Modern approaches to understanding electoral mobilization are based on classical elitist concepts and the theory of mass society. Such perspective fails to identify individual actors of mobilization impact and analyze their own strategies. The author suggests a different way of looking at the problem: from the perspective of the neo-institutional approach. “Mobilization impact” can be interpreted as a form of subject-object interactions between different participants of the electoral process. The author identifies three main goals of mobilization interactions: attracting new supporters, encouraging a specific form of political activity, and prompting the choice of a certain position in the ballot. The author’s other objective is to assess the pattern of Internet technologies usage in the process of electoral mobilization. In the conclusion, the author pinpoints possible tendencies in the development of the voters’ Internet mobilization technologies. The perspective suggested by the author allows him to draw conclusions about what forms work with voters will assume as a result of the development of Internet communication technologies.

Keywords: Internet technologies, mobilization, elections, electoral process, mediatization

References

- [1] Background to “Assessing Russian Activities and Intentions in Recent US Elections”: The Analytical Process and Cyber Incident Attribution. Analytical report. *Office of the Director of National Intelligence*. 06.01.2017. Available from: dni.gov/files/documents/ICA_2017_01.pdf. Accessed: 09.03.19.
- [2] Volodenkov S. The Total Data as the Phenomenon of Formation of Political Postreality. *Bulletin of Omsk University. Series “Historical Sciences”*. 2017; 3: 409—415 (In Russ.).
- [3] Irkhin I. Elections of the 45th President of the USA: Key Features, Techniques, Results. *Ars ADMINISTRANDI*. 2017; 1: 111—131 (In Russ.).
- [4] Easton D. Categories of System Analysis of Policy. *Political Science: reader*. Comp. by M.A. Vasilik, M.S. Vershinin. Moscow: Gardariki; 2000: 319—331 (In Russ.).
- [5] Castels M. *The Power of Communication*. Moscow: Higher school of Economics; 2016. 564 p. (In Russ.).
- [6] *Communicative Technologies in the Processes of Political Mobilization*. Eds. V. Achkasova, G. Melnik. Moscow: FLINTA: Science; 2016. 248 p. (In Russ.).
- [7] Meyer T. *Media Democracy*. How the Media Colonize Politics. Oxford: Polity; 2002. 184 p.
- [8] Nesmashny A. Internet-technologies in Politics and Political Information Internet-technologies: Differences in Essence and Content of the Notions. *Society and Authority*. 2017; (2): 59—64. DOI: 10.22394/1996-0522-2017-2-59-64 (In Russ.).
- [9] *Program “Digital Economy of the Russian Federation”*. Available from: static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf. Accessed: 09.03.2019 (In Russ.).
- [10] Way L.C., Casey A. Russian Foreign Election Interventions Since 1991. *PONARS Eurasia Policy Memo No. 520. March 2018*. Available from: ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Peppm520_Way-Casey_March2018.pdf. Accessed: 09.03.2019.

- [11] Safronov A. *Radical Populism and Mobilization Participation*. Moscow: KomBook; 2006. 245 p. (In Russ.).
- [12] Svinin A. Social Networks as Internet-technologies in Electoral Campaigns: International View. *RUDN Journal of Political Science*. 2013; 2: 157—163 (In Russ.).
- [13] *Special Report on the Results of the Presidential Election in the Russian Federation (2018) in Terms of Violations of Russian Electoral Sovereignty*. 2018. 46 p. Available from: council.gov.ru/media/files/2uQuCAAwoWu0B8tiDeDEXn5x9CtBkTDV.pdf. Accessed: 09.03.2019 (In Russ.).
- [14] *AmoCRM*. Available from: amocrm.ru. Accessed: 09.03.2019.
- [15] Bennett W.L., Manheim J.B. The One-step Flow of Communication. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2006; Vol. 608; 1: 213—232.
- [16] *Bitrix24*. Available from: bitrix24.ru/features/index.php. Accessed: 09.03.2019.
- [17] Bond R., Fariss C., Jones J., Kramer A., Marlow C., Settle J., Fowler J. A 61-Million-Person Experiment in Social Influence and Political Mobilization. *Nature*. 2012; 489: 295—298.
- [18] Herman E., Chomsky N. *Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media*. N.Y.: Pantheon books; 2002. 407 p.
- [19] Innis H. *The Bias of Communication*. Toronto: University of Toronto Press; 2008. 226 p.
- [20] Kwon K.H., Stefanone M.A., Barnett G.A. Social Network Influence on Online Behavioral Choices: Exploring Group Formation on Social Network Sites. *American Behavioral Scientist*. 2014; Vol. 58; 10: 1345—1360.
- [21] Meyer T. *Media Democracy. How the Media Colonize Politics*. Oxford: Polity; 2002. 184 p.
- [22] *NationBuilder*. Available from: nationbuilder.com. Accessed: 09.03.2019.
- [23] *Polis*. Available from: polisinc.com. Accessed: 09.03.2019.
- [24] Rosenau J.N. *Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity*. Princeton: Princeton University Press; 1990. 480 p.
- [25] Thompson J.B. *Media and Modernity: A Social Theory of Media*. Cambridge; 1995. 328 p.

Article history:

The article was submitted on 11.03.2019.

The article was accepted on 28.06.2019.

Информация об авторе:

Антонов Дмитрий Евгеньевич — ассистент кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (ORCID-ID: 0000-0002-8895-4348) (e-mail: a.dmitry.msu@gmail.com).

Information about the author:

Dmitry E. Antonov — Assistant Professor of the Department of History and Theory of Politics, Lomonosov Moscow State University (Russian Federation) (ORCID-ID: 0000-0002-8895-4348) (e-mail: a.dmitry.msu@gmail.com).

Для цитирования:

Антонов Д.Е. Использование интернет-технологий для мобилизации электората: особенности, субъекты и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 3. С. 538—548. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-538-548.

For citation:

Antonov D.E. The Use of Internet Technologies for Mobilizing the Voter Base: Features, Subjects and Prospects. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21 (3): 538—548. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-538-548.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-549-557

Научная статья

Концепция свободы в произведениях Янь Фу

А.А. Лобова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
ул. Ленинские Горы, 1, Москва, Россия, 119991

Аннотация. Статья посвящена анализу проблемы адаптации концепции свободы в Китае на примере перевода китайского ученого Янь Фу произведения Дж. Ст. Милля «О свободе». Показано, что в трактовке Янь Фу концепция свободы претерпевает коренные смысловые изменения в соответствии с идейными китайскими традициями, в частности неоконфуцианством. Янь Фу ставит коллективную свободу выше индивидуальной и рассматривает гражданина только как часть единой нации. Для понимания процесса адаптации новой европейской концепции важно учитывать, что перевод и осмысление европейской мысли Янь Фу происходили в рамках властных отношений Китая как колонии и западных стран как метрополий. Языковые аспекты рецепции концепции «свободы» не просто отражают культурные и политические реалии Китая конца XIX — начала XX в. Они также изменяют их. Янь Фу пытался объединить европейские и китайские представления о свободе с целью изменения коллективной китайской идентичности и переработки коллективной памяти.

Ключевые слова: Китай, свобода, Янь Фу, Дж. Ст. Милль, история политической мысли, неоконфуцианство

Введение

На сегодняшний день КНР является одним из самых быстро развивающихся государств мира. Немаловажная тенденция, наблюдающаяся в современном Китае, — курс на развитие правового государства. Теория и практика конституционного государства стали одним из важных предметов обсуждения среди китайских ученых-обществоведов. Особенно их внимание занимает вопрос: могла ли западная практика политического развития быть применена в Китае в ходе его истории? Каким образом такие идеи европейской общественно-политической мысли, как гражданская свобода или верховенство права, распространяются в Поднебесной?

Эта проблема занимала умы китайских мыслителей еще в конце XIX — начале XX вв. Именно в обозначенный период происходит знакомство Китая с основными достижениями западной мысли.

Развитие социально-политической мысли в Китае в конце XIX — начале XX в. происходило под влиянием столкновения с западной культурой в период Опиумных войн и появления первых иностранных концессий. Поражение в Опи-

© Лобова А.А., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

умных войнах поставило Китай в зависимое от западных держав положение, близкое к колониальному, что позволяет рассматривать отношения Китая и ряда западных держав (Англия, Германия, Франция, Россия, Япония) в рамках «колония—метрополия». Этот процесс оказал сильное травмирующее действие на культурные ценности, традиционные социально-экономические и политические структуры китайского общества. На рубеже веков встал вопрос культурного поглощения китайцев западными державами. Китайская элита опасалась ассимиляции и интеграции, предполагающих отречение от национального наследия, замену одной культурной идентичности (китайской) на другую. Столкновение с западными державами повлекло за собой пересмотр всей системы знаний. Конец XIX — начало XX в. стал периодом, когда в стране существовало много направлений социально-политической мысли, так или иначе осмысливающих причины превосходства Запада над Китаем.

Проблема превосходства нашла отражение и в творчестве китайского ученого Янь Фу, заложившего основы переводческой теории в Китае, но наиболее известен он благодаря тому, что познакомил китайских читателей с западной общественной мыслью, в частности с концепцией свободы.

Рассуждая о свободе, Янь Фу делает вывод, что именно она была причиной того, почему западное общество возвысилось над Китаем, и именно ее не хватало традиционной китайской философии. Он отмечал: «Самое большое различие между китайским и западным обществами заключается в том, что китайцы подчеркивают древние времена в настоящем, тогда как западные люди больше подчеркивают современность... западные люди отдают приоритет истине, в политико-правовой сфере они жертвуют неприкосновенностью частной жизни во благо общественных интересов... Причина, по которой эти два принципа главенствуют в западном обществе, но в нашем терпят неудачу, заключается в свободе. Свобода — это то, чего больше всего боятся наши древние мудрецы и не осмеливаются проповедовать массам» [1. С. 2].

Результаты исследования

Так что же такое свобода для Янь Фу? Наиболее подробно этот вопрос раскрывается в переводе Янь Фу произведения Дж. Ст. Милля «О свободе», переведенном на китайский язык как «Теория границы личных прав и прав группы» (《群己权界论》) в 1900 году и опубликованном в 1903 г.

Прежде чем ответить на поставленный вопрос, необходимо получить хотя бы приблизительное понимание концепции «свобода» Милля. Данный термин определяется британским мыслителем с точки зрения гражданской или социальной свободы: природы и пределов власти, которые могут быть законно осуществлены обществом над индивидуумом и иметь отношение только к самому индивидууму. Помимо свободы слова, мысли Милль также указывает на свободу выбора. Размышлять критически над идеалами общества, быть независимым от чувственного определения, не следовать рефлексивно за обычаями — это необходимые предварительные условия для гражданина, цель которого стать свободным человеком. В предисловии к произведению «О свободе» Милль предполагает, что

в современный век становится все труднее понять, где можно установить границы между индивидуальной свободой и обществом. Он отвергает обычаи, личное мнение, классовые интересы и религиозные убеждения в качестве возможных оснований для введения ограничений. В конечном счете, пишет он, только «принцип непричинения вреда» способен предоставить нам действительно универсальный стандарт для установления этого предела, а именно идею о том, что никто не может быть ограничен, если его действия не наносят вреда или не причиняют вред интересам других людей. Этот принцип распространяется не только на граждан и власть держащих. Милль пишет: «Власть общества над индивидуумом не должна простираться далее того, насколько действия индивидуума касаются других людей; в тех же своих действиях, которые касаются только его самого, индивидуум должен быть абсолютно независим над самим собою, — над своим телом и духом он неограниченный господин» [4. С. 295].

Янь Фу иначе представляет концепцию свободы. Прежде всего, он переводит Миллевскую «свободу» как цзийоу 自繇. На самом деле, выбрав эту чрезвычайно редкую комбинацию иероглифов (а не, например, цзийоу 自由, который уже использовался японскими переводчиками Милля), Янь Фу придает идее «свободы» оттенок китайской традиции. Термин 自繇 встречается в классических китайских текстах и часто употребляется в негативной форме. Например, в книге ритуалов Ли-цзы, которая является одной из пяти классических книг конфуцианского канона и представляет собой изложение взглядов Конфуция по вопросам ритуала, морали, философии, рассматривается вопрос кодекса поведения во время встречи с правителем. Отмечается, что возможно просить разрешение на аудиенцию с правителем, но нельзя просить разрешение на то, чтобы уйти с аудиенции. Встречается фраза «去让不敢自繇» [2. С. 360], которую можно перевести как «не смей решать самостоятельно, уйти ли». В данном отрывке подчеркивается, как, в условиях жесткой иерархии, у нижестоящего по социальной лестнице полностью отсутствует свобода выбора перед вышестоящим, который обладает безусловным моральным авторитетом.

Янь Фу пытается отойти от данной трактовки. «Свобода» Милля, по его мнению, лучше всего раскрывается через неоконфуцианское видение мирного, гармоничного сосуществования [7. Р. 7], где также затрагивается вопрос личного выбора человека.

Китайские философы склонны возлагать ответственность за нравственное состояние общества и отдельного человека на правителей. Однако в неоконфуцианстве, несмотря на то что оно не отрицает иерархичность социума, появляется идея личного выбора человека между добродетелью и хаосом, который зависит от уровня развития нравственности каждого человека и, таким образом, становится зоной личной ответственности. Неоконфуцианский философ Сюнь-цзы утверждает, что «Человек по своей природе зол, а его добродетельность порождается практической деятельностью» [5. С. 305]. Под практической деятельностью он подразумевает воспитание, просвещение и самосовершенствование. Если человек просвещен, он всегда будет делать выбор в сторону добродетели.

Выбор добродетели отдельным человеком, по Сюнь-цзы, особенно важен для выживания всей группы: «люди, живя в мире, не могут не жить сообща; если же они живут сообща, но при этом не осуществляют разделения обязанностей, тогда возникает соперничество. Когда возникает соперничество — это приводит к беспорядку; когда возникает беспорядок — это приводит к тому, что люди покидают свои жилища; когда люди покидают свои жилища — это приводит к ослаблению государства [...] Отсюда видно, что человек ни на миг не может отбрасывать ритуал и чувство долга» [5. С. 432]. Обращаясь к текстам Милля, следуя логике неоконфуцианцев, Янь Фу пишет в своем предисловии к переводу произведения Милля, что в естественном состоянии человек пользуется полной свободой, как только он переходит от уединенной жизни к общественной жизни, индивидуальная свобода должна быть ограничена; для того чтобы стать членами политической общности людям, «нужно принять свободу других как предел» (必以他人之自繇為界) [1. С. 21].

Здесь также можно провести аналогию с понятием «взаимности» в китайской философии, выражающейся в так называемом «золотом правиле нравственности», озвученном Конфуцием: «Вне своего дома относись к людям так, словно принимаешь дорогих гостей. Используй народ так, словно совершаешь важное жертвоприношение. Не делай людям того, чего не желаешь себе, и тогда и в государстве, и в семье к тебе не будут чувствовать вражды» [3. С. 642].

Таким образом, уже в предисловии к переводу Янь Фу выражает желание превратить довольно антагонистический идеал Милля действительно свободных людей, сосуществующих в едином обществе, в сообщество, основанное на традиционном китайском представлении и взаимозависимости его членов. Отсюда видно, что Янь Фу совершенно иначе подходит к аргументации теории свободы, нежели Милль. Свобода для Милля всегда противоречит авторитету традиций (традиционные верования должны пройти через процесс рационального оспаривания, прежде чем они могут быть подтверждены как «истинные» мнения). Янь Фу, в отличие от него, постоянно обращается к примерам прошлого, ссылаясь на традиции.

Более того, отсылка к традиции неоконфуцианства позволяет предположить, что Янь Фу в первую очередь обеспокоен коллективной свободой сообщества, а не личной свободой индивида. Поскольку он убежден, что, во-первых, государство и личность органически взаимосвязаны и, во-вторых, подлинная личность «свободная духом», не отдельная единица, но часть общины и государства.

Янь Фу в своем переводе также уделяет меньше внимания, чем Милль, проблеме конфликта интересов личности и государства в современном обществе. Британский мыслитель считает, что абсолютное единение общества принесет вред государству: «Если правительство возьмет на себя удовлетворение всех общественных потребностей, для удовлетворения которых необходимы организованное действие сообща, широкая обдуманная предприимчивость, и если при этом оно привлечет к себе на службу самых способных людей, то тогда в государстве образуется многочисленная бюрократия, в которой сосредоточится все высшее образование, вся практическая интеллигенция страны, — вся остальная часть общества станет по отношению к этой бюрократии в положение опекаемого, будет

ожидать от нее советов и указаний, как и что ей делать, — тогда честолюбие самых способных и деятельных членов общества обратится на то, чтобы вступить в ряды этой бюрократии, и, раз вступив, подняться как можно выше по ступеням ее иерархии. При таком порядке вещей та часть общества, которая находится вне бюрократии, делается совершенно неспособной, по недостатку практического опыта, обсуждать или сдерживать бюрократическую деятельность».

Для Милля также первостепенное значение имеет идея о том, что человек должен быть в состоянии выбрать свой собственный образ жизни, и реализация собственного плана жизни ценна не потому, что он соответствует некоторым существовавшим ранее ценностям, а только потому, что человек ее выбрал. Поясняя свою мысль, он пишет: «Если человек обладает какой-либо приемлемой суммой здравого смысла и опыта, то его собственный способ существования является лучшим не потому, что он лучше сам по себе, а потому, что он принадлежит его выбору» [4. С. 132]. В этом контексте свобода действий связана с присвоением власти самому себе.

Янь Фу же переводит данный пассаж следующим образом: «Следует исходить в рассуждениях из услышанного, тогда в речах и поступках будет единение. Самостоятельно выступать для себя мерилom и тщательно следовать установленным правилам. Тогда услышано и сказано будет только прекрасное! Вот что значит исходить из себя» [1. С. 32].

Его перевод не делает различия между субъективной деятельностью по оценке чего-то и объективной ценностью («лучшим по себе») или самой идеей образа жизни, выбранного на основе индивидуального решения. Разнообразие человеческих потребностей и выбора, фундаментальный факт человеческой множественности, открытость человеческого опыта, лежащие в основе либеральной теории, ускользают от китайского переводчика.

Более того, описания, которые Милль использует для раскрытия понятия индивидуальности, были опущены в китайском переводе. Сам термин «индивидуальность» в переводе Янь Фу превращается в сяоци 小己 («маленькое я»), формулировка, которая, по крайней мере, для читателя, погруженного в традиционную китайскую культуру, легко вызывает ассоциации об уничижительном выражении «маленькой части» (сяоти 小體) в одном из конфуцианских канонov Менцзы [10. Р. 156]. Янь Фу не раскрывает таких выражений, как «интерес», «разум», «человеческое суждение», «частная жизнь», «личное поведение», которые являются фундаментальными для понимания теории свободы Милля в целом и термина «индивидуума» в частности [9. Р. 149].

По нашему мнению, в работе «О свободе» Милля свобода подразумевает способность к рациональному самостоятельному выбору, а именно способность дистанцироваться от окружающей среды, а также от более глубоких привязанностей, вызванных эмоциями и желаниями, поскольку они представляют природу, а не разум и могут легко привести к деградации. В версии же Янь Фу «О свободе» картина намного глубже. Это частично связано с лингвистическими трудностями, использованием, например, неоконфуцианской лексики, которая, хотя и ближе к китайскому культурному контексту, склонна вводить в заблуждение китайского читателя.

Индивидуальная свобода в переводе Янь Фу ограничивается неоконфуцианским акцентом на культивирование добродетели и восстановление порядка (т.е. на идеи «достижения внутреннего мира и реализации личной и коллективной судьбы» (安身立命)) [6. С. 3]. Таким образом, нет никаких признаков того, что Янь Фу ценит творчество и самовыражение так же сильно, как Милль. Вместо этого у читателей могло сложиться впечатление, что британский мыслитель вдохновляет их полностью учитывать ценность существующих обычаев и моральные обязательства, которыми они обладают в качестве членов определенного сообщества. Янь Фу описывает не «прогрессивное человеческое существо», а добродетельного гражданина, который знает свое место во вселенной и осознает цикличность исторического времени.

Дополнительно иллюстрирует искажение смысла текста Милля китайским переводчиком его понимание термина «мнение», что для британского мыслителя значит суждение, неполностью подтвержденное доказательствами. «Мы — пишет Милль, — можем и должны полагать, что наше мнение верно для руководства нашим собственным поведением, действуя согласно идее, с которой мы соглашаемся временно, даже при том, что ее конечное значение не определено». В переводе Янь Фу это звучит так: «Но, когда нужно принимать решения в человеческих делах, существуют постоянные стандарты (則固有其常經). Подразумевается, что мы должны выбирать между хорошо взвешенными и прочными уже существующими моральными формулами» [1. С. 137].

Он заменяет теорию свободы Милля на самосовершенствование, которое глубоко закреплено в традиционной китайской мысли, а источник происхождения морального стандарта — это не индивидуальный человеческий разум, а нечто более широкое: сообщество. Исследователь Дуглас Ховланд утверждает, что Янь Фу в своем переводе переносит фокус с защиты интересов отдельного человека на защиту интересов группы [8. Р. 99].

Для Янь Фу значение «свободы» следует понимать как вопрос о том, как «свобода» для индивида должна быть сбалансирована против «свободы» для коллектива. Это понимание представлено как основная ось дифференциации между европейскими источниками Янь Фу и его собственной ориентацией на конфуцианское чувство социальной ответственности.

Интересно отметить, что Янь Фу связывает личную свободу, основанную на прогрессе нравственности, интеллекта и силы, с автономией. Он считал именно автономию демонстрацией личной свободы. В своем эссе «Критика Хань Юй» Янь Фу продолжает рассуждать на тему личной свободы, заключает, что развитие морали, интеллекта и силы является ключом к автономии (自治). «Причина, по которой люди не могут достичь статуса автономии, — пишет он, — является следствием низкого качества развития морали, интеллекта и силы. <...> После того как они улучшатся, люди поймут свободу. Свобода даруется небесами, и как только люди достигнут ее, они могут быть автономными» [11. Р. 244].

Исходя из этого, Янь Фу пришел к выводу, что китайский народ «из-за разращенной морали / добродетели, низких интеллектуальных способностей

потерпел поражение в войне» [11. Р. 40]. Именно отсутствие личной свободы привело империю к проигрышу в войне с Японией.

В эссе «Критика Хань Юй» Янь Фу указывает, что в настоящее время люди еще не готовы к свободе именно потому, что их талант, сила и добродетель недостаточно развиты [11. Р. 35]. В этом он сходится с Миллем, который также отмечал, что «свобода не применима как принцип при таком порядке вещей, когда люди еще не способны к саморазвитию путем свободы» [4. С. 288].

Таким образом, Янь Фу понимает концепт «личной свободы» абсолютно иначе, чем Дж. Ст. Милль. Янь Фу раскрывает это понятие через традиционную китайскую философию, перенося акцент с индивида на коллектив. Он считает, что свободная личность ценна только как часть группы. Подлинной свободой может обладать только добродетельный гражданин, который делает выбор в пользу процветания своего сообщества, а не себя как индивида. Свобода, по Янь Фу, достигается путем просвещения граждан, и пока они еще недостаточно добродетельны, они нуждаются в авторитарном правлении.

Следует подчеркнуть, что европейские идеи в трактовке Янь Фу претерпевают коренные смысловые изменения в соответствии с идейными китайскими традициями, в частности неоконфуцианством. Янь Фу ставит коллективную свободу выше индивидуальной и рассматривает гражданина только как часть единой нации.

Заключительные замечания

По нашему мнению, вряд ли можно предположить, что искажение европейской социально-политической мысли в произведениях Янь Фу происходило только лишь в силу лингвистических сложностей перевода. Анализ его работ свидетельствует о том, что знакомство с европейской системой мышления способствовало переосмыслению китайской традиционной философии.

Таким образом, переводы и осмысление европейской мысли Янь Фу происходили в рамках властных отношений Китая как колонии и западных стран как метрополий. Языковые аспекты перевода и адаптации европейской концепции «свободы» не просто отражают культурные и политические реалии; они также изменяют их. Янь Фу пытался объединить различные виды европейских и китайских представлений с целью изменения коллективной китайской идентичности и переработки коллективной памяти. Это выразилось в его переосмыслении традиционной конфуцианской культуры.

Сегодня Китай определенно отличается от того, чем он был в конце XIX — начале XX в. В то время Китай пытался найти направление для национального спасения. Сегодня же нация стремится вернуть свою прошлую славу во имя «возрождения Китая», однако коллективная память о культурной травме того периода продолжает влиять на социально-политический дискурс Китая, и взгляды Янь Фу все еще не теряют свою актуальность. Его творчество положило начало дискуссии среди китайских интеллектуалов, которая продолжается по сей день: как и какие китайские моральные ценности могут быть согласованы с модернизацией, чтобы произвести то, что можно было бы назвать «либерализмом с китайской спецификой».

Библиографический список

- [1] Ванг Ши. Ян Фу дзи (Работы Янь Фу). Пекин: Чжонгхуа шуцу, 1986. 621 с. (на кит.)
- [2] Ли-цзы. Шисанджинг жушу («Тринадцать классиков» с аннотациями и заметками) / под ред. Руан Юань. Пекин: Чжонгхуа шуцу, 1980. 816 с. (на кит.)
- [3] Лунь юй. Беседы и суждения Конфуция / пер. В.П. Васильева. СПб.: Кристалл, 2001. 180 с.
- [4] Милль Дж. Ст. О свободе: антология мировой либеральной мысли (первой половины XX века) / пер. А.Н. Неведомского. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 392 с.
- [5] Сюнь-цзы. О злой природе человека // Феоктистов В.Ф. Философские трактаты Сюнь-цзы. М.: Наталис, 2005. 275 с.
- [6] Чжу Си Дасюэ. Сышу Чжанцзюй Цзичжу (Четверокнижие). Пекин: Чжонгхуа шуцу, 1981. 909 с.
- [7] Chang Hao Chinese. Intellectuals in Crisis, Search for Order and Meaning, 1890—1911. University of California Press, 1987. 223 p.
- [8] Howland D.R. Personal Liberty and Public Good: The Introduction of John Stuart Mill to Japan and China. University of Toronto Press, 2005. 222 p.
- [9] Huang M.K. The Meaning of Freedom: Yan Fu and the Origins of Chinese Liberalism. Hong Kong: Chinese University Press, 2008. 408 p.
- [10] Mengzi: With Selections from Traditional Commentaries / trans. and ed. by B.W. van Norden. Indianapolis: Hackett Publishing, 2008. 207 p.
- [11] Wright D. Yan Fu and the Tasks of the Translator / Lackner M., Amelung I., Kurtz J. New Terms for New Ideas. Western Knowledge and Lexical Change in Late Imperial China. Leiden et al., 2001. 456 p.

История статьи:

Статья поступила в редакцию 20.05.2019.

Статья принята к публикации 27.06.2019.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-549-557

Research article

The Concept of Liberty in the Yan Fu's Works

A.A. Lobova

Lomonosov Moscow State University
GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation, 119991

Abstract. The article undertakes the analysis of the receptions of liberty in China on a sample of the translation of John Stuart Mill's "On Liberty" by Yan Fu. It is shown that in the Yan Fu' interpretation of liberty undergoes fundamental semantic changes in accordance with the ideological Chinese traditions, in particular with neo-Confucianism. Yan Fu puts collective liberty above the individual one, views the citizen only as part of a united nation. To understand the process of adaptation the new European concept, it is important to bear in mind that the translation and understanding of European thought were conducted within the framework of power relations between China as a colony and Western countries as metropolises. The linguistic aspects of the reception of liberty do not simply reflect the cultural and political realities of China in the late XIX — early XX centuries; it also changes them. Yan Fu tried to combine different types of European and Chinese ideas, in order to change the collective Chinese identity and process the collective memory.

Keywords: China, liberty, Yan Fu, John Stuart Mill, history of political thought, neo-Confucianism

References

- [1] Wang Shi. *Collected Works of Yan Fu*. Beijing: Zhonghua Book Company; 1986. 621 p. (In Chin.).
- [2] Lee-chi. “*Thirteen Classics*” with Annotations and Notes. Ed. by Ruan Yuan. Beijing: Zhonghua Book Company; 1980. 816 p. (In Chin.).
- [3] Lun yuj. *The Confucian Analects*. Translated by V.P. Vasileva. SPb.; 2001. 180 p. (In Russ.).
- [4] Mill J.St. On Liberty. *Anthology of World Liberal Thought (First Half of the Twentieth Century)*. Translated by A.N. Nevedomsky. Moscow: Progress-Tradition; 2000. 392 p. (In Russ.).
- [5] Sun-Tzu. On Evil Human Nature. Feoktistov V.F. *Filosofskije traktaty Sun-czy*. Moscow: Natalis; 2005. 275 p. (In Russ.).
- [6] Zhu Xi. *Great Learning. Four Books*. Beijing: Zhonghua Book Company; 1981. 909 p. (In Chin.).
- [7] Chang Hao. *Chinese Intellectuals in Crisis, Search for Order and Meaning, 1890—1911*. University of California Press; 1987. 223 p.
- [8] Howland D.R. *Personal Liberty and Public Good: The Introduction of John Stuart Mill to Japan and China*. University of Toronto Press; 2005. 222 p.
- [9] Huang M.K. *The Meaning of Freedom: Yan Fu and the Origins of Chinese Liberalism*. Hong Kong: Chinese University Press; 2008. 408 p.
- [10] *Mengzi: With Selections from Traditional Commentaries*. Trans. and ed. by Bryan W. van Norden. Indianapolis: Hackett Publishing; 2008. 207 p.
- [11] Wright D. Yan Fu and the Tasks of the Translator. Lackner M., Amelung I., Kurtz J. *New Terms for New Ideas. Western Knowledge and Lexical Change in Late Imperial China*. Leiden et al; 2001. 456 p.

Article history:

The article was submitted on 20.05.2019.

The article was accepted on 27.06.2019.

Сведения об авторе:

Лобова Алиса Андреевна — аспирантка кафедры истории социально-политических учений Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (ORCID ID: 0000-0003-2421-8867) (e-mail: alice.l.maps@gmail.com).

Information about the author:

Alisa A. Lobova — PhD Student of the Department of History of Social and Political Studies, Lomonosov Moscow State University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0003-2421-8867) (e-mail: alice.l.maps@gmail.com).

Для цитирования:

Лобова А.А. Концепция свободы в произведениях Янь Фу // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 3. С. 549—557. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-549-557.

For citation:

Lobova A.A. The Concept of Liberty in the Yan Fu’s Works. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21 (3): 549—557. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-549-557.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-558-576

Обзорная статья

Образ политического лидера в отечественных политологических исследованиях

В.Г. Иванов, М.Г. Иванова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Аннотация. Статья посвящена обзору отечественных исследований образа политического лидера, среди которых выделяются философско-исторические, политико-психологические и социально-политические исследования. Авторами рассматриваются как теоретические, так и практико-ориентированные разработки в данной области исследования. Отдельно анализируется методология исследования образа политического лидера в политической психологии и политической социологии. В статье рассматриваются труды как известных ученых-политологов данного направления, так и начинающих, молодых исследователей. Авторы полагают, что собранный и систематизированный материал может быть полезен политологам, интересующимся проблемами политического лидерства.

Ключевые слова: образ политического лидера, политическая психология, политическая социология, политическое лидерство, политическая портретология

Введение

Целью данной статьи является анализ теоретических и практических исследований образа политического лидера в отечественной политологии для обобщения существующего опыта в данной области. Так, в настоящее время в научном сообществе востребованы обзорные статьи, которые могли бы, с одной стороны, сориентировать специалистов, приступающих к изучению данной области знания, а с другой — выявить и обратить внимание на имеющиеся «белые пятна», а также, возможно, привлечь к их исследованию молодых ученых.

Сразу оговоримся, что в данной статье рассматриваются работы только отечественной школы политологии, что вполне оправданно: поскольку Россия обладает своей уникальной историей и культурой¹, то и образы политических лидеров

© Иванов В.Г., Иванова М.Г., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

¹ Как отметил в своем устном выступлении доктор философских наук, профессор А.Н. Павленко, «мы не должны искать Россию ни на Западе, ни на Востоке, потому что Россия — это северная страна; у нее своя культура и история, а потому и свои уникальные смыслы и концепты, которые могут быть предметно исследованы наряду со смыслами и концептами восточных и западных цивилизаций».

имеют здесь специфические особенности. Эти особенности могут отражаться не только в содержании изученных нами работ, но и иметь известное влияние на теорию и методологию построения соответствующих исследований в будущем.

Представляется, что к теме исследования образа политического лидера² так или иначе обращалось большинство отечественных политологов. Однако целенаправленно и системно изучением этого вопроса занимается не так много специалистов.

В целом в российской политологии можно выделить несколько основных уровней рассмотрения образа политического лидера: философско-исторический; психологический; социально-психологический и социологический. На каждом названном уровне существуют как теоретические, так и практические наработки, а также используется инструментарий различных научных дисциплин. На наш взгляд, собственно политологический уровень исследования стоит особняком и его можно выделить в отдельную категорию, поскольку он либо включает в себя каждый из названных уровней, либо, при оценке образа политического лидера, обозначает и учитывает все другие уровни.

Исследования образа политического лидера в отечественной политической мысли

Поскольку предметом рассмотрения в данной статье являются особенности изучения образа политического лидера в отечественной политической мысли, по этому же принципу мы постарались рассмотреть и сегментировать работы, посвященные именно данному аспекту.

При этом при написании статьи мы столкнулись с рядом сложностей. Во-первых, в отечественной политологии на сегодняшний день не существует общего методологического подхода к исследованию образа политического лидера. Также очень часто исследования в данной области используют методологию и инструментарий различных научных дисциплин. Представляется достаточно сложным собрать все основные работы в рамках одной статьи, поэтому, несмотря на упоминания в тексте имен ряда ученых, в сносках и списке литературы мы приводим лишь некоторые работы, которые, на наш взгляд, носят либо системный характер, либо предметно рассматривают какие-либо существенные аспекты в теории и методологии изучения образа политического лидера.

На ранних этапах развития российской сферы политического знания существенный вклад в исследование темы образов политического лидера внесли, на наш взгляд, такие мыслители, как: П.Л. Лавров³, Н.К. Михайловский⁴, П.И. Ковалев-

---

² Можно отметить, что в отечественной литературе понятия «образ власти» и «образ политического лидера» частично соотносятся. Поэтому ряд исследований, посвященных образу власти, содержат материал, относящийся к образу политического лидера.

³ Здесь сложно выделить какую-то одну работу, поэтому назовем, с нашей точки зрения, наиболее значимые исследования П.Л. Лаврова: «Теория и практика прогресса» (1881), «Социальная революция и задачи нравственности» (1885), «Задачи понимания истории. Проект введения в изучение эволюции человеческой мысли» (1898).

ский [1], Г.И. Чулков [2]. Так, П.Л. Лавров указывал на то, что основной движущей силой социального прогресса являются «критически мыслящие личности», среди которых он выделял «говорунов», «незаметных героев человечества» и «лидеров прогресса» [3]. Н.К. Михайловский рассматривал лидерство в контексте соотношений понятий «выдающаяся личность» и «герой». Если последний, по мнению Н.К. Михайловского, мог вдохновить народ своим примером (при этом неважно, на дурной поступок или благой), то выдающуюся личность отличали ее ценности, которые создавали предпосылки для наиболее полного выражения потребности преобразования общественной жизни и поэтому действия выдающейся личности несомненно могли обогатить сокровищницу человечества (в отличие от действий героя). Ценность вклада П.И. Ковалевского в том, что в своей работе «Психиатрические этюды» он раскрыл динамику различных психических явлений, показал роль среды и наследственности и в формировании личности политического лидера. Другой российский исследователь — Г.И. Чулков в 1928 г. написал работу «Императоры: психологические портреты» о русских императорах, где автором приведена целая серия психологических портретов пяти царей, занимавших русский престол в XIX в. (от Павла I до Александра III).

Традиция рассмотрения образа политического лидера в контексте особенностей его политического стиля была продолжена и позже в советское время, а на рубеже 1990-х гг. можно констатировать формирование отдельного подраздела отечественной политической психологии — портретологии. Исследования в этой области отличаются анализом политического стиля и особенностей отдельных политиков. В частности, этими темами занимались: Т.М. Рыскова, Е.В. Егорова-Гаман, Г.К. Ашин, А.В. Святославский, Н.М. Ракитянский, О.В. Великанова, Ф.М. Бурлацкий, Г.А. Авцинова, В.Ф. Чиж, В.Л. Римский и др. [4—16].

К данному направлению также активно подключились многие публицисты и конспирологи [17]. Несмотря на широкий интерес со стороны ученых-обществоведов, политическая портретология, на наш взгляд, занимается исследованием преимущественно индивидуальных особенностей политического лидера, рассматривает особенности формирования конкретных исторических личностей и в связи с этим не отвечает на ряд актуальных вопросов, связанных, например, с возможностью рекрутирования политических лидеров и пр.

Значительный интерес представляет пласт исследований, которые, на наш взгляд, носят системный характер, рассматривают образ политического лидера в контексте культурно-исторической ситуации, с учетом особенностей психологии личности как самого политика, так и его последователей и окружения. Наиболее значимыми здесь являются исследования образов политического лидера, которые проводились такими учеными-политологами, как Е.Б. Шестопал, О.В. Гаман-Голутвина, Г.Г. Дилигенский, Т.В. Евгеньева, О.В. Попова, С.В. Нестерова, В.А. Зорин, А.В. Селезнева, А.Л. Зверев, И.А. Василенко, И.С. Палитай, Т.В. Бен-

---

⁴ Н.К. Михайловский также написал целый ряд трудов, посвящённых исследованию образа лидера: «Герои и толпа» (1882), «Вольница и подвижники» (1877), «Письма о правде и неправде» (1877), «Герои и толпа» (1882), «Еще о героях» (1891), «Еще о толпе» (1893).

дас и др. [18—34]. Работы данных авторов отличает системность, в то же время отсутствует единый подход, сохраняется широкое, возможно даже избыточное разнообразие теоретических и методологических подходов и типологий, снижающее совместимость проведенных исследований. При этом в вопросе исследования образа политического лидера сформировалось как минимум два основных методологических подхода, основанных на инструментарии двух научных дисциплин — психологии и социологии. Результаты соответствующих исследований часто имеют значительные расхождения (собственно, они отличаются не только процедурой проведения, масштабностью и методами, но и целевой аудиторией). Поэтому наиболее перспективным направлением является системный подход, предполагающий объединение данных направлений, синтез психологических и социологических методов в политологических исследованиях политического лидерства, что влечет за собой развитие и верификацию новых методов исследования, учитывающих как адресность психологического анализа, так и масштабность социологических измерений.

Продолжая обзор исследований, посвященных образу политического лидера, мы не смогли обойти вниманием ряд *диссертаций* по данной теме. Здесь можно выделить, например, диссертации А.В. Селезневой, О.В. Букреевой, М.И. Жесткова, Е.А. Киктевой, Н.П. Шелекасовой и др. [35—39].

В исследованиях образа политического лидера заметен и *региональный аспект*. В частности, ряд политологов рассматривают роль и образ политического лидера в регионах России с учетом контекста и особенностей региональной политики в различных субъектах РФ (Н.Н. Розанова, Е.П. Добрынина, Д.А. Ланко, Т.Н. Литвинова, Л.Я. Арапханова, С.Ю. Асеев, Д.Ц. Будаева, К.А. Корпухина, Н.А. Евдокимов, А.П. Силгириев, Я.Ю. Шашкова, А.И. Шаяхметов, С.А. Шпагин, А.Б. Баранников и др.⁵).

Далее, можно выделить работы, в которых делается акцент на рассмотрении какого-либо отдельного аспекта образа политического лидера. Например, исследования, посвященные анализу *влияния на формирование образа лидера качества взаимодействия лидера и его последователей* (В.П. Горяинов [40]); исследование *концептов «политического авторитета»* (И.А. Богатырёв) [41], *политической маргинальности* в контексте образа политического лидера (А.М. Вафин) [42]. Другие авторы анализируют *образ «национального политического лидера»* (Е.Н. Новиков) [43].

Анализом особенностей образа *гендерного и в том числе женского политического лидерства* занимаются такие ученые, как С.Г. Айвазова, А.Е. Чирикова, О.Г. Овчарова Т.В. Бендас, Ю.Л. Шепелева и др. [44—49].

Внимание уделяется также исследованию политических образов и ценностей молодежных лидеров (О.В. Попова, И.Н. Трофимова, И.В. Самаркина и др. [50—53]) либо стратегиям PR-кампаний политических лидеров, в процессе которых происходит искусственное моделирование политического образа лидера (И.А. Ва-

⁵ Исследования большинства упомянутых авторов были представлены в форме докладов на конгрессах Российской ассоциации политической науки в 2017—2018 гг.

силенко, С.В. Володенков, Е.В. Галкина, В.А. Кнурова, Н.В. Смутькина и др. [54—59]). Ряд работ посвящены исследованию политических ценностей, влияющих на выбор образа политического лидера (А.В. Селезнева [60]), в связи с этим исследуется понятие «ответственного политического лидерства» (А.А. Габриелян [61]) либо проводится анализ особенностей национальной культуры, где исследуется специфика восприятия образа политических лидеров в культурно-историческом контексте (Г.Д. Гачев, А.В. Захаров, Ю.А. Селивёрстова, Д.М. Дурдин и др. [62—65]).

Представленные исследования носят преимущественно теоретический характер. Мы не смогли упомянуть ряд признанных авторов в силу ограниченных объемов статьи, однако в большинстве своем представленные теоретические изыскания во многом схожи, в них образ политического лидера рассматривается либо в контексте философских концептов, либо преимущественно через призму западных научных подходов и теорий, которых не всегда могут быть применимы в контексте российской действительности.

Другое важное направление исследований представляют работы, посвященные анализу *роли мифов и коллективного бессознательного* в формировании и популяризации образов политических лидеров (Н.Г. Щербинина, Т.В. Евгеньева, М.Ю. Ананченко, С.В. Разворотнева, Т.А. Штукина, М.Г. Иванова, И.Б. Фан, О.Ю. Малинова и др.) [66—74]. Несмотря на теоретическую направленность, данные исследования обосновывают важность бессознательного компонента общественно-политического сознания при анализе образа политического лидера. В настоящее время в отечественной науке роль бессознательного по-прежнему сравнительно мало учитывается, и мы надеемся, что в дальнейшем данное направление получит свое продолжение и развитие.

Заслуживают внимания и работы, посвященные *семиотическому анализу образа политического лидера*. Чаще всего такие исследования проходят в рамках более общего анализа символического потенциала образа власти и включают рассмотрение коммуникативного фактора при формировании образа политического лидера. Здесь можно выделить работы таких авторов, как М.С. Вершинин, С.В. Разворотнева, И.С. Палитай, Д.В. Алексеев, Э.А. Попов и др. [75—79].

Представляется, что в настоящее время в отечественной политической психологии исследование образа политического лидера постепенно начинает занимать одну из центральных позиций. Вместе с тем, несмотря на то что исследователи стремятся показать всю многомерность измерения и научного анализа такого явления, как образ политического лидера, здесь все еще существует ряд «белых пятен», которые мы не могли обойти вниманием в данном разделе статьи.

Методология исследования образа политического лидера в политической психологии

Политическая психология предметно, содержательно и методологически связана как с психологией, так и с политологией: методы исследования и анализа восприятия, политических установок, политических ценностей и пр. чаще всего заимствованы из психологии. Однако цель психологии заключается не только

в изучении внутренних психических структур человека, но и в оказании непосредственной помощи конкретному индивиду. Целевая аудитория политической психологии несколько отличается (это политические элиты, государство, эксперты в области политологии), и это, на наш взгляд, закономерно ведет к сужению исследовательского потенциала данной научной дисциплины.

Наибольший вклад в данную область исследования был осуществлен кафедрой социологии и психологии политики МГУ⁶, где для изучения образов политических лидеров было обосновано применение методов глубинного интервью и метода фиксированных ассоциаций. Так, профессором Е.Б. Шестопаля показано, что содержание методологии оценки образа политического лидера может быть основано на оценке политических лидеров по таким критериям, как: привлекательность—непривлекательность, сила—слабость и активность—пассивность [80]. Наиболее полное описание указанного подхода содержится в монографиях «Путин 3.0. Общество и власть в новейшей истории России» [19] и «Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993—2018)» [81], где представлены данные проведенных исследований. Отличие методологии данной школы заключается в обосновании и реальном применении методов исследования бессознательных уровней восприятия политических лидеров⁷.

В политической психологии применяются и другие методологические подходы. Так, исследование образа политического лидера некоторыми авторами соотносится с областью символического, что позволяет им проводить семиотический анализ. Например, по данным исследования Е.Б. Шестопаля и А.В. Селезневой, наиболее часто употребляемыми в среде российской политической элиты выступают такие концепты, как: «государство», «Россия», «президент», «власть», «закон», а также отмечается, что «в речах всех изученных представителей российской политической элиты наиболее часто употребляемым и во многом смыслообразующим является когнитивный символ „мы“» [84. С. 222]. Употребление данного когнитивного символа свидетельствует, с одной стороны, о коллегиальном характере принятия политических решений в среде российской политической элиты и коллективной ответственности за их последствия, с другой стороны, обобщение «мы» приводит к обезличиванию политики, к возможности избежать ответственности за свои решения. Исследователями также отмечается, что прослеживается очевидная связь между должностью президента и когнитивными символами его деятельности в России. Например, анализ текстов позволил обнаружить связь должности главы государства с «такими категориями действия, как „объявляет“, „ставит (задачу)“, „обозначает (приоритеты)“, „формулирует (подход)“, „предлагает“, „заявляет“, „принимает (решения)“» [84. С. 225], поскольку они являются отражением его конституционных обязанностей.

Еще одним методом исследования образа политического лидера является метод группового конструирования сказочных сюжетов, который рассматривается

⁶ Сайт кафедры социологии и психологии политики МГУ. Режим доступа: <http://polit.msu.ru/aboutfp/structure/all-department/spp/>. Дата обращения: 02.05.2019.

⁷ Важность подобных методов убедительно подтверждается и в других исследованиях. Например, см.: [82; 83].

в работах И.К. Владыкина, С.Н. Плесовских, Н.В. Смутькиной, М.Г. Ивановой [72; 85; 86]. Поведенческие модели, описанные в сюжетах народных сказаний, позволяют проанализировать те бессознательные установки, благодаря которым образы даже современных политических лидеров приобретают популярность у населения. Более того, использование метода группового конструирования сказочных сюжетов возможно и в полевых исследованиях, когда респондентам по определенному алгоритму и на заданную тему предлагается «сочинить сказку». Благодаря этому удастся выявить те бессознательные установки граждан в отношении политических лидеров, которые сложно обнаружить при проведении открытых опросов.

Подходы к исследованию образа политического лидера в политической социологии

Одним из существенных недостатков политической психологии является то, что ее методы не могут использоваться массово, они всегда ограничены небольшим числом респондентов, временем и небольшим числом самих экспертов. Обратную картину мы обнаруживаем в рамках социологического подхода. Здесь исследования образа политического лидера, его взаимосвязи с электоральным поведением избирателей и т.д. проводятся такими научно-исследовательскими организациями, как ВЦИОМ, Левада-Центр, ФОМ, ИС РАН, ИСПИ РАН, Центр социологических исследований МГУ, ЦИРКОН и др. При этом анализируются не только количественные показатели (статус, уровень доходов, образования, местожительство электората и пр.), но и проводится качественная оценка, которая, по мнению социологов, позволяет выделять ценностные предпочтения, влияющие на политический выбор россиян [87].

В этом ряду отдельно выделяются исследования, проводимые под руководством академика РАН М.К. Горшкова, результаты которых широко отражены в ряде монографий и сборников [88—89]. Изучение образа политического лидера здесь находится в тесной взаимосвязи с исследованиями психологии электорального поведения и ценностно-смысловыми принципами, которыми руководствуется население при выборе политического лидера. В этой области присутствует широкий перечень как теоретических, так и практических разработок.

Анализируя результаты социологических исследований восприятия политических лидеров, нельзя не отметить, что они также эволюционируют, совершенствуется методология и используемые процедуры. Вместе с тем внимание социологов сосредоточено в основном на изучении политических ценностей россиян. В результате делаются выводы о том, какой образ политического лидера является наиболее предпочтительным с точки зрения избирателей или отдельных сегментов общества. Так, согласно данным «Левада-Центра» 2018 года, россияне ценят в президенте следующие качества и политические заслуги: опытность, энергичность, дальновидность, способность повлечь за собой людей, способность защищать государственные интересы, способность к компромиссам, внешнеполитический курс, политика на Северном Кавказе, честность, принципиальность [90. С. 72].

При этом соответствующее исследование 2019 года показало, что авторитет В.В. Путина снизился⁸, что позволяет сделать вывод о том, что электоральные предпочтения россиян не носят устойчивого характера.

То, что мнение граждан по вопросу лидерских качеств политиков неустойчиво, подтверждается и данными ВЦИОМ. Так, в феврале 2019 года ВЦИОМ представил очередной опрос общественного мнения «Гражданин и лидер: главные требования и качества». Выяснилось, что за последние годы точка зрения респондентов существенно поменялась: «Если в 2015 г. главным качеством общественного лидера называли активность (44% в 2015 г. против 12% в 2019 г.), то сегодня для наших сограждан в первую очередь важна честность (53% в 2019 г. против 24% в 2015 г.)»⁹.

Помимо специализированных организаций социологические исследования проводятся также на базе ряда ВУЗов или в рамках их научно-практической деятельности [91—92]. Так, экспертно-аналитический центр РАНХиГС в 2017 г. провел исследование, посвященное образу идеального политического лидера в России¹⁰. Опрос был проведен среди работников сферы государственного и муниципального управления и политики, научного и бизнес-сообществ. Согласно мнению респондентов, успешный политический деятель также должен быть компетентным (36,2%), харизматичным (25,9%) и обладать высокими морально-нравственными качествами (22,4%). Популярность политического лидера, по ответам респондентов, складывается из харизмы (34,5%), волевого характера (31%) и ораторских способностей (24,1%). Таким образом, «исследование показало, что в России идеальному политику не требуется разнообразие качеств, достаточно быть целеустремленным, обладать политической силой воли, быть порядочным и честным. Он также должен быть патриотом Родины и ставить на первое место общественные интересы, а не личные успехи»¹¹.

Существуют и другие широко известные исследовательские проекты, например, исследование, проведенное СГТУ, в рамках которого были выделены и проанализированы образы таких политических лидеров, как Петр I, И.В. Сталин, Б.Н. Ельцин, В.В. Путин, В.И. Ленин [93]. Частично эти данные нашли подтверждение в ходе опроса, проведенного Левада-Центр в 2017 г. В частности, в нем просили: «Назовите, пожалуйста, десять самых выдающихся людей всех времен и народов». В первую десятку вошли Сталин (1-е место), Путин (2-е место),

⁸ Президент потерял прошлогодний максимум. Левада-центр изучил электоральный рейтинг «экс-кандидатов» // Левада-центр. 11.04.2019. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2019/04/11/prezident-poteryal-proshlogodnij-maksimum/>. Дата обращения: 02.05.2019.

⁹ Гражданин и лидер: главные требования и качества // ВЦИОМ. 21.02.2019. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9566>. Дата обращения: 02.05.2019.

¹⁰ Образ идеального политика. Экспертно-аналитический центр РАНХиГС. Режим доступа: <https://www.ranepa.ru/images/News/2017-12/20-12-2017-politshkola-kalmykov.pdf>. Дата обращения: 02.05.2019.

¹¹ Ученые определили портрет идеального политика для россиян // Известия. 10.09.2015. Режим доступа: <https://iz.ru/news/591144>. Дата обращения: 02.05.2019.

Ленин (4-е место), Петр I (5-е место), Жуков (8-е место)¹². Если же вернуться к исследованию СГТУ, то в результате его проведения были сделаны выводы о том, что студенты оценивают политических лидеров преимущественно «по делам», то есть в зависимости от их политической активности и результатов деятельности. Респонденты отмечают, что личностные качества имеют менее значимую роль в формировании имиджа политического лидера. Однако все равно студенты отмечали, что считают важными для политического лидера такие качества личности, как воля, решительность, принципиальность, смелость, самостоятельность.

Исходя из проанализированных социологических опросов и их результатов можно утверждать, что опросы — не лучшее средство, чтобы узнать, каким должен быть российский политический лидер. В частности, это отмечает и ведущий политический психолог России Е.Б. Шестопап [94. С. 89—92]. Социологические исследования на сегодняшний день не предоставляют такого качества, которое бы позволяло интегрировать данные исследования с прогнозами и методами работы политических психологов. Зачастую данные либо неустойчивы, либо носят общий характер и не отражают политическую действительность. Представляется важным искать ответы также в архетипических установках российской политической культуры. В связи с этим нам хотелось бы сделать акцент на проективных методиках, разработанных как в рамках политологической школы МГУ, так и рядом авторов, параллельно самостоятельно занимающихся данными исследованиями.

Выводы

Обзор основного массива отечественной исследовательской литературы, посвященный исследованию образа политического лидера, позволяет сделать вывод о присутствии в российской политологии значительного объема теоретических и эмпирических наработок и результатов. При этом можно выделить плеяду ученых, занимающихся данной темой исследования системно на протяжении ряда лет, а также генерацию молодых авторов, чьи исследования и наработки являются перспективными и обладают явным эвристическим потенциалом.

Также нами были выявлены существенные расхождения в методологии и качестве результатов психологических и социологических исследований. Последние, на наш взгляд, не отражают глубину исследуемой темы. Крайне перспективным и сравнительно недостаточно изученным здесь представляется использование проективных методик, позволяющих исследовать бессознательные установки россиян.

Библиографический список

- [1] *Ковалевский П.И.* Петр I (из работы «Психиатрические эскизы из истории») // Политическая психология: хрестоматия / сост. Е.Б. Шестопап. 4-е изд., испр. и доп. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. С. 271—280.

¹² Самым выдающимся человеком всех времен россияне назвали Сталина // Комсомольская правда. 26.06.2017. Режим доступа: <https://www.omsk.kp.ru/daily/26696/3720715/>. Дата обращения: 02.05.2019.

- [2] Чулков Г. Императоры. Психологические портреты. М.: Искусство, 1995. Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=146202&p=1>. Дата обращения: 02.05.2019.
- [3] Лавров П.Л. *Философия и социология: избранные произведения: в 2 т.* М.: Мысль, 1965. Режим доступа: http://az.lib.ru/l/lawrow_p_l/text_1869_istoricheskie_pisma.shtml. Дата обращения 02.05.2019.
- [4] Рыскова Т.М. Политический портрет лидера; вопросы типологии // Вестник МГУ. Сер. 12: Политические науки. 1997. № 3. С. 109—113.
- [5] Егорова-Гантман Е.В. и др. Политиками не рождаются. Как стать и остаться эффективным политическим лидером: психологическое пособие для политиков: в 2 кн. М.: ЦПК «Никколо М», «Антиква», 1993. 1 кн. — 221 с., 2 кн. — 423 с.
- [6] Ашин Г.К. Политическое лидерство: оптимальный стиль // *Общественные науки и современность*. 1993. № 2. С. 115—126.
- [7] Ашин Г.К. Критика современных буржуазных концепций лидерства (раздел «Политическое лидерство») // *Психология и психоанализ власти*. Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2016. С. 324—338.
- [8] Святославский А.В. К проблеме формирования образа И.В. Сталина в отечественной коллективной памяти с 1930-х гг. до современности // *Диалог со временем*. 2011. № 35. С. 95—118.
- [9] Ракитянский Н.М. *Портретология власти: теория и методология психологического портретирования личности политика*. М.: Наука, 2004. 264 с.
- [10] Ракитянский Н.М. Построение портрета // *Политическая психология: хрестоматия* / сост. Е.Б. Шестопал. 4-е изд., испр. и доп. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. С. 66—77.
- [11] Ракитянский Н.М. Проблема психодиагностики политических лидеров // *Общественные науки и современность*. 1995. № 6. С. 108—116.
- [12] Великанова О.В. Функции образа лидера в массовом сознании. Гитлеровская Германия и Советская Россия // *Психология и психоанализ власти*. Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2016. С. 413—425.
- [13] Бурлацкий Ф.М. *Вожди и советники: О Хрущеве, Андропове и не только о них*. М.: Политиздат, 1990. 384 с.
- [14] Авцинова Г.А. Политическое лидерство // *Государство и право*. 1993. № 5. С. 138—146.
- [15] Чиж В.Ф. Психология злодея, властелина, фанатика // *Политическая психология: хрестоматия* / сост. Е.Б. Шестопал. 4-е изд., испр. и доп. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. С. 281—288.
- [16] Римский В.Л. Мифы о Сталине и культе личности в сознании российских граждан и элиты // *Общественные науки и современность*. 2011. № 1. С. 97—105.
- [17] Млечин Л.М. *Кремль. Президенты России. Стратегия власти от Б.Н. Ельцина до В.В. Путина*. М.: Центрполиграф, 2002. 703 с.
- [18] Человеческий капитал российских политических элит. Политико-психологический анализ / под ред. Е.Б. Шестопал, А.В. Селезневой. М.: РАПН; РОССПЭН, 2012. 342 с.
- [19] Путин 3.0.: общество и власть в новейшей истории России / И.С. Палитай, Е.Б. Шестопал, А.Ю. Шутов и др. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2015. 420 с.
- [20] Психология политического восприятия в современной России / под ред. Е.Б. Шестопал. М.: РОССПЭН, 2012. 423 с.
- [21] Шестопал Е.Б. (ред.) *Образы российской власти. От Ельцина до Путина*. М.: РОССПЭН, 2008. 416 с.
- [22] Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции. Ч. 1 // *Полис. Политические исследования*. 2004. № 2. С. 6—19.
- [23] Самые влиятельные люди России. Политические и экономические элиты центра и регионов / отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина. М.: Имидж-контакт, 2004. 689 с.
- [24] Дилгенский Г.Г. Психологические аспекты политического лидерства // *Психология и психоанализ власти*. Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2016. С. 377—393.

- [25] Политическое поведение: бессознательные механизмы и их рационализация. Круглый стол журнала «Полис» и кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им М.В. Ломоносова // *Полис. Политические исследования*. 2013. № 6. С. 46—63.
- [26] Хрестоматия по политической психологии / Е.Б. Шестопап, Н.М. Ракитянский, Т.В. Евгеньева и др. М.: Аспект Пресс, 2017. 448 с.
- [27] *Попова О.В.* Политический анализ и прогнозирование. М.: Аспект Пресс, 2011. 464 с.
- [28] *Нестерова С.В.* Визуальные и вербальные характеристики образов власти // *Политическая психология: хрестоматия* / сост. Е.Б. Шестопап. 4-е изд., испр. и доп. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. С. 366—378.
- [29] *Зорин В.А.* Проблема восприятия образа политика в контексте изучения его личности // *Политическая психология: хрестоматия* / сост. Е.Б. Шестопап. 4-е изд., испр. и доп. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. С. 379—390.
- [30] *Селезнева А.В.* Образ Президента России В.В. Путина в сознании российских граждан // *Русская политология*. 2018. № 2 (7). С. 4—11.
- [31] *Зверев А.Л.* Личностные компоненты лидерского потенциала молодого поколения обществоведческого экспертного сообщества // *Политическая наука*. 2017. Специальный выпуск. С. 402—423.
- [32] *Василенко И.А.* Имидж России: концепция национального и территориального брендинга: монография / под ред. И.А. Василенко. 2-е изд., доп. / И.А. Василенко, Е.В. Василенко, Н.Н. Емельянова, А.Н. Люлько. М.: Экономика, 2014. 247 с.
- [33] *Палитай И.С.* Партийное лидерство: взгляд политического психолога // *Идеи и ценности в политике*. Политическая наука. М.: Политическая энциклопедия: РОССПЭН, 2015. С. 164—172.
- [34] *Бендас Т.В.* Психология лидерства. СПб.: Питер, 2009. 448 с.
- [35] *Селезнева А.В.* Поколения в российской политике: политические представления и ценности: дис. ... канд. полит. наук. М., 2008. 154 с.
- [36] *Букреева О.В.* Сравнительный анализ рационального и бессознательного компонентов образов власти в современной России: дис. ... канд. полит. наук. М., 2013. 154 с.
- [37] *Жестков М.И.* Содержание образов власти в современной России: политико-психологический анализ: дис. ... канд. полит. наук. М., 2013. 173 с.
- [38] *Киктева Е.А.* Особенности формирования негативного образа регионального политического лидера. Политико-психологический анализ: дис. ... канд. полит. наук. М., 2003. 190 с.
- [39] *Шелекасова Н.П.* Неосознаваемые аспекты образа политика в массовом сознании (на материалах исследований региональных избирательных кампаний 2001 и 2003 гг.): дис. ... канд. полит. наук. М., 2006. 167 с.
- [40] *Горяинов В.П.* Концептуальная схема типологии объединений лидеров и их сторонников // *Социологические исследования*. 2001. № 1. С. 48—56.
- [41] *Богатырев И.А.* Политическое лидерство и политический авторитет // *Социально-политические науки*. 2016. № 2. С. 41—43.
- [42] *Вафин А.М.* Политическая маргинальность: к проблеме типологии политического лидерства // *Психология и психотехника*. 2013. № 9. С. 884—888.
- [43] *Новиков Е.Н.* Формирование имиджа национального политического лидера России // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2009. № 114. С. 363—370.
- [44] *Айвазова С.Г.* Гендерные особенности политического поведения россиян в контексте избирательного цикла парламентских и президентских выборов 2011—2012 гг. // *Женщина в российском обществе*. Иваново: ИвГУ, 2012. № 3. С. 3—11.
- [45] *Айвазова С.Г.* Российские выборы: гендерное прочтение. М.: Консорциум женских неправительственных объединений; Институт социологии РАН, 2008. 177 с.

- [46] *Чирикова А.Е.* Региональные элиты России. М.: Аспект Пресс, 2010. 272 с.
- [47] *Овчарова О.Г.* Гендерная асимметрия политики: измерение мировой конфигурации // Человек. Сообщество. Управление. 2016. Т. 17. № 2. С. 70—81.
- [48] *Бендас Т.В.* Гендерные исследования лидерства // Вопросы психологии. 2000. № 1. С. 87—95.
- [49] *Шепелева Ю.Л.* Политическое лидерство в современном российском обществе: гендерное измерение // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 3. С. 240—245.
- [50] *Попова О.В.* Особенности политического сознания современной российской молодежи // Политическая наука. 2017. № 1. С. 138—162.
- [51] *Попова О.В.* Политический потенциал молодежного лидерства в российских условиях: результаты межрегионального исследования // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2018. № 14 (4). С. 52—71.
- [52] *Трофимова И.Н.* Поколенческий фактор гражданской активности в российском обществе // Социологическая наука и социальная практика. 2015. Т. 0. № 2. С. 5—17.
- [53] *Самаркина И.В.* Образ власти в политической картине молодежи // Политическая психология: хрестоматия / сост. Е.Б. Шестопап. 4-е изд., испр. и доп. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. С. 398—408.
- [54] *Василенко И.А., Василенко Е.В.* Связи с общественностью в органах власти: учебник. 2-е изд., доп. М.: Международные отношения, 2017. 296 с.
- [55] *Володенков С.В.* Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. М.: Проспект, 2018. 271 с.
- [56] *Володенков С.В.* Управление современными политическими кампаниями. М.: Издательство Московского Университета, 2012. 312 с.
- [57] *Галкина Е.В.* О политическом лидерстве: современные тенденции и технологии // Общество, политика, экономика, право. 2017. № 4. С. 15—17.
- [58] *Кнурова В.А.* Политическое лидерство и СМИ: принципы взаимодействия на современном этапе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 8-1 (46). С. 79—82.
- [59] *Смулькина Н.В.* Факторы, влияющие на восприятие кандидатов в президенты в российской избирательной кампании // Вестник Томского государственного университета. Филология. Социология. Политология. 2013. № 3. С. 30—36.
- [60] *Селезнева А.В.* Методики изучения ценностей // Политическая психология: хрестоматия / сост. Е.Б. Шестопап. 4-е изд., испр. и доп. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. С. 93—95.
- [61] *Габриелян А.А.* Новая модель ответственного политического лидерства // Экономические стратегии. 2016. Т. 18. № 6 (140). С. 198—203.
- [62] *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира: курс лекций. М.: Издательский центр «Академия», 1998. 432 с.
- [63] *Захаров А.В.* Народные образы власти // Полис. Политические исследования. 1998. № 1. С. 23—35.
- [64] *Селивестрова Ю.А.* Специфика политического лидерства в России // Успехи современной науки. 2016. Т. 4. № 7. С. 128—130.
- [65] *Дурдин Д.М.* Образ политического лидера: трансформация невозможна // Полис. Политические исследования. 2015. № 2. С. 33—151.
- [66] *Щербинина Н.Г.* Герой и антигерой. М.: Издательство «Весь Мир», 2002. 116 с.
- [67] *Щербинина Н.Г.* Мифо-героическое конструирование политической реальности России. М.: РОССПЭН, 2011. 287 с.
- [68] *Евгеньева Т.В., Титов В.В.* Образы прошлого в российском массовом политическом сознании: мифологическое измерение // Политическая наука. 2017. № 1. С. 120—138.

- [69] *Ананченко М.Ю.* Влияние архетипов на представление о лидере и лидерстве // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2009. № 107. С. 68—75.
- [70] *Штукина Т.А.* Региональное политическое лидерство в современной России // *Вестник МГУ. Серия 12: Политические науки*. 2008. № 1. С. 78—88.
- [71] *Штукина Т.А.* Новое измерение феномена политического лидерства // *Психология и психоанализ власти*. Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2016. С. 359—376.
- [72] *Иванова М.Г.* Архетипы культуры. Поиск центрального архетипа: монография. М.: ФЛИНТА, 2019. 480 с.
- [73] *Фан И.* Концепт гражданина в политической мысли: методологические подходы и теоретические модели. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co, KG, 2011. 412 с.
- [74] *Малинова О.Ю.* Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2012. № 8. С. 179—204.
- [75] *Вершинин М.С.* Политическая коммуникация в информационном обществе // *Актуальные проблемы теории коммуникации: сборник научных трудов*. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. С. 98—107.
- [76] *Разворотнева С.В.* Язык власти, власть языка (анализ исследований политической коммуникации в Америке) // *Психология и психоанализ власти*. Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2016. С. 164—174.
- [77] *Палитай И.С.* Методология политико-психологического исследования массового политического сознания в трансформирующихся обществах // *Политическая наука*. 2016. Спецвыпуск. С. 193—203.
- [78] *Зверев А.Л., Палитай И.С., Рогозарь А.И., Смутькина Н.В.* Особенности политического восприятия в современных политических условиях // *Полис. Политические исследования*. 2016. № 3. С. 40—54.
- [79] *Попов Э.А.* Российская политическая элита и коммуникативные технологии. М., 2015. 144 с.
- [80] *Шестопал Е.Б.* Методы исследования политического восприятия в российской политической психологии // *Российская политическая наука: Идеи, концепции, методы: научное издание / под ред. Л.В. Сморгунова*. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. С. 76—94.
- [81] *Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993—2018) / отв. ред. книги Е.Б. Шестопал / Е.Б. Шестопал, А.Л. Зверев, А.В. Селезнева и др.* М.: Издательство «Весь Мир», 2019. 656 с.
- [82] *Батов В.И.* Психологический анализ детского рисунка на тему чернобыльской трагедии // *Вопросы психологии*. 1997. № 1. С. 26—32.
- [83] *Головин Н.А., Сибирев В.А.* Дети и выборы в Государственную Думу: Формирование базовых политических установок // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2001. № 4. С. 116—134.
- [84] *Селезнева А.В., Шестопал Е.Б.* Человеческий капитал российских политических элит // *Российская ассоциация политической науки. Исследовательский комитет по политической психологии*. М.: РОСПЭН, 2012. 341 с.
- [85] *Владыкина И.К., Плесовских С.Н.* Конструирование сказочных сюжетов как метод выявления прототипа идеального лидера среди молодежи // *Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки*. 2000. № 5. С. 98—103.
- [86] *Смутькина Н.В.* Конструирование сказочных сюжетов как методов определения факторов электоральной привлекательности кандидатов в избирательной кампании // *Русская политология*. 2017. № 1. С. 140—151.
- [87] *Римский В.Л.* Политическая социология // *Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии: научное издание / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной*. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. С. 333—354.

- [88] Гориков М.К. Российское общество в контексте новой реальности. К итогам и продолжению социологического мегапроекта. М.: Весь Мир, 2017. 104 с.
- [89] Гориков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики): в 2 т. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Новый хронограф, 2016. 496 с.
- [90] Общественное мнение—2018. М.: Левада-Центр, 2019. 168 с.
- [91] Образы будущего России: желаемое — возможное — необходимое: материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Москва, 8—9 июня 2016 г.: сборник докладов и статей / под общ. ред. А.Б. Ананченко; Министерство образования и науки Российской Федерации, Институт истории и политики. Москва: МПГУ, 2016. 275 с.
- [92] Ильичева Л.Е., Комаровский В.С. Образ желаемого будущего, идентичность и цивилизационный выбор молодежи // Политика развития, государство и мировой порядок: материалы VIII Всероссийского конгресса политологов. Москва, 6—8 декабря 2018 г. / под общ. ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. С. 228—229.
- [93] Куракина Л.М., Мирончева Е.А. Российские политические лидеры в восприятии современного студенчества (по материалам региональных исследований) // Фундаментальные исследования. 2015. № 2 (часть 23). С. 5245—5252. Режим доступа: <https://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=38190>. Дата обращения: 02.05.2019.
- [94] Шестопап Е.Б. Социологические опросы и электоральные прогнозы: некоторые методологические аспекты // Политическая психология: хрестоматия / сост. Е.Б. Шестопап. 4-е изд., испр. и доп. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. С. 89—92.

История статьи:

Статья поступила в редакцию 28.05.2019.

Статья принята к публикации 22.06.2019.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-558-576

Review

The Image of a Political Leader in the Russian Political Studies

V.G. Ivanov, M.G. Ivanova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russian Federation, 117198

Abstract. The article reviews Russian political science studies related to the image of a political leader. The authors distinguish philosophical, historical, political, psychological and sociopolitical approaches and schools. The authors examine both theoretical and practice-oriented developments in this field of research. The main methodological branches pertinent to the studies of a political leader's image are political psychology and political sociology, which are analyzed separately. The article reviews the works of both well-known political scientists in this field and young researchers. The authors believe that the collected and systematized material can prove useful for political scientists researching the problems of political leadership.

Keywords: image, political leader, political psychology, political sociology, political leadership, political portraiture

References

- [1] Kovalevsky P.I. Peter I (From the Work “Psychiatric Sketches from History”). *Political Psychology: Anthology*. Comp. by E.B. Shestopal. 4th ed. Moscow: Publishing house “Aspect Press”; 2018: 271—280 (In Russ.).
- [2] Chulkov G. *Emperors. Psychological Portrait*. Moscow: Art; 1995. Available from: <https://www.litmir.me/br/?b=146202&p=1>. Accessed: 02.05.2019 (In Russ.).
- [3] Lavrov P.L. *Philosophy and Sociology*. Selected works in two volumes. Moscow: “Thought”; 1965. Available from: http://az.lib.ru/l/lavrov_p_l/text_1869_istoricheskie_pisma.shtml. Accessed: 02.05.2019 (In Russ.).
- [4] Raskova T.M. Political Portrait of a Leader; The Questions of Typology. *Vestnik MGU. Ser. 12: Political science*. 1997; 3: 109—113 (In Russ.).
- [5] Egorova-Gantman E.V. et al. *Politicians Are not Born. How to Become and Remain an Effective Political Leader: A Psychological Guide for Politicians*. In 2 books. Moscow: TSK “Niccolo M”; “Antiqua”; 1993. 1st book 221 p., 2nd book 423 p. (In Russ.).
- [6] Ashin G.K. Political Leadership: Optimal Style. *Social Sciences and Modernity*. 1993; 2: 115—126 (In Russ.).
- [7] Ashin G.K. Criticism of Modern Bourgeois Concepts of Leadership (Section “Political Leadership”). *Psychology and Psychoanalysis of Power*. Samara: Publishing house “Bahrah-M”; 2016: 324—338 (In Russ.).
- [8] Svyatoslavsky A.V. On the Problem of Formation of the Image of Stalin in the National Collective Memory from the 1930s to the Present. *Dialogue with Time*. 2011; 35: 95—118 (In Russ.).
- [9] Rakityanskiy N.M. *Portraiture of Power: Theory and Methodology of Psychological Portraiture of an Individual Political Leader*. Moscow: Science; 2004. 264 p. (In Russ.).
- [10] Rakityanskiy N.M. The Construction of the Portrait. *Political Psychology: reader*. Comp. by E.B. Shestopal. 4th ed. Moscow: Publishing house “Aspect Press”; 2018: 66—77 (In Russ.).
- [11] Rakityansky N.M. The Problem of Psychodiagnostics of Political Leaders. *Social Sciences and Modernity*. 1995; 6: 108—116 (In Russ.).
- [12] Velikanova O.V. Functions of the Image of the Leader in the Mass Consciousness. Hitler's Germany and Soviet Russia. *Psychology and Psychoanalysis of Power*. Samara: Publishing house “Bahrah-M”; 2016: 413—425 (In Russ.).
- [13] Burlatsky F.M. *Leaders and Advisers: About Khrushchev, Andropov and not only about Them*. Moscow: Politizdat; 1990. 384 p. (In Russ.).
- [14] Avtsinova G.A. Political Leadership. *State and Law*. 1993; 5: 138—146 (In Russ.).
- [15] Chizh V.F. The Psychology of the Villain, the Lord, the Fanatic. *Political Psychology: Anthology*. Comp. by E.B. Shestopal. 4th ed. Moscow: Publishing house “Aspect Press”; 2018: 281—288 (In Russ.).
- [16] Roman V.L. Myths about Stalin and the Cult of Personality in the Minds of Russian Citizens and Elite. *Social Sciences and Modernity*. 2011; 1: 97—105 (In Russ.).
- [17] Mlechin L.M. *The Kremlin. Presidents of Russia. Power Strategy from Boris Yeltsin to Vladimir Putin*. Moscow: Tsentrpoligraf; 2002. 703 p. (In Russ.).
- [18] *Human Capital of Russian Political Elites. Political and Psychological Analysis*. Ed. by E.B. Shestopal, A.V. Selezneva. Moscow: RPMA; ROSSPEN; 2012. 342 p. (In Russ.).
- [19] Palitay I.S., Shestopal E.B., Shutov A.Yu. et al. *Putin 3.0.: Society and Power in the Contemporary History of Russia*. Moscow: ARGAMAK-MEDIA; 2015. 420 p. (In Russ.).
- [20] *Psychology of Political Perception in Contemporary Russia*. Ed. by E.B. Shestopal. Moscow: ROSSPEN; 2012. 423 p. (In Russ.).
- [21] Shestopal E.B. (ed.) *Images of the Russian Authorities. From Yeltsin to Putin*. Moscow: ROSSPEN; 2008. 416 p. (In Russ.).
- [22] Gaman-Golutvina O.V. Regional Elites of Russia: Personal Composition and Trends of Evolution. Part 1. *Polis*. 2004; 2: 6—19 (In Russ.).

- [23] *The Most Influential People in Russia. Political and Economic Elites of the Center and Regions*. Ed. by O.V. Gaman-Golutvina. Moscow: Image-contact; 2004. 689 p. (In Russ.).
- [24] Diligensky G.G. *Psychological Aspects of Political Leadership. Psychology and Psychoanalysis of Power*. Samara: Publishing house “Bahrah-M”; 2016: 377—393 (In Russ.).
- [25] Political Behavior: Unconscious Mechanisms and Their Rationalization. Round Table of the «Polis» Journal. *Polis*. 2013; 6: 46—63 (In Russ.).
- [26] Shestopal E.B., Rakityansky N.M., Evgenieva T.V. et al. *Anthology of Political Psychology*. Moscow: Aspect Press; 2017. 448 p. (In Russ.).
- [27] Popova O.V. *Political Analysis and Forecasting*. Moscow: Aspect Press; 2011. 464 p. (In Russ.).
- [28] Nesterova S.V. Visual and Verbal Characteristics of Images of Power. *Political Psychology: Anthology*. Comp. by E.B. Shestopal. 4th ed. Moscow: Publishing house “Aspect Press”; 2018: 366—378 (In Russ.).
- [29] Zorin V.A. The Problem of Perception of the Image of a Politician in the Context of Study of His Personality *Political Psychology: Anthology*. Comp. by E.B. Shestopal. 4th ed. Moscow: Publishing house “Aspect Press”; 2018: 379—390 (In Russ.).
- [30] Seleznev A.V. The Image of the President of Russia V.V. Putin in Russian Citizens’ Consciousness. *Russian Political Science*. 2018; 2 (7): 4—11 (In Russ.).
- [31] Zverev A.L. Personal Components of Leadership Potential of the Young Generation of Social Science Expert Community. *Political Science*. 2017; Special issue: 402—423 (In Russ.).
- [32] *Image of Russia: The Concept of National and Territorial Branding*. Ed. by I.A. Vasilenko. 2nd ed. Moscow: Economics; 2014. 247 p. (In Russ.).
- [33] Palitay I.S. Party Leadership: View of Political Psychologist. *Ideas and Values in Politics. Political Science*. Moscow: Political encyclopedia: ROSSPEN; 2015: 164—172 (In Russ.).
- [34] Bendas T.V. *Psychology of Leadership*. SPb.: Peter; 2009. 448 p. (In Russ.).
- [35] Seleznev V.A. *Generations in Russian Politics: Political Ideas and Values*. Dissertation, PhD in Political Science. Moscow; 2008. 154 p. (In Russ.).
- [36] Bukreeva O.V. *Comparative Analysis of Rational and Unconscious Components of Images of Power in Contemporary Russia*. Dissertation, PhD in Political Science. Moscow; 2013. 154 p. (In Russ.).
- [37] Zhestkov M.I. *Contents of Images of Power in Modern Russia: Political and Psychological Analysis*. Dissertation, PhD in Political Science. Moscow; 2013. 173 p. (In Russ.).
- [38] Kikteva E.A. *Features of Formation of a Negative Image of the Regional Political Leader. Political and Psychological Analysis*. Dissertation, PhD in Political Science. Moscow; 2003. 190 p. (In Russ.).
- [39] Shelekasova N.P. *Unconscious Aspects of the Image of Politics in the Mass Consciousness (on the Materials of Studies of Regional Election Campaigns in 2001 and 2003)*. Dissertation, PhD in Political Science. Moscow; 2006. 167 p. (In Russ.).
- [40] Goryainov V.P. Conceptual Scheme of Typology of Associations of Leaders and their Supporters. *SOCIS*. 2001; 1: 48—56 (In Russ.).
- [41] Bogatyrev I.A. Political Leadership and Political Authority. *Social and Political Sciences*. 2016; 2: 41—43 (In Russ.).
- [42] Vafin A.M. Political Marginality: To the Problem of Typology of Political Leadership. *Psychology and psychotechnics*. 2013; 9: 884—888 (In Russ.).
- [43] Novikov E.N. Formation of the Image of the National Political Leader of Russia. *Proceedings of Herzen State Pedagogical University*. 2009; 114: 363—370 (In Russ.).
- [44] Aivazova S.G. Gender Features of Political Behavior of Russians in the Context of the Electoral Cycle of Parliamentary and Presidential Elections 2011—2012. *Woman in Russian Society*. 2012; 3: 3—11 (In Russ.).
- [45] Aivazova S.G. *Russian Elections: Gender Approach*. Moscow: Consortium of Women's Non-governmental Organizations; Institute of Sociology, RAS; 2008. 177 p. (In Russ.).

- [46] Chirikova A.E. *Regional Elites of Russia*. Moscow: Aspect Press; 2010. 272 p.
- [47] Ovcharova O.G. Gender Asymmetry of Politics: Measurement of the World Configuration. *People. Community. Management*. 2016; 17 (2): 70—81 (In Russ.).
- [48] Bendas T.V. Gender Studies of Leadership. *Voprosy psichologii*. 2000; 1: 87—95 (In Russ.).
- [49] Shepeleva Yu.L. Political Leadership in Modern Russian Society: The Gender Dimension. *State and Municipal Management. Proceedings of the SKAGS*. 2016; 3: 240—245 (In Russ.).
- [50] Popova O.V. Features of Political Consciousness of Contemporary Russian Youth. *Political science*. 2017; 1: 138—162 (In Russ.).
- [51] Popova O.V. Political Potential of Youth Leadership in Russian Conditions: The Results of Interregional Research. *Political Expertise: POLITEX*. 2018; 14 (4): 52—71 (In Russ.).
- [52] Trofimova I.N. Generational Factor of Civil Activity in Russian Society. *Sociological Science and Social Practice*. 2015; 2: 5—17 (In Russ.).
- [53] Samarkina I.V. The Image of Power in the Political Picture of Youth. *Political Psychology: Anthology*. Comp. by E.B. Shestopal. 4th ed. Moscow: Publishing house “Aspect Press”; 2018: 398—408 (In Russ.).
- [54] Vasilenko I.A., Vasilenko E.V. *Public Relations in Government: textbook*. 2nd ed. Moscow: International relations; 2017. 296 p. (In Russ.).
- [55] Volodenkov S.V. *Internet Communications in the Global Space of Modern Political Governance*. Moscow: Prospect; 2018. 271 p. (In Russ.).
- [56] Volodenkov S.V. *Management of Modern Political Campaigns*. Moscow: Moscow University Publishing House; 2012. 312 p. (In Russ.).
- [57] Galkina E.V. On Political Leadership: Modern Trends and Technologies. *Society, Politics, Economics, Law*. 2017; 4: 15—17 (In Russ.).
- [58] Knurova V.A. Political Leadership and Mass Media: Principles of Interaction at the Present Stage. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Theory and Practice*. 2014; 8-1 (46): 79—82 (In Russ.).
- [59] Skulkina N.V. Factors Affecting the Perception of the Presidential Candidates in the Russian Election Campaign. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*. 2013; 3: 30—36 (In Russ.).
- [60] Seleznev A.V. Methods for the Study of Values. *Political Psychology: Anthology*. Comp. by E.B. Shestopal. 4th ed. Moscow: Publishing house “Aspect Press”; 2018: 93—95 (In Russ.).
- [61] Gabrielyan A.A. New Model of Responsible Political Leadership. *Economic Strategies*. 2016; Vol. 18; 6 (140): 198—203 (In Russ.).
- [62] Gachev G.D. *National Images of the World: A Course of Lectures*. Moscow: Publishing center “Academy”; 1998. 432 p. (In Russ.).
- [63] Zakharov A.V. Folk Images of Power. *Polis*. 1998; 1: 23—35 (In Russ.).
- [64] Selivestrova Y.A. Specifics of Political Leadership in Russia. *Uspekhi sovremennoj nauki*. 2016; Vol. 4; 7: 128—130 (In Russ.).
- [65] Durdin D.M. Image of a Political Leader: Transformation is Impossible. *Polis*. 2015; 2: 33—151 (In Russ.).
- [66] Shcherbinina N.G. *Hero and Anti-hero*. Moscow: Publishing house “The Whole World”; 2002. 116 p. (In Russ.).
- [67] Shcherbinina N.G. *Myth-heroic Construction of the Political Reality of Russia*. Moscow: ROSSPEN; 2011. 287 p. (In Russ.).
- [68] Evgenieva T.V., Titov V.V. Images of the Past in the Russian Mass Political Consciousness: Mythological Dimension. *Political Science*. 2017; 1: 120—138 (In Russ.).
- [69] Ananchenko M.Yu. Influence of Archetypes on the Idea of the Leader and Leadership. *Proceedings of Herzen State Pedagogical University*. 2009; 107: 68—75 (In Russ.).
- [70] Shtukina T.A. Regional Political Leadership in Modern Russia. *Bulletin of Moscow State University. Series 12: Political Science*. 2008; 1: 78—88 (In Russ.).

- [71] Shtukina T.A. *A New Dimension of the Phenomenon of Political Leadership. Psychology and Psychoanalysis of Power*. Samara: Publishing house “Bahrah-M”; 2016: 359—376 (In Russ.).
- [72] Ivanova M.G. *Archetypes of Culture. Search for the Central Archetype*. Moscow: FLINTA; 2019. 480 p. (In Russ.).
- [73] Fang I. *Concept of Citizen in Political Thought. Methodological Approaches and Theoretical Models*. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co, KG; 2011. 412 p. (In Russ.).
- [74] Political Use of the Past as a Tool of Symbolic Policy: The Evolution of the Discourse of the Ruling Elite in Post-Soviet Russia. *Political Expertise: POLITEX*. 2012; 8: 179—204 (In Russ.).
- [75] Vershinin M.S. Political Communication in Information Society. *Actual Problems of Communication Theory*. Collection of proceedings. SPb.: SPbSPU publishing house; 2004: 98—107 (In Russ.).
- [76] Razvorotneva S.V. The Language of Power, the Power of Language (Analysis of Studies of Political Communication in America). *Psychology and Psychoanalysis of Power*. Samara: Publishing house “Bahrah-M”; 2016: 164—174 (In Russ.).
- [77] Palitay I.S. Methodology of Political-psychological Research of Mass Political Consciousness in Transforming Societies. *Political Science*. 2016; Special issue: 193—203 (In Russ.).
- [78] Zverev A.L., Palitay I.S., Rogosar’ A. I., Smul’kina N.V. The Political Perception in the Current Political Environment. *Polis*. 2016; 3: 40—54 (In Russ.).
- [79] Popov E.A. *Russian Political Elite and Communication Technologies*. Moscow; 2015. 144 p. (In Russ.).
- [80] Shestopal E.B. Methods of Research of Political Perception in Russian Political Psychology. *Russian Political Science: Ideas, Concepts, Methods*. Ed. by L.V. Smorgunov. Moscow: Publishing House “Aspect Press”; 2015: 76—94 (In Russ.).
- [81] *Power and Leaders in the Perception of Russian Citizens. A Quarter-century of Observations (1993—2018)*. Ed. by E.B. Shestopal. Moscow: Publishing house “Whole World”; 2019. 656 p. (In Russ.).
- [82] Batov V.I. Psychological Analysis of Children's Drawing on the Chernobyl Tragedy. *Voprosy psikhologii*. 1997; 1: 26—32 (In Russ.).
- [83] Golovin N.A., Sibirev V.A. Children and Elections to the State Duma: Formation of Basic Political Attitudes. *Journal of sociology and social anthropology*. 2001; 4: 116—134 (In Russ.).
- [84] Selezneva A.V., Shestopal E.B. Human Capital of Russian Political Elites. *Russian Association of Political Science. Research Committee on Political Psychology*. Moscow: ROSSPEN; 2012. 341 p. (In Russ.).
- [85] Vladykina I.K., Plesovskikh S.N. Construction of Fairy Tales as a Method of Identifying the Prototype of an Ideal Leader among Young People. *Vestnik MGU. Ser. 12: Political science*. 2000; 5: 98—103 (In Russ.).
- [86] Smul’kina N.V. Designing Fairy Tales as Methods of Determining Factors of Electoral Appeal of the Candidates in Election Campaign. *Russian political science*. 2017; 1: 140—151 (In Russ.).
- [87] Rimsky V.L. Political Sociology. *Structural Transformations and Development of Russian Schools of Political Science*. Ed. by O.V. Gaman-Golutvina. Moscow: Publishing house “Aspect Press”; 2015: 333—354 (In Russ.).
- [88] Gorshkov M.K. *Russian Society in the Context of the New Reality. To the Results and Continuation of the Sociological Megaproject*. Moscow: Ves’ Mir; 2017. 104 p. (In Russ.).
- [89] Gorshkov M.K. *Russian Society as It Is (Practice of Sociological Diagnostics)*. In 2 vol. 2nd ed. Moscow: New chronograph; 2016. 496 p. (In Russ.).
- [90] *Public opinion—2018*. Moscow: Levada Center; 2019. 168 p. (In Russ.).
- [91] *Images of the Russia’s Future: Desired — Possible — Necessary: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, June 8—9, 2016*. Ed. by A.B. Ananchenko. Moscow: MPGU; 2016. 275 p. (In Russ.).

- [92] Ilyicheva L.E., Komarovskiy V.S. Image of the Desired Future, Identity and Civilizational Choice of Youth. *Development Policy, State and World Order: Proceedings of the VIII all-Russian Congress of political scientists, Moscow, 6—8 December 2018*. Ed. by O.V. Gaman-Golutvina, L.V. Smorgunova, L.N. Timofeeva. Moscow: Publishing House “Aspect Press”; 2018: 228—229 (In Russ.).
- [93] Kurakina L.M., Mironcheva E.A. Russian Political Leaders in Perception of Modern Students (Based on Regional Studies). *Fundamental Research*. 2015; 2 (part 23): 5245—5252. Available from: <https://www.fundamental-research.ru/en/article/view?id=38190>. Accessed: 02.05.2019 (In Russ.).
- [94] Shestopal E.B. Sociological Surveys and Electoral Forecasts: Some Methodological Aspects. *Political Psychology: Anthology*. Comp. by E.B. Shestopal. 4th ed. Moscow: Publishing house “Aspect Press”; 2018: 89—92 (In Russ.).

Article history:

The article was submitted on 28.05.2019.

The article was accepted on 22.06.2019.

Информация об авторах:

Иванов Владимир Геннадьевич — доктор политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0002-3650-5460) (e-mail: ivanov-vg@rudn.ru).

Иванова Мария Геннадьевна — кандидат философских наук, ассистент кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0002-9296-8013) (e-mail: ivanova-mg@rudn.ru).

Information about the authors:

Vladimir G. Ivanov — Doctor of Political Science, Associate Professor of the Department of Comparative Politics, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-3650-5460) (e-mail: ivanov-vg@rudn.ru).

Maria G. Ivanova — PhD in Philosophy, Assistant Professor of the Department of Political Analysis and Management, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-9296-8013) (e-mail: ivanova-mg@rudn.ru).

Для цитирования:

Иванов В.Г., Иванова М.Г. Образ политического лидера в отечественных политологических исследованиях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 3. С. 558—576. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-558-576.

For citation:

Ivanov V.G., Ivanova M.G. The Image of a Political Leader in the Russian Political Studies. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21 (3): 558—576. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-558-576.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-577-591

Рецензия на книгу

По поводу и по мотивам книги Михаила Таратуты «Русские и американцы»

Рецензия на монографию: *Таратута М. Русские и американцы: Про них и про нас, таких разных. М.: Альпина Паблишер, 2019. 318 с.*

Н.И. Бубнова

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН
Профсоюзная ул., д. 23, Москва, Россия, 117997

Аннотация. В рецензии Н. Бубновой на книгу Михаила Таратуты «Русские и американцы» рассматривается, как в публикации представлены положение дел в переживающих трудный этап российско-американских отношениях, исторические особенности формирования идентичности обоих народов, специфика менталитета россиян и американцев, а также важнейшие внутривнутриполитические проблемы США и России и существующие в этих странах различия в организации социальной сферы: здравоохранения, образования, положения женщин, организации благотворительности. Имея многолетний опыт работы в США, Михаил Таратута по ряду тем уделяет преимущественное внимание ситуации в первую очередь в Америке, в частности таким проблемам, как: политический раскол в обществе при администрации Трампа, иммиграционный кризис, расовые противоречия, рост насилия с применением огнестрельного оружия, радикализация общества. Критически анализируя позицию автора книги по различным аспектам американской проблематики — с его открытиями и упущениями, рецензент одновременно отмечает важность того, что Америка предстает в книге хоть и противоречивой, но вместе с тем разноплановой, динамичной и созидающей, не злокозненной и не стремящейся непременно нанести ущерб России. Исходя из тезиса о непохожести русских и американцев, Таратута, тем не менее, считает возможным и желательным преодоление отчуждения между двумя странами, в котором, как он убежден, виноваты обе они одновременно, а в рецензии обращено внимание на социальные тренды, в том числе нашедшие отражение в книге, демонстрирующие — несмотря на политическое противостояние — определенное культурное сближение в обеих странах.

Ключевые слова: США, Трамп, российско-американские отношения, иммиграция, благотворительность, положение женщин, расовые противоречия, «американская мечта», феминизм, образование, медицина.

В последние годы одна за другой вышли несколько книг — на русском языке, но написанных как отечественными, так и американскими авторами — сравнивающих россиян и американцев или представляющих их мнение друг о друге. Среди

© Бубнова Н.И., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

самых интересных публикаций на эту тему: «Россия и США на пороге третьего тысячелетия» Бориса Гершунского, «„Рычащий медведь“ на „диком Востоке“» Эдуарда Баталова и Виктории Журавлевой, «Заклятые друзья» Ивана Куриллы, «Россия и США: Обреченные быть вместе?» Владислава Малькевича, «Почему Америка и Россия не слышат друг друга?» Анджелы Стент, «Russia from A to Я» Мишель Берди. В этом же ряду стоит и представляемая читателям книга «Русские и американцы» Михаила Таратуты. Кто-то скажет, что смешно сопоставлять русских и американцев: это как сравнивать яблоки и апельсины. Ну так авторы и не пытаются быть железобетонно серьезными. В любом случае книги на данную тему пользуются неизменным интересом. И дело здесь не только в любопытстве в отношении Соединенных Штатов, традиционном восприятии Америки в качестве «значимого другого», но и в желании «поладить», объяснить произошедший обвал отношений, понять, что было не так и что может быть лучше.

Появление публикаций про российско-американские отношения особенно ценно в условиях острого дефицита книг «про Трампа» на русском языке... и практически полного отсутствия «неругательных» книг на английском. А книга Михаила Таратуты, которой посвящена данная рецензия, оказывается актуальной и потому, что в ней рассматриваются темы, которые «у всех на слуху»: положение иммигрантов, строительство стены с Мексикой, расовые противоречия, раскол между леволибералами и сторонниками Трампа, борьба женщин за свои права, проблема права на оружие, благотворительность и пр.

Михаил Таратута — журналист-международник с многолетним опытом работы в США, где он начинал корреспондентом программы «Время», а затем был ведущим авторской передачи «Америка с Михаилом Таратутой». Достаточно упомянуть, что про эту страну он сделал более тысячи репортажей. Как говорится, если не он — то кто?

Как мы дошли до жизни такой... в российско-американских отношениях

Михаил Таратута пишет, что традиционно российско-американские отношения были сложными и страдали от взаимного непонимания. Но при этом справедливо отмечает, что в начале 1990-х, после развала СССР, уровень любви соотечественников к Америке буквально зашкаливал — достигал, судя по опросам, 80 процентов. Однако, с его точки зрения, все это произошло так, будто распад Советского Союза сопровождался одновременным взлетом любви к Соединенным Штатам. Как будто не было 60-х с их оттепелью и 70-х с произошедшим тогда отторжением значительной частью гуманитарной интеллигенции коммунистической идеологии и начавшейся «за железным занавесом» идеализации США.

Трудно согласиться и с тезисом, будто бы мы (будем использовать это местоимение вслед за автором) в период после распада СССР ожидали «всего и сразу» именно от Соединенных Штатов. В действительности, если чего-то и ожидали, то вовсе не в материальном плане — как это утверждает Таратута. Широко распространены были ожидания, что освободившуюся от коммунизма Россию с распростертыми объятиями встретят и поддержат «цивилизованные народы». А что

касается американского участия в российском экономическом строительстве 1990-х годов, то автор забыл упомянуть про американские 20 млрд долларов, вложенные тогда в отечественную экономику (из которых 80% ушли, впрочем, на оплату западных консультантов). Конечно, этого было недостаточно. И большая ошибка США, что они не вложились тогда в Россию, как следует и как следовало бы — например, по аналогии с упоминаемым Таратутой планом Маршалла. Но не в этом была главная российская обида. Демонстрация Вашингтоном убежденности в собственной победе в «холодной войне» (с тезисом о которой, впрочем, согласен и сам автор книги), нежелание считаться с интересами России, расширение НАТО, бомбардировки Югославии, война в Ираке, Афганистане, Ливии, поддержка «цветных революций» и событий «арабской весны» — все это подливало масло в огонь разгоравшихся противоречий между Россией и США. Тем не менее, как справедливо отмечает Таратута, сами тоже виноваты. Согласимся с ним, что в том, что Америка из партнера, пускай и «высокомерного, эгоистичного и не совсем дружественного», стала в какой-то момент противником, стоит поблагодарить «не только американских политиков, весь американский истеблишмент... — но также нашу российскую власть, нашу прессу, а заодно и самих себя» [6. С. 37].

Пошедшие из Москвы угрозы, бряцание оружием, антизападный раж на федеральных телеканалах, не говоря уже про Крым, силовую реакцию на события в Украине и, как убеждены в США, вмешательство в американские выборы — все это, наряду с вышеперечисленными ошибками и просчетами Запада, обрушило двусторонние отношения. Россию западные специалисты уже видят не гибридной демократией, как думает Таратута, а диктатурой, агрессивным полицейским государством, против которого надо разрабатывать меры сдерживания и противодействия. Можно соглашаться или нет с утверждением автора книги, что «наша ненависть, как и наша гордость, — это наш серотонин, наш психологический комфорт» [6. С. 36], что они «наш ответ на тотальное отставание от Запада», что «нам необходима „вторая реальность“» [6. С. 36] в лице нелюбимых Соединенных Штатов, «чтобы психологически выжить». Представляется, напротив, что ухудшения отношений ни одна из сторон не хотела и оно результат ошибок, совершенных, опять же, с обеих сторон. Но Таратута, безусловно, прав в том, что все это очень печально.

Две большие истории: или русские отдельно, американцы отдельно

Русские любят историю. Объясняя современность и типические черты россиян и американцев, Таратута в начале трех глав несколько раз снова и снова возвращается к самым истокам: американским первопоселенцам, с одной стороны, Атлантики и жителям Древней Руси — с другой.

Безграничностью просторов, которые преодолевали древнерусские племена, Таратута объясняет не только широту русской души, но и разрастание государственного аппарата, который, «чем дальше отодвигались наши границы... тем сильнее разрастался... проникая во все клетки, заполняя собой все полости российской жизни» [6. С. 41]. Как и многие историки и антропологи, автор моногра-

фии связывает общинность русского быта с императивом взаимопомощи и совместного выживания в трудных климатических условиях. Впрочем, в следующей главе — там, где он воспроизводит американскую историю — он тоже пишет о «трудных климатических условиях», в которых проходила жизнь прибывших из Европы пилигримов. Любопытно, что первые поселения пилигримов, как считает Таратута, начинались прямо-таки с колхозов, где все было общинное, общественное. Однако в Америке подобная форма хозяйствования быстро обнаружила свою неэффективность и уже буквально через пару лет сменилась индивидуальным хозяйствованием.

Таратута показывает, как на протяжении веков преодоление тягот быта на девственном континенте, освоение новых земель формировали упорный и свободолюбивый характер американских первопоселенцев и последовавших за ними новых поколений иммигрантов — с их надеждой на преуспевание, верой в собственные силы и привычкой к действию. В логике Макса Вебера он пишет и о том, какое воздействие на формирование американских институтов и трудовой этики оказала протестантская религия. Тогда как говоря о России, Таратута подчеркивает непреходящее значение, которое в истории страны сыграло принятие христианства. Однако можно поспорить с его предположением, что Владимир-креститель выбрал не столько православие, сколько Византию. Ведь, как писал Дмитрий Лихачев, «быстрота и „благополучие“ христианизации Руси и может объясняться только тем, что Русь нуждалась в христианстве, как в некоей культуре-субстрате, на которой должна была вырасти великая и самостоятельная культура» [3. С. 51].

К православным истокам возводит Таратута такие качества русского народа, как «наиболее почитаемая в православии добродетель смирения» [6. С. 51], долготерпение, жертвенность. «С точки зрения западного менталитета, — отмечает Таратута, — добровольно обрекать себя на страдание... — это патология. Некоторые западные исследователи так и называют нашу культуру — культура нравственного мазохизма, в центре которой они видят личность, действующую против собственных интересов» [6. С. 53]. Но при этом, подчеркивает автор, «„русская патология“ не раз спасала Европу» [6. С. 53].

Американцы на протяжении всей своей истории были движимы представлением, что Америка — свободная страна свободных людей, а ее миссия — служить путеводной звездой для других государств мира. Но тут можно было бы вспомнить и о Доктрине Монро, и о других событиях в ее совсем не столь однозначной истории. Что же касается будто бы всегда превалировавшей авторитарной доминанты в истории России, то, по мнению Александра Янова, периоды деспотизма и реакции всегда чередовались в ней с прорывами к свободе.

Отдельная глава книги посвящена периоду маккартизма, который автор называет самым постыдным в истории США. Впрочем, если сравнивать его с распространившимися в последний период в США страхами в отношении России и поисками «руки Москвы» и «агентов влияния», то указанный этап развития США во многом схож с тем, что наблюдается в настоящее время.

О ментальности не мудрствуя лукаво: стремление к смыслам vs американская мечта

Таратута многократно повторяет, что не знает, какая «духовность» есть у русских. Но фактически сам же отвечает на этот вопрос. Это стремление к смыслам, даже больше — делание хорошего как самоценность и самоцель; жажда справедливости и не только для себя, но и для других тоже, часто в ущерб самому себе. «...Сострадание, чувство жалости, умение прощать чужие грехи — все это есть в русской натуре», — указывает автор книги [6. С. 52].

Почитание добродетели смирения, как пишет Таратута, «обращает человека от настоящего к будущему» [6. С. 51] — и предопределяет свойственный русским фатализм, готовность жертвовать жизнью ради высокой цели и упование на лучшую жизнь в мире ином. Заметим, однако, что в постперестроечном поколении любовь к страданиям и убеждение, что Бог испытывает лучших, сменились на стремление к комфорту в этой жизни и подспудному ощущению — совсем «как у них» — что, если ты страдаешь, — значит, неправ. Но одновременно — и это плюс — и фатализма стало меньше.

Для россиян также важна искренность поведения, отсутствие фальши в общении. В этом плане интересно наблюдение Таратуты про знаменитые улыбки американцев. Его сравнение: улыбки — как скорлупки, своего рода защитный панцирь — это любопытный образ. Он пишет об индивидуализме и одиночестве американцев. Действительно, там не принято жаловаться, плакаться, а значит и возможности облегчить душу ограничены. Положено справляться, *perform* — чтобы тебя считали успешным человеком.

В этой связи утверждение Таратуты, будто бы американцы более честные, представляется весьма спорным, если только не вспомнить об англосаксонском представлении о «цельности» (вместо обычного для русских слова «порядочность»), которая включает как связи между людьми, так и отношения с властью, законом. И если в первом случае сравнение вовсе не обязательно будет в пользу американцев, то во втором первенство, несомненно, будет у последних. Хорошо известно, что в Америке сотрудничество с государством считается нормой. Тогда как в России, напротив, исторически государство всегда представлялось самоценностью, а жили «по понятиям» и, как пишет Таратута, «справедливость для русского человека всегда была выше закона» [6. С. 74].

В связи с этим хотелось бы поспорить и с рассуждениями Таратуты о доверии и недоверии в России и США. «Да и друг другу у нас как-то не очень доверяют» [6. С. 75], — пишет автор. При этом он ссылается на культуролога Лоренса Харрисона, который считает, что отсутствие доверия — фактор, который тормозит развитие страны. Однако опросы фиксируют в России чуть меньшее доверие к людям вообще по сравнению с западными странами, но большее — к знакомым, друзьям, внутри семьи. Публикуемые исследования свидетельствуют, что около половины россиян имеют близких друзей и для них дружеские отношения почти так же важны, как отношения в семье (исследования ВЦИОМ) [1. С. 182]. При этом 60% россиян в ходе опросов также сообщают, что имеют хорошие, дружеские отношения с ближайшими соседями [4. С. 32].

Трудно согласиться с Таратутой, и когда он многократно отмечает якобы присущую русским нелюбовь к другому, иному (которую он связывает с православием, византийскими корнями). В действительности же, опасение инаковости свойственно любым людям, людям вообще со времен племенной вражды, но русские в этом плане скорее отличаются в лучшую сторону [3. С. 27]. Не случайно в русском языке слово «другой» имеет позитивную коннотацию. «Она другая», «ты другая» — значит у нас: прекрасная. А в Америке, говоря *different* («другой»), — имеют в виду «нехороший». Традиционно их «плавильный котел» подразумевал, что надо «плавиться» — хочешь или не хочешь. ...Русские «не привыкли к такому этническому многообразию», — утверждает Таратута [6. С. 238]. Но разве это про нас?! У нас, напротив, — хотя потоки трудовой миграции в последние два десятилетия и повысили градус раздражения к приезжим — присутствует многовековой опыт проживания бок о бок различных народностей, любопытство и восприимчивость по отношению к другим культурам. Американцы, впрочем, тоже любопытны — поспорим в этом уже не с Таратутой, а с Ильфом и Петровым. И с интересом спрашивают людей из других стран, «как там у них». Однако, в отличие от русских, подспудно убеждены, что правильно — именно как у них в Америке.

Сучки и задоринки повседневной жизни

«Часто живут в отдельных домах, у многих машины», — пишет Таратута о своих впечатлениях об Америке конца 1970-х, когда он впервые приехал туда. Действительно в 1979 г., к которому относится его наблюдение, около 80 процентов американцев жили в собственном доме (сейчас около 70, рекордно низкий показатель для США). А количество машин превышало число семей: для конца 70-х эта цифра составляла около 120 млн.

А вот что американцы не приглашают в эти свои дома гостей, — то уж с этим позвольте не согласиться категорически. Приглашают и приглашают вовсю. Совсем не так, как в некоторых европейских странах, где дом — воистину крепость. Зовут в гости не только друзей, но и коллег, соседей, друзей друзей. Автора рецензии — за три года проживания в американской глубинке на Среднем Западе — коллеги и знакомые американцы принимали у себя дома 36 раз. Даже во времена «холодной войны» и вплоть до недавнего скандала с «российским вмешательством в выборы», когда русские стали казаться «токсичными», — приглашали в гости и наших дипломатов с журналистами. Сказывается не только относительная дешевизна продуктов при высоких зарплатах, но и в целом открытый характер американцев.

Некоторых читателей возможно удивит, что Таратута пишет, будто бы 15 млн американцев «остались неохваченными» медицинской страховкой. Ведь программа доступной медицинской помощи «Обамакер», с которой сейчас так упорно борется Трамп, должна была охватить практически все население. Однако в действительности, несмотря на ее реализацию, количество не имеющих медицинскую страховку американцев, хоть и достигло в 2016 г. исторического минимума (снизившись со своего пика в 46,5 млн в 2010 г.), тем не менее, составляет

более 27 млн человек [7. Р. 1, 3, 5] и с 2017 г. снова начало расти. Одновременно повысились страховые взносы для всех остальных категорий граждан, что и является первейшим предметом критики республиканской администрации. А в целом почти 50 млн американцев не имеют доступа к необходимой им медицинской помощи как из-за отсутствия страховки, так и из-за уменьшившегося по стране количества врачей, нехватки требуемых специалистов в соседнем населенном пункте и пр. Хотя, тем не менее, медицина для американцев всегда была и остается предметом гордости, и они непоколебимо убеждены, что она у них лучшая в мире... в отличие от их системы образования.

Таратута много пишет о том, что в американских семьях и школах детей учат независимости, умению самостоятельно решить проблему. «...Американские школы не рожают в детях комплексы, а, напротив, раскрепощают учеников, не навязывают готовые ответы, а поощряют их самостоятельный поиск. Уважая личность в своих учениках, школа с младых ногтей воспитывает в детях чувства свободы и достоинства», — звучит как манифест, но в действительности в значительной степени является *wishful thinking*, представлением идеального как реального. Если бы это было правдой, в Соединенных Штатах не говорили бы постоянно о кризисе системы образования. Странным показалось и то, что автор считает, что главное в американских школах, чтобы там было *fun* — весело, увлекательно. Да, учителя стараются сделать уроки интересными, использовать визуальные материалы, современные технологии. Но поскольку от детей ожидается меньше по сравнению с советскими школами, где учились представители моего поколения, то уроки, осваиваемый материал в американской школе могут показаться излишне упрощенным. А многократное повторение одного и того же (поскольку не считается, что ученик способен запомнить это самостоятельно вне школы) усугубляет скуку. При всем том учителя в Америке действительно не кричат на детей. И если еще в 1970-х физические наказания были непременной частью образовательного процесса в католических школах, то с тех пор они были запрещены в подавляющем большинстве штатов.

Что касается самостоятельности, то в самом деле многие американские дети зарабатывают свои первые деньги рано: разносят почту, убирают снег у соседей, в более старшем возрасте остаются с чужими детьми и т.д. В США не считается предосудительным, когда родители платят дочке или сыну за участие в уборке или когда школьники берут с соучеников деньги за помощь с уроками. Но американцы, в отличие от поколения россиян, родившегося еще в СССР, сравнительно поздно учатся справляться по дому, самостоятельно передвигаться по городу (там это называется быть *street-smart*), ходить в магазин и пр.

Однако, действительно, от американской молодежи ожидается, что уж после окончания университета они будут самостоятельно обеспечивать себя и решать собственные проблемы. Да и во время пребывания чада в высшем учебном заведении даже богатые родители могут решить, что они будут оплачивать только сам процесс обучения — так называемую *tuition fee* — а их дочь или сын должны будут сами зарабатывать себе на проживание — *living expenses*. Но времена меняются, и взгляды и установки соотечественников в этом плане понемногу сближаются с американскими.

Раскол в стране: все не смешались в американском доме

Наверное, лучшие главы в книге посвящены драматичному разделению, произошедшему в американском обществе. Цитируя специалиста по гражданским конфликтам Кейта Майнса, Таратута пишет об ослаблении политических институтов США, в первую очередь Конгресса и судебной системы, о растущей роли прессы в расколе общества: «Сегодня весь информационный рынок США поделен между шестью гигантскими медийными холдингами. Каждый из них обслуживает свой сегмент аудитории, поставляя ей ровно ту информацию, которую она хочет слышать и читать: демократы получают новости и комментарии под углом своих убеждений, республиканцы — своих (сохранен синтаксис оригинала. — *Н.Б.*)» [6. С. 196—197]. Добавим при этом, что и в социальных сетях различные категории американской публики (в России не совсем так), по свидетельству экспертов, тоже практически «не пересекаются»: либералы общаются с либералами, а консерваторы с консерваторами. При этом полярные позиции у этих разных аудиторий наблюдаются по коренным для страны вопросам: отношению к иммиграции, всеобщей медицинской помощи, программам помощи бедным, отношению к абортам, легализации однополых браков, проблеме получения разрешения на владение оружием.

Автор справедливо отмечает, что следствием — добавим, что и воплощением — подобного раскола в обществе явилось избрание президентом Дональда Трампа, который — сам будучи миллиардером — парадоксальным образом сумел позиционировать себя как представителя «простых американцев» [2. С. 6], выражающего интересы и защищающего позиции трудового народа: плюс-минус тридцати процентов населения, сохраняющих верность ему, несмотря на развернутую против него борьбу Демократической партии и истеблишмента и разнузданную антитрамповскую кампанию в американских либеральных СМИ.

Однако с выводом Таратуты о том, что за счет эффекта «плавильного котла» в стране происходило формирование единой нации, можно согласиться лишь отчасти: скорее можно говорить о двух нациях, поскольку и по социально-политическому положению, и по малому, хотя и выросшему на порядок, количеству смешанных браков, в Соединенных Штатах все равно фактически развиваются две нации. Многочисленные программы интеграции и стимулирования найма чернокожих привели к снижению преступности и значительному улучшению их положения. Однако все это уменьшило, но не устранило драматический разрыв в положении белого и чернокожего населения.

Поэтому трудно принять пафос автора, когда он пишет про безработных из числа афроамериканцев так, как будто они сами виноваты в положении, в котором оказались: «Не имея ни образования, ни специальности, не проработав и дня в своей жизни, эти потомственные безработные живут в убеждении, что общество устроено несправедливо и бесконечно им обязано, что мир враждебен по отношению к ним. И они отвечают такой же враждебностью миру» [6. С. 222—223]. Однако чернокожие юноши, рожденные в гетто, несмотря на все достигнутые успехи по десегрегации, действительно имеют огромные проблемы в том, чтобы

вырваться за пределы среды, отягощенной преступностью и наркотиками, не могут рассчитывать на получение адекватного образования, позволяющего поступить в лучшие вузы, испытывают сложности при поисках работы. Очевидно, общая оценка существующего положения дел должна учитывать специфику общества, создавшего и все еще не преодолевшего подобную несправедливость.

Женщины в контексте феминизма

Женщины составляют добрую (во всех смыслах) половину человечества (хотя и меньшую в США по сравнению с большей в России — отсюда тоже разница в восприятии взаимоотношений полов). Но Таратута больше пишет не об этом, а о феминизме. И даже про Трампа он рассказывает больше всего в контексте роста феминизма и волны обвинений в харассменте. Однако можно согласиться с патетикой Таратуты, когда он пишет об оголтелости и перегибах как феминизма, так и кампании, связанной с заявлениями о сексуальном домогательстве. Стремление добиваться своих прав «как группы», что в высшей степени свойственно американцам (а в данной ситуации американкам), в случае с борьбой феминисток превратилось в настоящую войну. «Цель этой войны — убедить женщин, что они ничем не отличаются от мужчин, что якобы имеющиеся различия между полами — физические, психологические, эмоциональные — не предопределены природой, они живут только в их головах, что это не более чем социальные конструкты, результат вековых ограничений и стереотипов, навязанных миром мужчин» [б. С. 282]. Да, так действительно думают многие женщины в США: сама не единожды слышала это от своих студенток в американском университете, доказывавших, что они ничем не отличаются от сокурсников — «их, мол, только воспитали другими».

Таратута считает, что «самое мощное цунами обвинений в сексуальных домогательствах известных и влиятельных мужчин» [Там же], которое в последнее время захлестнуло Америку, связано с происходившим в последние десятилетия полевением либеральной мысли, охватившим университетские круги, Голливуд, журналистику, шоу-бизнес и значительную часть Демократической партии в целом. Америка «созрела» для этой волны скандалов вследствие распространения леволиберальной культуры с ее «насильственным насаждением мультикультурности [?! — это термин применим скорее к Европе, а не к Штатам. — *Н.Б.*], зашкаливающей политкорректностью и социалистическим популизмом» [Там же].

Согласимся с Таратутой в том, что не хочется, чтобы в России «движение в защиту женского достоинства... выродилось в свою карикатуру, как это сейчас происходит за океаном» [б. С. 293]. Но вместе с тем согласимся не соглашаться — или, точнее, не вполне соглашаться — с его следующей, завершающей главу, фразой, что «Россия с трудом воспринимает культуру равноправия, у нас она находится в зародышевом состоянии, задушить который (кого? следовало бы пояснить. — *Н.Б.*) пытаются даже власти» [б. С. 293]. Здесь далеко не все так однозначно. Вспомним, что наши соотечественницы голосовали задолго до американок, воевали в Гражданскую, Первую мировую и Великую Отечественную (500 тыс.), восстанавливали страну, когда многие сверстники-мужчины погибли. 97% женщин в СССР работали, когда в Америке $\frac{2}{3}$ еще сидели дома в конце 1960-х гг.

Но, тем не менее, в России позитивных «подвижек» в положении женщин в последние несколько десятилетий действительно не наблюдается: соотношение женской зарплаты к мужской осталось на уровне последних лет перед распадом СССР — 62% — и воз и ныне там.

В Штатах, в которых соотношение женской зарплаты к мужской еще несколько десятилетий назад было такое же, как и в СССР, за истекшие годы положение женщин существенно улучшилось и соответствующие показатели составили уже 82%. Это, конечно же, огромный успех. Но проблемы женщин за океаном далеко не решены — поспорим и в этом с Таратутой. И 82% — это далеко еще не сто процентов, и даже сто процентов от мужской зарплаты — это не все, что нужно для самореализации и гармонии в жизни. А то, что женщины в США для достижения успеха и продвижения по службе чувствуют необходимость вести себя как мужчины, — этот факт фиксируют соцопросы и медицинские исследования — тоже своего рода насилие над личностью и свидетельство неблагополучия общества. Три из четырех американских женщин на высоких постах имеют проблемы с деторождением и наблюдаются у врачей по поводу гормональных изменений. В США большой объем домашнего насилия, показатели которого идут вверх. А тенденция резкого расширения владения оружием среди женщин — свидетельство не только и не столько возрастающего равноправия и рациональности, сколько стремления защититься.

Да, жаль, что про наших (и про американских) замечательных женщин в книге сказано только в контексте феминизма...

Иммиграция: поехали за орехами

Таратута пишет о притоке иммигрантов в США со смешанным чувством восхищения и оторопи, что по-английски определяется словом *awe*: «Я не знаю ни одной другой страны, которая сегодня принимает у себя такое число людей со всего мира. В последние 30 лет в Америке ежегодно оседало от 700 000 до 1,8 миллиона иммигрантов! И это только легально!» [б. С. 239]. Он отмечает, что уже сейчас в Майями живет больше выходцев с Кубы, чем потомков иммигрантов из Европы, а на значительной части территории Флориды и Калифорнии испанский язык распространен наравне с английским, и для каждого четвертого из калифорнийских детей английский язык не является родным.

Таратута подробно рассказывает, как исторически Соединенные Штаты формировались волнами иммигрантов. Однако его утверждение, будто бы принятый в 1882 г. запрет на въезд китайцев был первым и единственным в истории Америки законом, ограничившим иммиграцию по признаку расы, не совсем точно. Поскольку один из основных законодательных актов, подписанный Дональдом Трампом вскоре после вступления в должность, Иммиграционный акт — временно закрыл въезд для приезжих из семи арабских стран. В их число вошли Ирак, Сомали, Иран, Судан, Йемен, Ливия и Сирия — для граждан последней доступ в США был прекращен на постоянной основе.

Но, в отличие от того, что утверждает Таратута, меры Трампа не привели к сокращению иммиграции. Напротив, происходит ее рост, особенно на южной гра-

нице. Но между тем действительно интересно наблюдение автора, что происходит смена парадигмы. На протяжении трех с половиной веков, иммигрировав в США, «приезжие неизменно перенимали американский быт и американские ценности» [6. С. 254]. Теперь же этнические сообщества вновь прибывших застолбили и расширяют свое культурное и общественно-политическое пространство, меняя и соответствующее пространство самих Соединенных Штатов.

О работе, труде и благотворительности... с любовью

В книге очень мало говорится о бизнесе, заводах и фабриках, о развитии американских городов, нефтедобыче и добыче угля, сфере услуг и высоких технологий, энергетике и транспорте. Таратута пишет, что американское могущество было воздвигнуто на плечах черных подневольных тружеников на рабовладельческих плантациях Юга — но это спорный тезис.

Лишь по касательной затронута профессиональная сфера, которая у американцев считается каркасом личности. «*What do you do for living?*» (Чем вы занимаетесь, чтобы заработать на жизнь?), — спрашивают при первой встрече, при первом свидании. Таратута справедливо отмечает знаменитую американскую работоспособность. Однако при этом пишет, будто бы, получив задание, американец сразу разложит его по задачам (*tasks*), найдет алгоритм действий и выполнит все по первому разряду. Не факт. По последним исследованиям, показатели продуктивности в Северной Америке находятся примерно посередине мировой шкалы, хотя американцы, как правило, работают дольше остальных. Но, тем не менее, действительно велика вероятность того, что, получив работу, американец набросится на нее, постарается сделать хорошо. Работу в Штатах ценят, работают много, работу боятся потерять.

«В отсталых странах новаторство воспринимается как угроза установившейся стабильности, как ересь. К труду в таких странах относятся как к повинности. Работают, чтобы жить. В динамичных странах живут, чтобы работать» [6. С. 72—73], — утверждает Таратута. Однако на самом деле, как отмечается в ведущих исследованиях по управленческому консультированию (во многих проектах по оптимизации производственных процессов автору рецензии довелось лично участвовать), людям на предприятиях любых, самых различных, стран свойственно встречать нововведения в штыки. А в том, что касается Соединенных Штатов, удивительно, как многие, судя по опросам, там говорят, что им не нравится то, чем они занимаются, что работают только для денег: по различным опросам, до 80% — хотя эта тенденция и меняется в среде молодых.

Впрочем, и в России, по многим наблюдениям, в настоящее время молодое поколение «внуков Горбачева», в отличие от стремившегося к материальному благополучию поколения «нулевых», отдают приоритет самореализации, не имеют комплекса неполноценности в отношении Запада и чувствуют себя частью открытого мира [5]. И на тех предприятиях, где налажены современные процессы, россияне, как свидетельствуют исследования, демонстрируют способность работать не хуже и не меньше европейцев и почти столько же, сколько американцы.

Гораздо больше, чем о бизнесе, Таратута пишет о благотворительности. Цифры благотворительности в США, приводимые им, впечатляют. В этой сфере занято 10% всех работающих в США, что составляет 11 млн человек. Почти полтора миллиона американских благотворительных организаций собрали в одном лишь 2015 г. пожертвований на невероятную сумму в 373,5 млрд долларов. В России благотворительность, однако, тоже набирает обороты. Хотя из-за государственно-монополистического характера экономики, многим компаниям и предприятиям просто «предписано» осуществлять такого рода пожертвования, тем не менее, ширится и общественное участие в благотворительности.

Заключение

Очень ценно, что Америка предстает в труде Михаила Таратуты живой, разноплановой, динамичной, созидающей, дающей возможность своим гражданам строить свою жизнь, не злокозненной и не стремящейся непременно нанести ущерб России.

Но вместе с тем не надо принимать за стопроцентную истину и то, что написано в данной книге, как и в любой другой. Собственно, к этому в своем тексте призывает и сам Таратута. Читайте, не завидуйте, сравнивайте с другими источниками, думайте. Надеемся, что этому в какой-то мере поспособствует и данная рецензия. Некоторые «ограничители» в позиции автора книги, как представляется, — результат его опыта проживания в Калифорнии, в столице и «на побережьях», отличающихся от «глубинной Америки», а также, может быть, отсутствие у него опыта работы в американских организациях и более тесного дружеского общения с «аборигенами». Книга также выиграла бы от дополнительной редактуры. Цитаты, в том числе довольно пространные, даны без ссылок. Обращают на себя внимание и некоторые «неполиткорректности» типа: «какой-нибудь захудалый народец», «Гавайи — это именно курьез», «жидкий гавайский генотип», «люди со смешными косичками», «тележурналист с лицом Дэн Сяопина и манерами английского лорда». Хотя они и представляются довольно случайными во в целом сбалансированном тексте.

Многое осталось «за кадром». В том числе самое значимое для русских и то, что у них всегда было на самом высоком уровне и даже выше: любовь, дружба, страсти, литература, театр, стихи и уникальная школа переводов, делающая весь мир поэзии — нашим. За рамками книги и многое из того, что числится среди самого важного для американцев и в чем они впереди планеты всей: деньги, дом, автомобили, спорт, мюзиклы, Голливуд и все, что с ним связано. Не стали предметом рассмотрения, к сожалению, и те вещи, которые и они, и мы любим: природа, спорт, юмор (хотя он бывает весьма разным в США и в России), и, конечно же, освоение космоса, стремление к звездам. Или одинаково не приемлем: насилие, распространение наркотиков, терроризм. Точки соприкосновения стоит искать как в сходных общественных устремлениях, по целому ряду которых, как было показано выше, несмотря на политическое отчуждение, происходит сближение российских позиций с американскими, так и по перспективным направлениям совместной деятельности в преодолении главных угроз, стоящих перед обоими обществами. Ждем продолжения. Продолжение следует?

Библиографический список

- [1] Бубнова Н. История с демократией // 20 лет без Берлинской стены: прорыв к свободе / ред. Н. Бубнова. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2011. Режим доступа: http://carnegieendowment.org/files/20yearsWall_RUS_web.pdf. Дата обращения: 15.10.2016.
- [2] Бубнова Н.И. Структурные и кадровые сложности формирования внешнеполитического курса администрации Д. Трампа // Пути к миру и безопасности. Декабрь 2017. № 2. С. 6—27.
- [3] Лихачёв Д.С. Русская культура. М.: Искусство, 2000. 438 с.
- [4] Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И. Практики филантропии в России: вовлеченность и отношение к ним населения. Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2009. 201 с.
- [5] Островский А. Говорит и показывает Москва: Путешествие из будущего в прошлое средствами массовой информации. Москва: Corpus, 2019. 528 с.
- [6] Таратута М. Русские и американцы: про них и про нас, таких разных. М.: Альпина Паблшер, 2019. 318 с.
- [7] Key Facts about the Uninsured Population // The Henry J. Kaiser Family Foundation. 7 Dec. 2018. 29 p.

История статьи:

Статья поступила в редакцию 21.03.2019.

Статья принята к публикации 15.06.2019.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-577-591

Book review

About and Based on the Book by Mikhail Taratuta “Russians and Americans” Book review: Taratuta M. *America and Russia. We are so Different. Moscow: Alpina Publisher; 2019. 318 p.*

N.I. Bubnova

Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations (IMEMO)
of the Russian Academy of Sciences,

Profsoyuznaya Str. 23, Moscow, Russian Federation, 117997

Abstract. In her review of Michail Taratuta’s recently published volume “Russians and Americans”, Natalia Bubnova offers a thorough analysis of how the book depicts the troubled state of affairs in the U.S.—Russia relations, the historic and cultural factors that formed the national identities of Americans and Russians and the resulting differences in the mentalities of the two peoples, as well as the state of the current domestic life in the United States and Russia, the particularities of their health care and educations systems, their special features of gender relations, the functioning of local charity organiza-

tions, etc. Having lived and worked for many years in America, Taratuta, on a whole number of topics, focuses primarily on the United States. These include the ongoing political schism under the Trump's Administration, the migration crisis and racial contradictions, the gun control problem, and the rise of both the left- and right-wing radicals. While siding with Taratuta's assessments on a number of issues, Bubnova offers an alternative viewpoint on others, yet acknowledges the importance of the book's overall perspective on the United States as a vibrant, resourceful and dynamic society, and not necessarily aggressive or conspiring against Russia. Though proceeding from an assumption that Americans and Russians have few similarities, Taratuta simultaneously believes that it is imperative to overcome the current confrontation, for which he blames both sides. The review points out to the social trends — some of which are reflected in the book — which, despite the political alienation, nevertheless manifest certain signs of cultural rapprochement.

Keywords: United States, U.S.—Russia relations, immigration, charity, racial discrimination, American dream, feminism, education, medical care

References

- [1] Bubnova N. What Happened to Democracy. *20 Years Without the Berlin Wall: A Breakthrough to Freedom*. Bubnova, N. (Ed.) Carnegie Moscow Center, ROSSPEN; 2011. 291 p. Available from: http://carnegieendowment.org/files/20yearsWall_RUS_web.pdf. Accessed: 15.10.2016.
- [2] Bubnova N.I. Trump's Stand-off with the Establishment: The Administration's Structural and Cadre Difficulties in Laying out its Foreign Policy Course. *Pathways to Peace and Security*, IMEMO. 2017; 2: 6—27 (In Russ.).
- [3] Likhachov D.S. *Russian Culture*. Moscow: Iscusstvo Publishers; 2000. 438 p. (In Russ.).
- [4] Mersiyanova I.V., Yakobson L.I. *The Practices of Philanthropy in Russia: Engagement and Population's Attitude to Those Practices*. Higher School of Economics. Moscow: Publishing House of University — Higher School of Economics; 2009. 201 p. (In Russ.).
- [5] Ostrovskiy A. Moscow Broadcast: Journey from the Future into the Past by Means of Mass Communication. Moscow: Corpus; 2019. 528 p. (In Russ.).
- [6] Taratuta M. *America and Russia. We are so Different*. Moscow: Alpina Publisher; 2019. 318 p. (In Russ.).
- [7] Key Facts about the Uninsured Population. *The Henry J. Kaiser Family Foundation*. 7 Dec. 2018. 29 p.

Article history:

The article was submitted on 21.03.2019.

The article was accepted on 15.06.2019.

Сведения об авторе:

Бубнова Наталья Игоревна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (ORCID ID: 0000-0002-1434-4133) (e-mail: nataliaibubnova@gmail.com).

Information about the author:

Natalia I. Bubnova — PhD in History, Leading Researcher of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-1434-4133) (e-mail: nbubnova@imemo.ru).

Для цитирования:

Бубнова Н.И. По поводу и по мотивам книги Михаила Таратуты «Русские и американцы». Рецензия на монографию: Таратута М. Русские и американцы: Про них и про нас, таких разных. М.: Альпина Паблишер, 2019. 318 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 3. С. 577—591. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-577-591.

For citation:

Bubnova N.I. About and Based on the Book by Mikhail Taratuta “Russians and Americans”. Book review: Taratuta M. America and Russia. We are so Different. Moscow: Alpina Publisher; 2019. 318 p. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21 (3): 577—591. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-3-577-591.